

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

12

Москва 2007

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Главный редактор:

Леокадия Дробужева

Редакционная коллегия:

Юрий Батурин

Эмиль Паин

Екатерина Алексеева (ответственный секретарь)

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Подкова. Дмитров. Московская область. Фото Ярослава Амелина.
Росфото.

Адрес редакции:

Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,

ОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:

123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-34-96

Электронный адрес:

kennan@kennan.ru

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов

ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

С о д е р ж а н и е

<i>К читателю</i>	5
К 200-летию установления дипломатических отношений России и США	
<i>Блэр Рубл</i> Что мы сегодня отмечаем?	7
<i>Юрий Батурин</i> Соперничество и сотрудничество в космосе	9
Вызовы глобализации	
<i>Никита Покровский</i> Горячее дыхание глобализации	27
<i>Харли Балзер</i> Россия и Китай в глобальной экономике	44
Россия в пути	
<i>Алексей Зудин</i> Неотрадиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы	57
<i>Леокадия Дробижева, Алла Чирикова</i> Вертикаль власти и состояние российского федерализма в оценках региональных элит	75
<i>Татьяна Сохраняева</i> Развитие корпоративного образования как аспект российской модернизации	83
Мигранты – социальный ресурс или новые опасности	
<i>Ярослав Пилинский</i> Миграционные процессы в современном мире: уроки для Украины	93
<i>Людмила Андриченко</i> Проблемы государственно-правового регулирования миграции в России в контексте обеспечения национальной безопасности	106

<i>Вячеслав Попков</i> Особенности формирования идентичности азербайджанцев в городах русской провинции (на примере Калуги)	120
Хроника	
Календарь событий весны – лета 2007 года	132
Совет Товарищества	133
<i>Виктория Журавлева</i> Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность	134
<i>Екатерина Алексеева</i> 200 лет российско-американских отношений (заметки с конференции)	145
<i>Андрей Макарычев</i> Россия и Европейский союз: дискуссия в Нижнем Новгороде	148
Вести с Woodrow Wilson Plaza	
<i>Ольга Большакова</i> Американская мозаика	151
Проекты и программы	
Центрально-Евразийские краткосрочные гранты	157
Книги	
<i>Рустам Шукуров</i> Ислам в России, ислам для России	158
<i>Summaries</i>	164
<i>Приглашаем авторов к сотрудничеству</i>	166

К читателю

В этом номере «Вестника» вы найдете статьи по актуальным для России темам. В 2007 году отмечалось 200-летие установления дипломатических отношений между Россией и США. К этой дате были приурочены международные конференции, выставки, публикации, кинофестивали и театральные гастроли. Юбилей способствовал более глубокому и разностороннему анализу российско-американских отношений. Несмотря на многообразие высказанных оценок, общим было мнение об огромной исторической ответственности наших стран за судьбу мира. Поэтому сегодня столь важно не дать расхождениям и взаимным разочарованиям направить отношения России и США в русло конфронтации и вражды, ориентируя их на диалог и сотрудничество.

Отмечая юбилей, пишет Б. Рубл, нужно помнить не только то, что хочется. Ведь история «представляет собой полотно, состоящее из различных эпизодов: противоречивых, хороших, плохих, отвратительных». При таком подходе станет легче обнаруживать «моменты пересечения наших интересов и моменты острых разногласий». Ю. Батулин на примере развития отношений в сфере освоения космоса показывает, как наличие общих целей позволило России и США постепенно перейти от соперничества к партнерству. Обзоры двух крупных международных конференций, состоявшихся в начале года в РГГУ и в конце года в Президиуме РАН, дадут читателю представление о спектре вопросов, затронутых ведущими учеными двух стран.

Подготовка к выборам в Государственную думу в декабре 2007 года и президентским выборам в марте 2008 года стимулировала обсуждение итогов второго срока президентства В. Путина и в целом особенностей современного развития России. Сконструированная за это время система государственного управления резко повысила возможности первого лица, но при этом обнаружила очевидные издержки. Имитационность деятельности институтов власти, несбалансированное усиление роли государства в политике и экономике привели к нарастанию коррупции, недостаточному учету регионального разнообразия, снижению индивидуальной инициативы. Неоднозначное восприятие рецентрализации региональными элитами и ее возможные последствия показывают Л. Дробижеева и А. Чирикова. Может ли быть эффективной такая система в условиях глобализации, позволяет понять статья Х. Балзера.

Своеобразный глобализационный сценарий для России предлагает Н. Покровский, рассматривающий новое российское общество как «испытательный полигон», на котором апробируют себя тенденции, которые в будущем полностью проявят себя в глобальном пространстве. Эволюции российского массового сознания посвящена статья А. Зудина, в которой делается попытка осмысления наблюдаемой в последнее время «традиционализации» как первичной стадии укоренения новых ценностей, представлений и институтов. Т. Сохраняева анализирует развитие корпоративного образования в России

как одного из факторов «модернизации» человеческого ресурса.

Журнал продолжает публикацию материалов, посвященных миграции. Статьи Л. Андриченко, В. Попкова и Я. Пилинского – взгляд на различные аспекты этой проблемы из федерального центра, конкретного российского региона и Украины, имеющей сходное с нашей страной историческое прошлое.

Следующий выпуск «Вестника» выйдет после выборов. Поэтому мы планируем отразить в нем вопросы, связанные с электоральным поведением и меха-

низмами взаимодействия власти и общества. Обсуждение темы миграции нам хотелось бы направить в русло проблем адаптации к новой этнодемографической ситуации как принимающего общества, так и иммигрантов, ориентированных на длительное проживание в стране. Наконец, к дискуссии о меняющейся идентичности россиян, которая ведется социологами и политологами, мы надеемся привлечь также культурологов и психологов.

Редколлегия

Что мы сегодня отмечаем?

О становившись и задумавшись о том, каким был мир 200 лет тому назад, начинаешь понимать, как незначительные события – эдакие песчинки на морском берегу или падающие в лесной чаще деревья – способны через многие годы привести к грандиозным последствиям. Что же мы сегодня отмечаем?

Слабое, недавно появившееся государство и значительно более старая держава, в тот момент также оказавшаяся вне основного русла международной дипломатии, договорились об установлении официальных отношений. Что касается Соединенных Штатов Америки, то они пребывали в состоянии полной неопределенности. Два из трех основных сюжетов, проходящих через всю историю страны, – экспансия на Запад и прием большого количества иммигрантов – только начинались, в то время как третий – рабство с его долговременными пагубными последствиями – вступал в наиболее разрушительную стадию. Само существование страны оставалось под вопросом вплоть до завершения войны 1812 года, которая была еще впереди; а кровавая гражданская война, разразившаяся спустя десятилетия, явилась результатом «химической реакции» перечисленных выше основных сюжетов американской истории: экспансии на Запад, массовой иммиграции и рабства, замешанного на расизме.

Россия в то время уже была игроком на европейской арене, однако ее лидерство в Европе несколько пошатнулось в связи с возвышением Наполеона. Великая победа России над Наполеоном, а также ее выдвижение на центральное

*Блэр А. Рубл,
директор Института Кеннана*

место в европейской международной системе произошли несколькими годами позже. Россия расширяла свою территорию, двигаясь на юг и восток, но процесс этот был далек от завершения. И, наконец, Россия страдала от одного из своих самых болезненных социальных зол – крепостного права, – и ей, как и Соединенным Штатам, потребовались десятилетия, чтобы серьезно заняться решением этой проблемы, и то не в полном объеме.

Серьезных контактов между двумя странами не существовало – по пальцам можно пересчитать тех американцев, которые в то время вели активную деятельность в России. К ним можно отнести адмирала Джона Пола Джонса и инженера-строителя Джорджа Вистлера, отца знаменитого художника Джеймса Вистлера. Да и установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Россией было событием не бог весть какой важности. К слову сказать, официальные отношения между Королевством Непал и Соединенными Штатами были установлены почти на десять лет раньше.

Еще одним свидетельством того, насколько мало значения придавалось событию, 200-летний юбилей которого мы отмечаем, было то, что обмен дипломатическими посланниками произошел лишь через два года после подписания соответствующих документов. Сегодня, два столетия спустя, мы понимаем: то, что некогда свершилось и казалось столь несущественным, положило начало отношениям, которые, хорошо это или плохо, в последние 75, а то и больше лет оказывают влияние на весь мир. Лишь немногие свидетели тех событий смогли понять их истинную значимость. Алексису де Токвиллю понадобится еще несколько лет, прежде чем он пророчески провозгласит идею о центральной роли наших двух стран в новом, только зарождающемся миропорядке – и нам стоит отдать должное его дальновидности.

Я обратился к этим фактам потому, что, как мне кажется, только так можно откорректировать ту невежественную болтовню о российско-американских отношениях, которая в наши дни выдается за мудрость в высшей инстанции. Комментаторы в обеих странах часто стремятся высветить лишь одну сюжетную линию истории, невзирая на то, что она представляет собой полотно, состоящее из различных эпизодов: противоречивых, хороших, плохих, обратительных. Они ограничиваются описанием какого-то одного периода наших взаимоотношений – обычно эпохи холодной войны, – не затрагивая более широкий исторический пласт. Особенно плохо то, что они стремятся «вытравить» сложность этих отношений, уйти от того факта, что в разные периоды то одна, то другая сторона оказывалась втянутой во внутренние конфликты и даже гражданские войны или занимала лидирующие позиции в мире.

Годовщины существуют для того, чтобы их отмечали. Отмечая, надо помнить, причем не только то, что хочется. Похоже, сегодня мы снова стремительно приближаемся к очередному периоду осложнения взаимоотношений между Соединенными Штатами и Россией, поэтому мне кажется, что этот юбилей является тем благоприятным шансом, когда можно остановиться и провести «инвентаризацию» того, что произошло и что не произошло в российско-американских отношениях. Это поможет пониманию того, насколько сложная история предшествовала их современному состоянию. Я также полагаю, что нам станет легче обнаруживать моменты пересечения наших интересов и моменты острых разногласий, что позволит предвосхищать как благие, так и злонамеренные побуждения.

*Перевод с английского
Галины Левиной*

Соперничество и сотрудничество в космосе

Четвертая часть двухсотлетних российско-американских отношений прошла под знаком космического соперничества, постепенно перешедшего в сотрудничество. Интересно взглянуть на них именно под таким неожиданным углом зрения: политические события, обычно рассматриваемые как главная составляющая международных отношений, здесь оказываются фоном, что позволяет увидеть всю картину с большей дистанции и понять, как раскачивается «маятник» – от холодной войны до личной «дружбы» президентов и обратно. Во всяком случае, космонавтика в конце концов дала если не образец, то поучительный пример партнерства.

К началу 50-х годов как Соединенные Штаты, так и Советский Союз в значительной мере снизили свои боевые потенциалы по сравнению с высшим уровнем вооруженности к концу Второй мировой войны. Но изменилось качество вооружения: США первыми стали обладателями атомной бомбы в 1945 году, СССР получил ее только в 1949 году, когда у США был уже некоторый атомный арсенал. Советскому Союзу потребовалось еще несколько лет, чтобы тоже приобрести атомный запас, достаточный для ведения войны. Но у него не было дальних бомбардировщиков, способных долететь до Соединенных Штатов, американцы же были в состоянии бомбить Советский Союз и нанести ему серьезный ущерб. Когда у обеих стран появилось термоядерное оружие, масштабы ущерба, который они могли нанести друг другу, стали ужасающе огромными.

Юрий Михайлович Батури́н,
*летчик-космонавт России,
Former Kennan Institute Research
Scholar*

25 июня 1950 года началась корейская война. Через четыре месяца в нее вступила КНР с целью спасти своих северокорейских союзников. Президент Трумэн ввел на территории Соединенных Штатов чрезвычайное положение, а главнокомандующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке Д. Макартур без санкции из Вашингтона сделал по радио ультимативное заявление в адрес КНР, в котором угрожал применить против нее ядерное оружие, если наступление китайских войск в Корею не прекратится. Советский Союз был связан с Китаем договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1950 года. Ситуация была близка к ядерной войне.

В сочетании с предшествующими серьезными инцидентами зарождавшейся холодной войны (приход к власти коммунистов в Чехословакии, блокада Берлина в 1948 году и др.) корейская война дала толчок к принятию огромной американской программы перевооружения.

Советский Союз, со своей стороны, предпринял значительные усилия в области перевооружения, что являлось ответом на аналогичные мероприятия Соединенных Штатов. Помимо шагов по созданию дальней стратегической авиации, главное внимание СССР уделял развитию ракетной техники. Одним из самых надежных индикаторов, указывавших на наличие у страны межконтинентальных баллистических ракет, служил Спутник (Satellite), то есть летательный аппарат, способный совершать орбитальный полет вокруг Земли. Будущий спутник являлся не только объектом разведывательных устремлений спецслужб обеих стран, но и знаменательным рубежом, означавшим выход соперничества, в том числе и военного, на космический уровень.

Спутник: точка отсчета

С. Эйзенхауэр, исследовавшая трудный путь к взаимодействию между на-

шими странами в области космонавтики, пишет: «Для США и России решения о сотрудничестве уходят корнями в возникшее еще на заре космического века глубинное стремление к партнерству в космосе. Это стремление было характерно и для США, и для Советского Союза, хотя оставалось весьма труднодостижимой целью»¹. Это неожиданная для многих, но очень верная мысль, и мы хотим доказать ее фактами и документами.

Еще тогда, в середине 1950-х, несмотря на высокую степень военно-политического противостояния, взаимодействие в космической области было потенциально возможным. Первоначальная реакция Н. Хрущева на перспективу сотрудничества СССР с США в деле исследования космического пространства с помощью искусственных спутников Земли была позитивной. Когда в 1955 году на одном из дипломатических приемов в Москве ему в порядке зондажа задали вопрос, согласится ли Советский Союз взаимодействовать в этой области с Соединенными Штатами, он ответил положительно, хотя и весьма лаконично. По-видимому, это сыграло свою роль в следующем осторожном шаге американцев. 21 июля 1955 года, когда новый американский разведывательный самолет У-2 (U-2) совершал первые испытательные полеты в штате Невада, на встрече на высшем уровне в Женеве президент США Д.Д. Эйзенхауэр в неофициальном дополнении к плану мер по разоружению предложил советским руководителям – председателю Совета министров Н. Булганину и первому секретарю ЦК КПСС Н. Хрущеву – в целях снижения опасности внезапной ядерной атаки проводить взаимные санкционированные разведывательные полеты с разрешенной аэрофотосъемкой. В тот же день, после обсуждения с советниками, Н. Булганин и Н. Хрущев отклонили

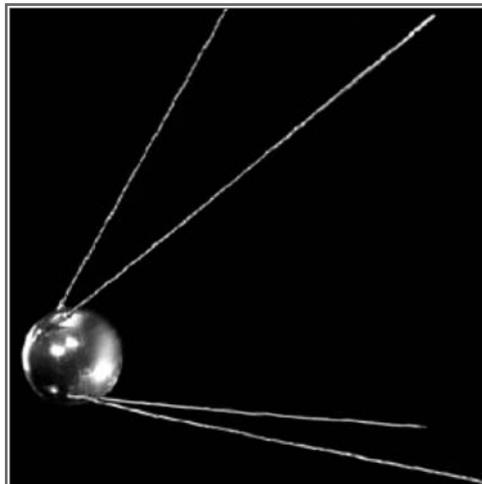
¹ *Эйзенхауэр С.* Партнеры в космосе. Американско-российское сотрудничество после холодной войны. М.: Наука, 2006. С. 13.

это предложение, известное сегодня как «доктрина открытого неба», как очевидную попытку США собирать развединформацию. (Договор по открытому небу будет подписан только 24 марта 1992 года в Хельсинки. В соответствии с ним каждое государство-участник имеет право проводить наблюдательные полеты над территорией любого другого государства-участника в количестве, равном числу наблюдательных полетов, которое это другое государство-участник имеет право проводить над ним.)

2 марта 1956 года президент Эйзенхауэр повторил свое предложение Булганину: он соглашался принять инспекционные группы на стартовые ракетные площадки, если СССР согласится на «открытое небо». Ответ был по-прежнему отрицательным. Тем временем самолеты У-2 летали над Советским Союзом. СССР выражал резкие протесты, и США стали подумывать о прекращении этой программы, понимая, что развитие ракет «земля-воздух» все равно скоро положит конец этим полетам.

Р. Макнамара, видный американский государственный деятель, министр обороны в администрациях Кеннеди и Джонсона, в небольшом сборнике своих лекций «От ошибок к катастрофе: как выжить в первый век ядерной эры»² постоянно проводит мысль о том, что вся существовавшая терминология гонки вооружений не оставляла иной интерпретации развития событий: Соединенные Штаты либо впереди, либо позади, то есть «выигравшие» или «проигравшие». По сути, это мышление характерно для игры с нулевой суммой (zero sum game), в которой каждый выигрыш одной стороны означает проигрыш другой и наоборот. Для Советского Союза того времени характерен точно такой же образ мышления.

Американцы в одном опросе за другим неоднократно высказывались, что проигрывать не собираются – советско-

Первый искусственный спутник Земли

го превосходства они не потерпят. Политики отражали это доминирующее мнение. До 1957 года США всегда были впереди: и в создании атомной бомбы, и в дальних бомбардировщиках. И вот теперь дело дошло до спутника. В США не сомневались, что окажутся первыми.

Но первый спутник был запущен все же в Советском Союзе 4 октября 1957 года, полвека назад. Он позволил впервые получить данные о распространении радиосигналов в ионосфере, отработать вопросы выведения на орбиту, тепловой режим и решить другие технические проблемы. Но политический эффект спутника оказался куда более важен. Запуск вызвал небывалый международный резонанс. Буквально за один день международный престиж СССР неимоверно вырос.

После краткого шока от советского спутника Соединенные Штаты стали работать над космической программой еще напряженнее. Форсированно разрабатывались и развертывались американские межконтинентальные баллистические ракеты. Да и в гражданской сфере учрежденное в 1958 году Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) начало свою деятель-

² См.: McNamara R. Blundering into Disaster. Surviving the First Century of the Nuclear Age. New York: Pantheon Books, 1986.

ность с оппозиции идее сотрудничества. Впрочем, во многом это объяснялось финансовыми соображениями: бюджет этой организации был тем выше, чем сильнее «космическая гонка».

20 июня 1958 года Совет национальной безопасности США утвердил «Космическую политику США» (NSC 5814), в которой, в частности, говорилось:

«В ближайшем и предвидимом будущем Соединенные Штаты окажутся перед лицом следующих очевидных фактов:

(1) СССР превзошел Соединенные Штаты и свободный мир в научных и технических достижениях при освоении космического пространства, которые поразили и восхитили мир;

(2) СССР, если он сохранит достигнутое преимущество в освоении космического пространства, будет способен использовать свое превосходство как средство подрыва престижа и лидерства Соединенных Штатов; и

(3) СССР, если он первым достигнет значительного военного преимущества в космосе, может изменить баланс сил в пользу китайско-советского блока и стать прямой военной угрозой безопасности Соединенных Штатов.

Безопасность Соединенных Штатов требует, чтобы мы встретили эти вызовы изобретательно и энергично»³.

Далее в документе подробно намечались направления космической деятельности – научно-технические, разведывательные, военные, в области пилотируемых полетов, а также политические и правовые, включая международное сотрудничество.

Международное сотрудничество в ряде областей освоения космоса признавалось весьма желательным как с научной, так и с политической точки зрения, а в некоторых сферах – важным и с военной точ-

ки зрения для США и их союзников. Соглашения по международной космической кооперации, в которых участвовали бы Соединенные Штаты, призваны были укрепить их роль как лидера и помочь сэкономить ресурсы.

Вскоре после запуска первого искусственного спутника Земли Советский Союз внес на обсуждение XIII сессии Генеральной ассамблеи ООН предложение о разработке международных соглашений, направленных на научное сотрудничество в области исследования и использования космического пространства.

В письме Н. Булганину от 13 января 1958 года президент США писал: «...Мы согласны с тем, что космическое пространство будет использоваться только в мирных целях», и спрашивал: «Можем ли мы позволить себе не остановить производство такого оружия, которое использовалось бы или, точнее говоря, которым можно было бы злоупотребить в космосе?»⁴

15–27 сентября 1959 года состоялся визит Н. Хрущева в США. За три дня до его начала в Советском Союзе был запущен второй космический аппарат, который должен был прилуниться как раз во время пребывания советского руководителя в Соединенных Штатах. Так и произошло: «Луна-2» достигла поверхности Луны и доставила туда вымпел с изображением государственного герба СССР. Такой успех произвел достаточно сильный политический эффект. В одной из американских газет было напечатано: «Хрущев прилетает в Америку так, как никто и никогда не прилетал, – по орбите Лунника-2»⁵.

В ходе визита Н. Хрущева была достигнута договоренность о проведении в мае 1960 года в Париже совещания на высшем уровне четырех держав – США,

³ Цит. по: Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Vol. I: Organizing for Exploration. J.M. Logsdon, Editor with L.J. Lear, J. Warren-Findley, R.A. Williamson, D.A. Day. Washington D.C., NASA History Office, 1995 (далее – ExUn-I). P. 345.

⁴ Ibid. P. 350.

⁵ Цит. по: Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15–27 сентября 1959 года. М.: Политиздат, 1959. С. 38.

СССР, Великобритании и Франции. Но 1 мая 1960 года над территорией СССР был сбит американский разведывательный самолет У-2. Советская реакция оказалась очень жесткой. Н. Хрущев потребовал официального извинения и заверения, что полеты над советской территорией будут прекращены. Президент Эйзенхауэр заявил, что не может отказаться от принципа «открытого неба». Советская делегация покинула Париж. СССР отменил официальный визит президента Эйзенхауэра, который должен был состояться в 1960 году.

«Маятник» Кеннеди – Хрущева

В ноябре 1960 года новым президентом США был избран Дж.Ф. Кеннеди, команда которого начала пересматривать военно-политическую линию прежней администрации. Особо важную роль в этом играл министр обороны Р. Макнамара. С весны 1961 года США стали придерживаться концепции «гибкого реагирования» (*flexible response*).

20 января 1961 года в своей инаугурационной речи президент США Дж.Ф. Кеннеди послал Советскому Союзу новый сигнал о космическом сотрудничестве: «... к тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в намеренном или случайном самоуничтожении... Так начнем же заново, притом что обе стороны будут помнить, что вежливость никогда не является признаком слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Давайте не бу-

дем договариваться из страха. Но давайте не будем страшиться переговоров... Пусть обе стороны творят чудеса науки, а не ее ужасы. Будем вместе исследовать звезды...»⁶

Почти сразу новый министр обороны США Р. Макнамара внес свое видение в военную космическую программу. 6 марта он издает первую директиву, а вскоре вместе с директором НАСА Дж. Уэббом направляет президенту Кеннеди меморандум, в котором утверждается, что существует по крайней мере четыре причины для развития космических проектов: (1) научные цели; (2) коммерческая выгода; (3) военные задачи и (4) национальный престиж. Последняя особенно контрастировала с позицией президента Эйзенхауэра, который отвергал национальный престиж как мотив для космических исследований и признавал только утилитарные цели⁷. Кеннеди пока не выработал своей позиции по этому вопросу.

Вскоре произошло событие, которое заставило его определиться: 12 апреля 1961 года в космос полетел Ю. Гагарин. Советский Союз вновь оказался первым. Слабым утешением было то, что американские власти узнали об этом практически сразу, еще до объявления по советскому радио. Станция электронной разведки на Аляске перехватила переговоры с космическим кораблем через 20 минут после старта Гагарина.

25 мая 1961 года на совместном заседании палат Конгресса США президент Кеннеди заявил, что если Америка собирается выиграть битву за умы людей, то необходимо осознать, какое влияние на будущее планеты имеют недавние поразительные достижения в космосе⁸ (как и Спутник в 1957 году). Он призвал Конгресс выделить весьма значи-

⁶ Цит. по: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 годы) с историческим комментарием. М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 431.

⁷ См.: Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Vol. II: External Relationships. John M. Logsdon, Editor with Dwayne A. Day and Roger D. Launius. Washington D.C., NASA History Office, 1996 (далее – ЕхUn-II). P. 257–258.

⁸ Кеннеди имел в виду первый орбитальный полет Ю. Гагарина 12 апреля 1961 года (один виток, 108 мин.) и первый суборбитальный полет А. Шепарда 5 мая 1961 года (подскок, 15 мин.).

тельные средства на программу высадки человека на Луну («не одного человека, а целой нации!»). Престиж стал приоритетом номер один в космической деятельности США. Президент Кеннеди даже принял в Белом доме Дж. Гленна до его полета!

«Маятник» качнулся в обратную сторону, не успев набрать даже минимальной высоты сотрудничества.

3 июня 1961 года началась советско-американская встреча на высшем уровне в Вене. Камнем преткновения оказался статус Западного Берлина. Н. Хрущев и Дж. Кеннеди обменялись почти не завуалированными угрозами. Советский лидер угрожал отказаться гарантировать права западных держав в Западном Берлине в случае промедления с принятием его условий подписания мирного договора с Германией. Дж. Кеннеди заявил, что при необходимости Соединенные Штаты будут воевать из-за Западного Берлина. Эту свою позицию он повторил 25 июля 1961 года в телеобращении к нации.

А 6 августа 1961 года в Советском Союзе стартовал космический корабль «Восток-2», на котором Г. Титов совершил 17,5 витков вокруг Земли. Дата запуска представляет особый интерес. Спустя неделю, 13 августа, началось возведение Берлинской стены и была закрыта граница между Восточным и Западным Берлином. По воспоминаниям С. Хрущева, Н. Хрущев просил С. Королева осуществить запуск корабля «Восток-2» не позднее 10 августа⁹.

Через 25 дней после старта Г. Титова, 31 августа, Советский Союз заявил о возобновлении ядерных испытаний.

Всплеск конфронтации из-за Западного Берлина подтолкнул страны, тяготевшие к нейтралитету во внешней политике, к оформлению собственной внешнеполитической платформы. 1 сентября в Белграде открылась конференция «неприсо-

единившихся» стран. В этот же день Г. Титов, выступая на массовом митинге в Восточном Берлине, многозначительно и не без подсказки политиков подчеркнул, что советская ракета, на которой он поднялся в космос, в состоянии также доставить ядерную боеголовку в любое место земного шара. Эта последовательность событий по достоинству была оценена Западом.

Все же Н. Хрущев сделал попытку изменить прежнюю советскую позицию по космическому сотрудничеству. В своем письме президенту Кеннеди 21 февраля 1962 года, в котором он поздравлял Соединенные Штаты с первым орбитальным полетом Дж. Гленна¹⁰, Хрущев предложил США объединить усилия в исследовании Вселенной. На следующий день Кеннеди позвонил Хрущеву и сказал, что дал указание своему правительству подготовить предложения по возможным совместным действиям. Предложения были сформулированы и направлены Хрущеву в письме Кеннеди 7 марта 1962 года. Речь в нем шла о сотрудничестве в пяти областях: метеорологические спутники, службы слежения, картирование магнитного поля Земли, спутники связи и космическая медицина.

Ответ Хрущева пришел через две недели. Он согласился с американскими предложениями и добавил свои. Самое главное, Хрущев дал добро на то, чтобы советские и американские специалисты встретились и обсудили сделанные предложения. Однако советский лидер ясно дал понять, что рамки возможного взаимодействия ограничивались более широкими соображениями. Он заметил, что «масштаб нашего сотрудничества в мирном покорении космоса, а также выбор направлений, по которым наше сотрудничество могло бы развиваться, в определенной степени связано с решением проблемы разоружения»¹¹.

⁹ См.: Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри. Т. 2. М.: Новости, 1994. С. 125.

¹⁰ Полет состоялся 20 февраля 1962 года.

¹¹ ЕхУп-II. P. 152.

Президент Кеннеди назначил заместителя директора НАСА Х. Драйдена своим представителем на советско-американских переговорах, а Хрущев, в свою очередь, поручил эту функцию академику-секретарю Отделения технических наук Академии наук СССР А. Благонравову. Оба были опытными в международной научной дипломатии. Но их первая встреча состоялась только 27–30 марта 1962 года.

Тем временем две группы экспертов – правительственная и независимая – работали над предложениями по космическому сотрудничеству для президента Кеннеди под руководством его советника по науке Дж. Уизнера. Первый документ для президента был подготовлен еще 4 апреля 1961 года. В нем, в частности, говорилось:

«В качестве первого шага к неограниченному сотрудничеству США и СССР могли бы выбрать высадку с научными целями небольшой группы (около трех человек) на Луну, а затем вернуть их на Землю... Предложения, сделанные по категории (с), в области исследований Луны и планет предполагают программы, в которых СССР демонстрирует свои большие возможности, ... и, следовательно, будут эффективными [для США. – Ю.Б.]... В предложениях по сотрудничеству, сделанных выше, как можно видеть, степень вовлеченности США и СССР могла бы, в принципе, варьироваться от координации национальных программ до полной кооперации в совместных своих устремлениях... С другой стороны, представляется возможным указать диапазон возможных отношений с Советским Союзом, простирающийся до взаимозависимых программ, но оставляющий им выбор начального уровня сотрудничества»¹².

Первое двустороннее соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, связанное с освоением космоса, было заключено 8 июня 1962 года в Женеве. Оно было подписано

Академией наук СССР и НАСА. В соответствии с этим соглашением в середине 60-х годов учеными и специалистами обеих стран были проведены некоторые совместные работы. Но взаимная настроенность сохранялась.

9 июля 1962 года США произвели на высоте 399 км над атоллom Джонсон в Тихом океане опытный взрыв термоядерного боеприпаса мощностью 1.4 Мт. Непредвиденным результатом испытания было появление искусственного радиационного пояса высокой интенсивности. Вскоре после этого, в первых числах августа, американские политики выступили с резким предупреждением: ответный советский космический взрыв, которого они ожидали после Заявления от 22 июля «о вынужденном проведении испытаний новейших образцов советского ядерного оружия в ответ на новую серию» американских испытаний, может представлять опасность для полета астронавта У. Ширры на космическом корабле «Меркурий». Однако космических взрывов такой мощности советская сторона вообще не произвела, причем у нее было куда больше поводов для беспокойства: ведь оставались считанные дни до парного полета А. Николаева и П. Поповича.

11 августа, в день старта «Востока-3», заместитель министра иностранных дел СССР Г. Пушкин вручил поверенному в делах США в СССР Дж. МакСуини обращение Правительства СССР. В нем американцев призвали «воздержаться от проведения ядерных взрывов, которые могли бы создать угрозу безопасности советского космонавта». В тот же день американский Госдепартамент заявил, что США «не намечают никаких действий, которые каким-либо образом помешали бы советскому космонавту». Тем временем американцы подсчитали, что, хотя новый радиационный пояс достигает наибольшей интенсивности на высоте 650 км и более, за свои шесть витков У. Ширра может получить дозу облучения кожи

¹² Ibid. P. 146.

до 8 рентген; а если бы не две защитные оболочки – скафандр и кабина, – то эта величина достигла бы 500 рентген! Хотя 8 рентген были в пределах допуска, через три дня после опубликования этого прогноза запуск был отложен до 28 сентября – специалисты надеялись, что к тому моменту уровень радиации будет меньше. Дипломатический демарш повторился с зеркальной точностью: 2 октября тот же МакСуини вручил члену коллегии МИД СССР М. Смирновскому ноту Государственного департамента, на которую получил ответ: «Советский Союз не предпримет, разумеется, никаких действий, которые могли бы создать препятствия полету американского космонавта». Старт «Меркурия-16» состоялся на следующий день, 3 октября 1962 года.

И тут разразился Карибский кризис.

Соединенным Штатам удавалось сохранять военное превосходство, несмотря на усилия Советского Союза. Стремясь с возможно меньшими издержками устранить это неравновесие и в качестве «симметричного ответа» на угрозу со стороны американских ракет, размещенных в Турции, Советский Союз в 1962 году разместил на Кубе 42 ракеты с ядерными боеголовками, которые обслуживались 40-тысячным контингентом советских войск, – и все это менее чем в 40 милях от Флориды. Во время десятидневного кризиса президент Кеннеди установил воздушный и морской «карантин» (введение блокады в международном праве рассматривается как акт агрессии, и американская дипломатия избегала этого термина) и потребовал, чтобы Советский Союз удалил с Кубы все свои силы, оснащенные ядерным оружием. 22 октября президент Кеннеди обратился по телевидению к нации с предупреждением о возможности начала войны с Советским Союзом. Вооруженные силы США были приведены в боевую готовность. Интересно, что в эти горячие дни, а именно 30 октября

1962 года, директор НАСА Дж. Уэбб и президент АН СССР М. Келдыш обменялись письмами, которые ввели соглашение по космосу в действие. Еще более интересно, что президент США Дж. Кеннеди приказал всего лишь не предпринимать никаких действий в рамках этого соглашения, пока не урегулирована ситуация вокруг Кубы, но не разорвал его!

После ряда двусторонних дипломатических усилий Карибский кризис удалось урегулировать. На обе страны он подействовал отрезвляюще. Между лидерами двух держав была установлена линия «горячей связи». США и СССР активизировали переговоры по контролю над вооружениями. В августе 1963 года был заключен Договор об ограничении испытаний ядерного оружия.

Наконец, наступило время, когда и СССР, и США созрели для постепенного понимания, что и «выигрыш», и «проигрыш» могут быть общими – в первую очередь в гонке вооружений, но также и в космической гонке. Это соответствовало отходу от мышления «игры с нулевой суммой» и выразилось в следующих событиях.

В августе 1963 года Н. Хрущев поручил послу СССР в США А. Добрынину провести разговор с президентом Кеннеди и прислал ему специальное послание. 26 августа Кеннеди принял Добрынина в Белом доме. В числе вопросов, затронутых в послании Н. Хрущева, была и тема мирного использования космоса. «Президент сказал, что согласен со многими мыслями советского премьера и сам считает необходимым продолжить обмен мнениями по другим вопросам сразу же после ратификации договора о запрещении ядерных испытаний, – вспоминает А. Добрынин. – Такими вопросами могли бы явиться в первую очередь меры по предотвращению внезапного нападения и декларация о неиспользовании космоса для размещения оружия массового уничтожения»¹³.

¹³ Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 92–93.

В сентябре 1963 года администрация Кеннеди рассматривала смелую инициативу – превращение проекта «Аполлон» из инструмента соперничества в средство сотрудничества. Помощник президента США по национальной безопасности М. Банди посоветовал Кеннеди предложить СССР техническое и политическое (!) сотрудничество в космосе. Политическая атмосфера существенно отличалась от климата 1961 года. Две страны подписали Договор об ограничении испытаний в августе 1963 года, и президент Кеннеди хотел продвинуться к более широкой разрядке между двумя сверхдержавами. Объединение усилий в совместном полете на Луну было бы лучшим символом такой разрядки. 20 сентября 1963 года, выступая на Генеральной ассамблее ООН, Кеннеди без обиняков обратился к идее совместной американо-советской экспедиции на Луну: «Почему первый полет человека на Луну должен быть делом межгосударственной конкуренции? Зачем нужно Соединенным Штатам и Советскому Союзу, готовя такие экспедиции, дублировать исследования, конструкторские усилия и расходы? Уверен, нам следует изучить, не могут ли ученые и астронавты наших двух стран – а по сути, всего мира – работать вместе в покорении космоса, послав однажды на Луну в этом десятилетии не представителей какого-то одного государства, а представителей всех наших стран»¹⁴.

Предложение Кеннеди встретило смешанную реакцию в Соединенных Штатах и не нашло отклика в СССР. Но Кеннеди не удалось отговорить от его планов. 12 ноября 1963 года он поручил директору НАСА Дж. Уэббу «взять лично на себя инициативу и основную ответственность в рамках правительства за развитие самостоятельной программы космического сотрудничества с Советским Союзом». Эта программа, сказал

Кеннеди, должна включить «предложения по совместной высадке на Луну»¹⁵.

Спустя десять дней Кеннеди был убит, а ответа на его выступление со стороны СССР не последовало. Между тем НАСА выполнило поручение Кеннеди, и 31 января 1964 года Дж. Уэбб сообщил об этом президенту Л. Джонсону. В докладной записке упор делался на совместные усилия в области освоения Луны автоматами. В период своего президентства (1963–1969) Джонсон не раз подтверждал сделанные президентом Кеннеди Советскому Союзу предложения космического сотрудничества, но как-то косвенно, в речах «по случаю», явно предпочитая говорить об общем космическом партнерстве многих государств. «В течение более четырех лет своего президентства Джонсон лично не сделал ни одного предложения советскому руководству в отношении сотрудничества в космосе», – отмечает С. Эйзенхауэр¹⁶.

Пауза и вторая попытка сотрудничества

В 1964 году в Кремле произошла смена власти – генеральным секретарем ЦК КПСС стал Л. Брежнев, а председателем Совета министров СССР – А. Косыгин. Соединенные Штаты начали войну во Вьетнаме, а Советский Союз принялся оказывать ему всестороннюю помощь. Так возникла новая сфера серьезного противостояния США и СССР. Однако продолжались советско-американские эксперименты по установлению связи через космос с помощью американского спутника связи «Эхо-2», а также обмен результатами научных исследований и измерений, важных для составления картины магнитного поля Земли. И все же сотрудничество в те годы было весьма ограниченным и не соответствовало масштабам космических программ двух великих держав. Сдвиг в сторону его разви-

¹⁴ ExUn-II. P. 13.

¹⁵ Ibid. P. 166.

¹⁶ Эйзенхауэр С. Указ. соч. С. 35.

тия и углубления наметился на рубеже 60-х и 70-х годов.

15 декабря 1965 года, наконец, и американцы смогли сказать слово «впервые». Корабли «Джемини-6» и «Джемини-7» впервые маневрировали в космосе относительно друг друга. Это внешне несколько уравнило СССР и США в космической гонке. Психологически сотрудничество становилось все более приемлемым. Окончательно это стало ясно после того, как американцы убедительно продемонстрировали свое превосходство, высадив своих астронавтов на Луну.

На фоне вьетнамского противостояния СССР и США успехи в освоении космоса делали особенно ясной опасность попыток разместить ядерное оружие или иные типы систем массового уничтожения на космических аппаратах. Это подтолкнуло США, СССР и Великобританию к подписанию 27 января 1967 года Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства. Договор провозгласил его открытым для исследования и использования всеми государствами на недискриминационной основе, а также запретил вывод на орбиту объектов с ядерным оружием и другими видами оружия массового поражения.

Вмешательство СССР и стран Организации Варшавского договора в Чехословакии в 1968 году еще больше осложнило отношения Советского Союза с Соединенными Штатами, как и с другими странами Запада. Был отменен запланированный визит в Ленинград президента Джонсона. В советско-американских отношениях наступила короткая пауза: в Кремле ждали президентских выборов в США, чтобы начать диалог с новой командой. И время прошло!

20 января 1969 года новый президент США Р. Никсон в своей инаугурационной речи почти дословно повторил сигнал, который ровно восемь лет назад

прозвучал в инаугурационной речи Дж. Кеннеди. Никсон, правда, сделал это полнее: «...С поразительной точностью [США] достигли Луны, но опустились до грубых раздоров на Земле... После периода конфронтации мы вступаем в эпоху переговоров... Своих возможных противников мы приглашаем к мирному соперничеству – не к завоеванию территорий, не к расширению своего господства, а к обогащению человеческой жизни. Исследуя космическое пространство, отправимся вместе к новым мирам – не ради их завоевания, а ради новых волнующих событий, которые будут совместными»¹⁷. Возникла возможность баланса между США и СССР в международной политике.

Главным творцом американской внешней политики был тогда Г. Киссинджер, исходивший в своих планах из логики равновесия. Соединенным Штатам, добившимся значительного продвижения в нормализации своих отношений с Китаем, требовалось сохранить баланс в системе международных отношений – компенсировать китайский перекокс улучшением отношений с Москвой.

И советско-американское сотрудничество стало плодотворно развиваться. С 1969 года в Хельсинки шли советско-американские переговоры о контроле над вооружениями. В этот процесс оказалась включенной и космическая составляющая. После первой высадки на Луну 20 июля 1969 года администрация Никсона решила расширить сферу сотрудничества в космической деятельности. Один набор предложений был направлен Советскому Союзу, другой, исходя из той же логики равновесия, – союзникам Соединенных Штатов.

15 сентября 1969 года президенту Никсону был представлен доклад «Космическая программа после “Аполлона”: пути в будущее». В нем содержался такой тезис: «Наиболее впечатляющей формой иностранного участия в нашей про-

¹⁷ Инаугурационные речи президентов США. С. 444, 447.

грамме будет включение в нее иностранных астронавтов»¹⁸. И далее обращалось внимание на необходимость именно политических усилий: «В случае с СССР опыт прошедших десяти лет ясно показывает, что центральная проблема в развитии космического сотрудничества носит политический, а не технический или экономический характер»¹⁹.

В 1970–1975 годы советско-американское сотрудничество в космической сфере отличалось небывалой интенсивностью. Его кульминацией стал экспериментальный полет «Аполлон – Союз» (ЭПАС), который получил название «Рукопожатие в космосе». 15 июля 1975 года с космодрома Байконур стартовал «Союз-19» с экипажем в составе А. Леонова и В. Кубасова, а несколько часов спустя в США – корабль «Аполлон-ASTP» с экипажем Т. Стаффорд, В. Брандт и Д. Слейтон. 17 июля 1975 года в 19 часов 12 минут 10 секунд московского времени состоялась стыковка кораблей, причем она весьма символично произошла над Эльбой²⁰.

И все же было бы неправильно переоценивать уровень достигнутого сотрудничества в политическом смысле. В 1971 году Г. Киссинджер указал директору НАСА Дж. Лоу на необходимость избежать формирования у русских идеалистического заблуждения о том, что если космические специалисты СССР и США могут достичь соглашения о сотрудничестве в космосе, то точно так же им будет по силам решить политические проблемы, существующие между двумя странами на Земле²¹. Жизнь подтвердила слова американского дипломата, но, тем не менее, проект «Союз – Аполлон» остался яркой вехой в истории советско-американских отношений.

От инерции сотрудничества к активному партнерству

После нескольких лет равновесия советско-американские геополитические противоречия вновь стали обостряться. К тому же в 1977 году пост помощника президента США по национальной безопасности занял З. Бжезинский, который оказывал существенное влияние на формирование американской внешней политики, а его отношение к СССР было резко негативным.

В то время главной задачей США в космосе был проект «Спейс шаттл», который президент США Р. Никсон объявил в марте 1970 года. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о создании советской многоцелевой космической системы «Энергия – Буран» было принято значительно позже, 17 февраля 1976 года, для противодействия американским планам использования космического пространства в военных целях. Первый полет «шаттла» состоялся 12 апреля 1981 года. Многоцелевой орбитальный корабль «Буран» взлетел 15 ноября 1988 года. Его полет совпадал по времени с выступлением в ООН лидера СССР М. Горбачева по вопросам разоружения, что позволило ему на равных разговаривать с делегацией США. Таким образом, единственным политико-дипломатическим достижением запуска в СССР «Бурана» явилось продвижение переговоров по ограничению вооружений.

Инерция сотрудничества еще проявляла себя. Была достигнута договоренность о проекте «Шаттл – Салют». Но в 1978 году администрация Картера задалась вопросом, есть ли интерес США в партнерстве с Советским Союзом, который они обвиняли в нарушении прав человека, и проект был отставлен.

¹⁸ ExUn-I. P. 535.

¹⁹ Ibid. P. 536.

²⁰ См. подробнее: Батурин Ю.М. «Мистер Икс» оказался прав // Вестник Института Кеннана в России. 2005. Вып. 8. С. 7–16.

²¹ См.: Karash Yu. The Superpower Odyssey: A Russian Perspective on Space Cooperation. Reston, VA: American Institute of Aeronautics and Astronautics, 1999. P. 92.

Ракета-носитель «Союз-ФГ» с транспортным космическим кораблем «Союз ТМА»

Еще одна слабая попытка была связана с приходом к власти Р. Рейгана. В подготовленном 19 декабря 1980 года докладе «переходной команды», в задачу которой входило помочь избранному президенту войти в курс проблем космической политики США, говорилось: «Некоторые аспекты гражданской космической программы могут служить инструментами развития и достижения целей внешней политики США. Космическое сотрудничество, такое как американо-советский проект “Аполлон – Союз” и выведение полезной нагрузки Европейского космического агентства на космическом “шаттле”, не только может внести вклад в то, как наша страна выглядит в глазах остального мира, но и оказывается важным для других стран»²². Однако в связи с польскими событиями 1981 года космическое сотрудничество почти прекратилось.

В 1982 году оно возобновилось, но только на уровне ученых, без какого-либо формального вовлечения государственных агентств или финансирования.

Такая ситуация продолжалась несколько лет, пока в 1986 году Соединенные Штаты в ответ на реформы в Советском Союзе, проводимые М. Горбачевым, а также реагируя на усилившееся давлени-

е со стороны ученых в США, которые рассматривали космос как арену для демонстрации новой эры отношений сверхдержав после окончания холодной войны, не начали указывать на желательность космического сотрудничества с Советским Союзом. Один из результатов этой тенденции – подписание 15 апреля 1987 года государственным секретарем США Дж. Шульцем и министром иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе соглашения между США и СССР о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях.

К середине 90-х годов изменилась военно-политическая обстановка в мире, появились новые возможности для развития международного сотрудничества в космосе.

В Вашингтоне опасались появления новых ядерных держав в лице Украины, Белоруссии и Казахстана. Россия тоже не хотела этого. На почве «ядерного наследия» СССР началось сближение США и России.

В феврале 1992 года президент России Б. Ельцин совершил первый официальный визит в США. В его ходе в Кэмп-Дэвиде была подписана Декларация о новых отношениях между РФ и США,

²² ExUn-I. P. 582.

Старт «Союза» (Россия)

в которой обе страны заявили, что не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников и, более того, стремятся создать «новый союз партнеров». В документе отмечалось наличие для США и России «общих опасностей». Все это создавало хорошую базу и для космического сотрудничества.

В июне 1992 года глава российского государства отправился в Вашингтон вторично. Президенты США Дж. Буш и России Б. Ельцин подписали Хартию российско-американского партнерства и дружбы, тогда же вступила в силу договоренность о предоставлении сторонами друг другу режима наибольшего благоприятствования. 17 июня 1992 года президенты двух стран подписали «Соглашение о сотрудничестве в области исследования космического пространства в мирных целях», после чего 5 октября 1992 года НАСА и Российское космическое агентство (РКА) за-

ключили исполнительное соглашение «О сотрудничестве в области пилотируемых полетов». В соответствии с принятым соглашением предусматривались космические полеты российского космонавта на корабле «шаттл» и американского астронавта на орбитальном комплексе (ОК) «Мир» в рамках программы «Мир – Шаттл».

Большую роль в развитии российско-американского космического сотрудничества с 1993 года играла комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству (Joint Commission on Scientific and Technological Cooperation), известная как совместная Межправительственная комиссия Гор – Черномырдин²³. Комиссия стала одним из основных источников правотворчества в российско-американских отношениях.

В феврале 1992 года генеральный конструктор ведущей российской космической фирмы «Энергия» Ю. Семенов вы-

²³ С 29 мая 1998 года – Комиссия Гор – Кириенко, с сентября 1998 года – Комиссия Гор – Примаков. С 1999 года персонализация в официальном названии комиссии более не практиковалась.

Старт космического шаттла (США)

ступил в согласительном комитете по бюджету Сената США о перспективах совместных работ по космическим программам, а 5 октября того же года в целях развития Межправительственного соглашения о сотрудничестве в космосе между Россией и США, подписанного В. Черномырдиным и А. Гором, была достигнута договоренность о полете российского космонавта на корабле «шаттл» и американского астронавта на ОК «Мир» продолжительностью около трех месяцев. Эта программа получила название «Мир – Шаттл». Этим же исполнительным соглашением предусматривалась стыковка «шаттла» со станцией «Мир» и их совместный полет в 1995 году, то есть повторение через двадцать (!) лет, правда, на новом уровне, того, что было сделано по проекту ЭПАС.

В феврале 1994 года С. Крикалев выполнил полет продолжительностью 9 суток на «шаттле» (STS-60), а В. Титов через год – такой же полет (STS-63), в ходе

которого отрабатывался процесс сближения «шаттла» с «Миром».

Первоначально согласованная программа предполагала старт на корабле «Союз ТМ» американского астронавта, его трехмесячный полет на ОК «Мир», выполнение программы медицинских исследований и его возвращение на Землю на «шаттле». В ходе переговоров американская сторона предложила расширить программу совместных работ и провести до десяти стыковок «шаттла» с ОК «Мир», а также установить общее время пребывания американских астронавтов на «Мире» до двух лет. Предполагались отдельные полеты американских астронавтов на борту ОК «Мир» длительностью до полугода с целью приобретения необходимого опыта. В июне 1994 года между РКА и НАСА был заключен контракт, согласно которому американская сторона выделяла на программу 334,6 млн долл. Таким образом, эта работа для российской стороны приобрела коммерческий характер, а сама программа получила название «Мир – НАСА».

Необходимо отметить, что российско(советско)-американские космические программы, связанные с ОК «Мир», были лишь частью более широкого международного сотрудничества. Всего на этом уникальном орбитальном комплексе было выполнено 7600 сеансов экспериментов в области медицины, биологии, технологии. Проведено 27 международных экспедиций, 21 из них – на коммерческой основе. На ОК «Мир» работали представители 12 стран и организаций: США, Германии, Англии, Франции, Японии, Австрии, Болгарии, Сирии, Афганистана, Казахстана, Словакии, Европейского космического агентства (ЕКА).

Модель российско-американского сотрудничества

Россия, имеющая более чем двадцатилетний опыт эксплуатации орбитальных станций «Салют» и «Мир» и располагающая бесценным опытом проведения

длительных полетов и исследований, развитой инфраструктурой космических средств, оказалась в настолько тяжелом экономическом кризисе, что создалась реальная угроза прекращения всей ее космической программы.

В США работы по созданию станции «Фридом» («Freedom», «Свобода») были предметом постоянной критики со стороны Конгресса, поскольку проект оказался слишком сложным и дорогостоящим. НАСА испытывало трудности по финансированию и не смогло выйти на этап практической реализации проекта. Сказывалось также отсутствие опыта в реализации программ долговременных орбитальных станций и в обеспечении длительной работы экипажа в условиях космического полета. Кроме того, требовались дополнительные затраты на создание корабля-спасателя, который должен был дежурить на станции для обеспечения безопасности ее экипажа в промежутках между полетами «шаттлов», полетный ресурс которых не превышал двух недель.

Интересы обеих стран объективно требовали объединения усилий, и 15 марта 1993 года генеральный директор РКА Ю. Коптев и генеральный конструктор НПО «Энергия» Ю. Семенов обратились к администратору НАСА Д. Голдину с предложением о создании Международной космической станции (МКС). Россия предложила совместить в одном проекте планы создания станции «Фридом» и «Мир-2» и использовать в качестве корабля-спасателя «Союз ТМ». Так начался крупнейший за всю историю международного космического сотрудничества многосторонний международный космический проект. Однако в политическом и переговорном плане он также оказался одним из самых трудных.

В декабре 1995 года российская сторона предложила на первом этапе развертывания МКС использовать ОК «Мир» для их совместного функционирования в 1998–2000 годах. Объединение двух станций позволило бы ускорить создание МКС и использовать более 10 тонн

Снизу вверх: Ю. Маленченко (Россия), П. Уитсон (США), Ш. Мусзафар Шукор (Малайзия). 10 октября 2007 года. Космодром Байконур

уникальной научной аппаратуры, находившейся на «Мире», в том числе 2,5 тонны американской. Американская сторона признала техническую реализуемость проекта, однако высказала возражения политического характера, так как в этом случае на первом этапе основной МКС становился российский ОК «Мир». 9 января 1996 года в Москву приехал председатель подкомиссии по космонавтике и аэронавтике Палаты представителей Конгресса США Д. Сенсенбреннер. На переговорах с первым заместителем премьер-министра Правительства РФ О. Сосковцом он весьма критически отозвался о предложении России. О. Сосковец заверил его, что объединенный проект реализовываться не будет. В том же месяце на переговорах в Хьюстоне американцы окончательно поставили точку в этом вопросе. Правда, в качестве небольшой компенсации США обязались не настаивать на затоплении ОК «Мир» до 2000 года и выполнить два дополнительных полета с российскими грузами на «Мир».

Соединенные Штаты внимательно следили за ходом работ по МКС в России. Когда в I квартале 1996 года государство вообще не выделило бюджетных средств на МКС Ракетно-космической корпорации «Энергия», а «Роскосмос» не заключил с ней контракта на эти работы, тот же Д. Сенсенбреннер, а также Д. Льюис (председатель подкомиссии по закупкам Управления по делам ветеранов, жилстроительству и развитию городского хозяйства!) направили 8 марта 1996 года письмо О. Сосковцу, в котором потребовали незамедлительного решения вопроса о финансировании программы создания российского сегмента МКС. Через два дня с аналогичным требованием к председателю Правительства В. Черномырдину обратился и вице-президент США А. Гор, предупреждая, что если проблема финансирования российской стороной не будет решена, партнерство с Россией по МКС будет свернуто. Но российское руководство так просто не возьмешь. Даже американские требования на столь высоком уровне результатов не дали: деньги из бюджета выделены не были.

В июле 1996 года в Москве прошли переговоры В. Черномырдина и А. Гора, в которых участвовали руководители российского и американского космических агентств Н. Коптев и Д. Голдин. 16 июля на столь высоком правительственном уровне был подписан «График создания и развертывания первых элементов Международной космической станции», что давало надежду на получение бюджетного финансирования. Тем не менее было выделено всего лишь 28% необходимых средств, а реальные поступления составили 8%. РКК «Энергия» под руководством своего президента и генерального конструктора, академика Ю. Семенова вынуждена была зарабатывать деньги для выполнения межгосударственных обязательств России на других своих проектах. Работы по МКС не прекращались.

На заседании Правительства РФ 23 декабря 1996 года был рассмотрен во-

прос об участии России в программе МКС. Первый заместитель председателя Правительства РФ А. Большаков призвал сделать все возможное, чтобы не сорвать выполнение Россией своих международных обязательств. Однако до 10 февраля 1997 года Постановление Правительства так и не было принято. В политических кругах США зрело решение исключить Россию из проекта МКС. Это потребовало новой серии российско-американских переговоров.

В этой исключительно сложной ситуации дополнительные трудности создала внутрироссийская конкуренция: ГКНПЦ им. М.В. Хруничева без согласования с РКК «Энергия» предложил США в кратчайшие сроки создать и включить в постоянный состав МКС дополнительный функционально-грузовой блок – ФГБ-2. 6 февраля 1997 года об этом был подписан протокол между РКК и НАСА. Ненормальность положения вскоре стала ясна и США. 18 февраля 1997 года в Москву прибыли американские конгрессмены Д. Сенсенбреннер, Д. Рорабахер и Д. Уэлдон, перед которыми стояла задача контроля выполнения российских обязательств. 22 февраля между РКК и НАСА был подписан протокол о прекращении работ по ФГБ-2. А. Большаков еще раз заверил руководителя американской делегации Д. Сенсенбреннера в приверженности России выполнению своих международных обязательств по МКС. По результатам инспекционной поездки конгрессменов 9 апреля 1997 года в Конгрессе США были проведены специальные слушания. Заключение Д. Сенсенбреннера было в высшей степени критическим:

«...Все мы знакомы с историей вопроса о роли России в МКС. Пустые обещания одни за другими. И постоянные клятвы, которые не исполняются... В конце концов, нам придется вспомнить поговорку: “пусть будет стыдно тому, кто обманет меня один раз, и пусть будет стыдно мне, если меня обманут во

второй раз”. По тем случаям, о которых я здесь напомнил, американцы были обмануты восемь раз. Никак не меньше... Попросту говоря, НАСА и Белый дом, похоже, готовы заплатить любую цену за сохранение России в программе... Не думаю, что американцы готовы или испытывают желание платить любую цену за сохранение России в программе МКС только лишь для того, чтобы не нанести ущерба российской гордости или позволить и дальше НАСА и Белому дому оставаться незапятнанными... Мой гнев не направлен на РКА или русских людей. Они делают чудеса, и объяснение причин их неудач можно найти в российском правительстве... Эта программа и далее будет откладываться, а стоимость ее будет расти, если НАСА и Белый дом не сделают то, что им следовало сделать три года назад, а именно – удалить российское правительство с критического пути»²⁴.

С этого времени переговоры по МКС носили более политический, нежели технический характер. При всем этом многие американские должностные лица понимали, что без опыта России работа по МКС могла повторить судьбу неуспешного проекта орбитальной станции «Фридом». Отвечая на вопросы конгрессменов, администратор НАСА Д. Голдин сказал: «Я очень разочарован в российском правительстве, поскольку оно не платит по счетам. Тем не менее США не могут построить станцию без участия русских и без того, что они узнали из программы “Мир – Шаттл”»²⁵.

К 1998 году ситуация с проектом МКС понемногу выправлялась. Более того, в феврале 1998 года были проведены российско-украинские переговоры о создании украинского исследовательского модуля в составе российского сегмента МКС. 17 февраля главы космических агентств России и Украины подписали об этом протокол. И все же

финансирование было настолько неудовлетворительным, что РКА вынуждено было сдать в аренду НАСА за 60 млн долл. 4 тысячи часов времени российских экипажей и значительную часть объема своего будущего ключевого модуля МКС.

Благодаря совместным усилиям технических специалистов и дипломатов 29 января 1998 года в Вашингтоне было заключено Соглашение между правительствами Канады, государств – членов ЕКА, Японии, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, на основе которого успешно развивается самый крупный в истории международный космический проект. В ноябре 1998 года российская ракета «Протон» вывела на орбиту первый модуль будущей станции. Через две недели после этого с полигона космического центра им. Кеннеди стартовал шаттл «Индевор», доставивший на орбиту американский соединительный модуль «Юнити». В составе экипажа «Индевор» был и российский космонавт С. Крикалев. Сегодня на МКС работает уже 16-я длительная экспедиция; в каждом экипаже российские космонавты и американские астронавты успешно выполняют свою миссию; командирами экипажей поочередно назначаются представители России и США; прекрасно взаимодействуют центры управления полетами в Москве и Хьюстоне, НАСА и Роскосмос; специалисты обеих стран уверенно справляются с возникающими техническими и организационными проблемами. «Партнерство в рамках программы МКС продемонстрировало заметную устойчивость к переменам настроений в двусторонних и международных отношениях. Оно базируется на прочном фундаменте, заложенном партнерскими отношениями

²⁴ Цит. по: Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева на рубеже двух веков. 1996–2001. РКК «Энергия», 2001. С. 363–364.

²⁵ Там же. С. 382.

вообще и особенно теми, которые были выстроены США и Россией в космической сфере в период с 90-х годов до начала XXI века, – пишет С. Эйзенхауэр. – Сотрудничество в космосе, возможно, стало единственной в постсоветское время сферой взаимодействия, в которой США и Россия выступали как равные партнеры. Это сотрудничество может служить моделью для развития сотрудничества и в других областях»²⁶.

***

Прошло полвека с начала космической эры. В 2006 году была принята новая Национальная космическая политика США. Цель документа – обеспечить беспрепятственную деятельность США

в космосе для защиты американских интересов. Характерной особенностью новой американской космической политики является дистанцирование от международного права. США не будут связывать себя никакими договорами об ограничении вооружений, которые воспрепятствуют созданию систем, предназначенных для обеспечения интересов национальной безопасности США. В директиве подчеркивается отказ Вашингтона от ведения любых формальных переговоров о контроле над вооружениями, которые могут ограничить США в космосе. Как все это скажется на российско-американских отношениях в космосе и на Земле? Будущее, как всегда, неопределенно.

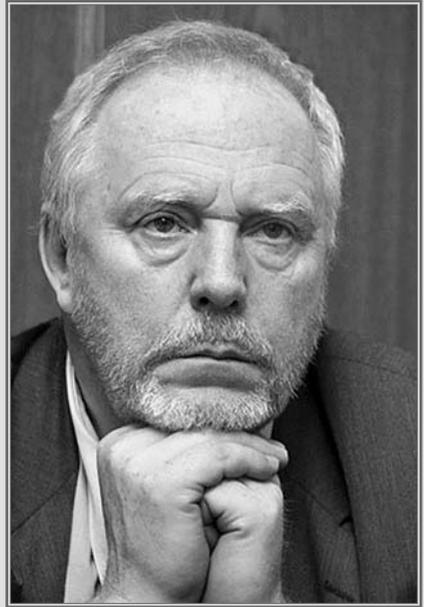
²⁶ Эйзенхауэр С. Указ. раб. С. 16, 248.

Горячее дыхание глобализации

Глобализация – один из наиболее часто употребляемых терминов современного научного и быденного языка. По своей значимости он давно уже стал однопорядковым с такими общегуманитарными понятиями, отражающими стиль и характер общественного сознания нашего времени, как «история», «цивилизация», «эпоха», «прогресс», «современность», «постсовременность» и т.п. Понятие «глобализация» нередко употребляется для обозначения различных, часто несхожих явлений, а его смысл подчас оказывается неясным.

Однако подобная универсальность может таить в себе известную проблематичность. А существует ли глобализация вообще? Не есть ли она общее метафорическое название совершенно различных процессов, в том числе существовавших в мире с незапамятных времен? Такие вопросы нередко задают противники концепции глобализации и те, кто только приближается к ее теоретическому осмыслению.

Основу быденных взглядов на глобализацию, как правило, составляют представления об объединяющейся и интегрирующейся земной цивилизации, охватывающей в своей экспансии уже и околоземное пространство и преодолевающей различного рода границы – культурные, государственные, социальные, – а также расстояния в чисто физическом смысле. Мир становится компактным, доступным, прозрачно-просматриваемым, а части его – тесно взаимосвязанными. Это касается экономики, технологий, политики, экологии, нравственности

Никита Евгеньевич Покровский,
доктор социологических наук,
заведующий кафедрой общей
социологии
Государственного университета –
Высшей школы экономики

и всех иных сфер интересов современного человечества. Высказывание «The world is so small» («Мир такой маленький!») точно выражает суть подобных умонастроений.

Между тем с научной точки зрения вопрос о смысле глобализации, ее характере и значении далеко не столь однозначен. По сути, существует много (или, по крайней мере, несколько) «глобализаций», скрывающихся за одним термином.

Концептуальное разнообразие подходов к проблеме

Глобализация как линейный процесс.

«Линейные» представления о глобализации подразумевают расширение, углубление, увеличение интенсивности мировых интеграционных процессов без радикального изменения их внутреннего содержания и качества. Согласно этому подходу, мир экстенсивно (линейно) наращивает современные его особенности и тем самым преодолевает противоречия, связанные с разобщенностью человечества. В этом смысле практически все глобальное априорно несет положительные черты – в экономике, политике, культуре, информатике/коммуникациях, защите окружающей среды.

Наиболее часто используемым примером, скорее даже общемировым феноменом, обозначающим возникновение глобальной реальности, стали транснациональные корпорации (ТНК), неслучайно получившие наименование «stateless corporations» (то есть корпорации вне государственных рамок). Подобные корпорации практически утратили национальную идентичность и, охватывая целые континенты, стали явлением глобального масштаба. Считается, что ни одна крупная экономическая инициатива в современных условиях не может реализоваться исключительно в рамках одного национального государства и даже государства как такового.

Такой абсолютистский взгляд на ТНК нередко приводит к утверждению неизбежности возникновения глобальных социоэкономических сил, под которыми имеют в виду экономические, политические, военные силы, принадлежащие и управляемые ТНК. В этой связи отмечаются три тенденции: (а) рост обобществления национальных экономик посредством «глобализации капитала и производства», (б) новое мировое разделение труда, приобретающее все более и более наднациональный характер, и (в) радикальная глобализация средств массовой информации и форм потребления.

Во многих случаях отдельные ТНК владеют капиталом, превышающим совокупный национальных продукт стран, к которым эти ТНК формально «приписаны». Этот феномен получил наименование «экономического гигантизма», сочетающегося с концепцией «глобальной экспансии» (global reach), то есть извлечения ТНК основного объема прибыли из источников, находящихся за пределами страны приписки. Стремительное распространение телевидения служит еще одним примером рассматриваемых тенденций. Телевизионные приемники и соответствующие каналы вещания покрывают огромные заселенные территории. При этом само вещание сосредоточено в руках немногих компаний, принадлежащих к числу ТНК.

Указанные явления экстенсивного роста глобальной экономики развиваются на фоне существования и даже обострения общемировых проблем, также приобретающих глобальный характер. К их числу относят прежде всего (а) неконтролируемый рост населения, (б) отсталость социально-экономического и культурного развития многих стран, (в) проблемы образования (продолжающееся абсолютное увеличение численности неграмотных), (г) неконтролируемый рост городов, (д) отставание развития систем здравоохранения и выход из-под контроля ряда болезней, имеющих массовый харак-

тер, (е) нерешенность продовольственной проблемы, (ж) сокращение невозобновляемых природных ресурсов, (з) сохранение военной угрозы, (и) обострение угрозы мирового терроризма.

Все эти проблемы уже давно переросли рамки отдельных стран и превратились в общецивилизационные. Притом процессы экстенсивного роста экономики, основанной на ТНК, самым непосредственным и часто причудливым образом переплетаются с перечисленными глобальными проблемами, в одних случаях способствуя их решению, а в других – усугубляя их остроту.

Обсуждаемая модель «линейной глобалистики» чаще всего используется в популярных СМИ и, таким образом, глубоко внедряется в массовое сознание.

Альтернативы линейного подхода.

Сторонникам линейной модели было бы резонно задать один вопрос. Неужели можно предполагать, что при столь крупномасштабных изменениях, объективно происходящих в мире, сами общества останутся более или менее неизменными, а равно и устройство их жизни не претерпит столь же радикальных изменений, в том числе на уровне личности, повседневности и пр.? Иными словами, глобализационные процессы, по всей видимости, должны вносить некие изменения во все структуры и институты общества. Короче, мы входим в новый мир, и в этом мире многое, если не все, обладает чертами явной или скрытой до времени новизны.

Современная социальная теория предлагает ряд концепций, которые отвергают линейную схему рассмотрения мировой реальности, но акцентируют достаточно новые качественные характеристики этой реальности и ее социологической интерпретации.

«*Миросистемная*» модель *И. Валлерстайна*. Известный американский социолог на протяжении последних как минимум 20 лет отстаивает теорию, которая по определению должна носить глобальный характер (хотя сам он ук-

лоняется от использования этого термина). В первую очередь имеется в виду экономическая мировая система (по Валлерстайну, «капиталистическая мироэкономика»). Социолог указывает на наличие в мировом разделении труда стран, принадлежащих к трем различным «кругам»: (а) экономическое «ядро» мировой системы, (б) «полупериферия» и (в) полная «периферия». Причем сочетание этих трех зон мировой экономики находится в движении и перемещается в геополитическом пространстве. В мировой политике теория Валлерстайна выделяет в качестве главного фактора борьбу сверхдержав за мировое господство, а в области культуры делает упор на взаимодействие «культурных цивилизаций» и их стремлении занять господствующее положение.

Примечательно, что несмотря на свой «миросистемный» радикализм подход Валлерстайна не порывает с концепцией национальных государств, предлагая лишь соответствующим образом объединять их в три указанные выше зоны. Так или иначе, границы между государствами или «зонами» остаются.

Концепция глобальной культуры на протяжении последних более чем 10 лет разрабатывается на страницах журнала-альманаха «Теория, культура и общество» («Theory, Culture and Society»), редактируемого М. Феврстоуном. Главные направления развития предлагаемого подхода (модели) – потребительство как явление глобальной культуры, мировой туризм, мировые культуры и религии, культура постмодернизма. Центральный вопрос, рассматриваемый представителями этой школы, касается проблемы самоидентификации личности в условиях нарастания транснациональных тенденций в культуре. Того, что испытывает индивид в ситуации превращения его национальной культуры в часть глобального мирового целого. Отсюда такие специфические темы, как американизация мировой популярной

культуры, «макдональдизация»¹ и др. В рамках этой социологической модели преобладающее значение в глобальных процессах отдается именно культуре². Причем представители этой школы, признавая развитие транснациональных культурных процессов, отказываются безоговорочно стать на позиции «глобального оптимизма» (по принципу «чем больше глобального – тем лучше»). Напротив, они считают, что тотальное распространение телевидения и других средств коммуникаций не приводит к тому, что М. Маклюэн назвал «глобальной деревней» – аналогом современного глобального сообщества, основанного на идентичных культурных образах (icons) и потерявшего свое местное, национальное начало.

По мнению сторонников концепции «глобальной культуры», происходит перемешивание национальных культур при сохранении их собственных «слов», словно в коллоидном химическом растворе. Причем в этом смешении культур устанавливаются определенные пропорции равновесия, препятствующие дальнейшему нивелированию или гомогенизации. В этом смысле миру не грозит тотальная американизация культуры, ибо проникновение массовой культуры США будет на том или ином уровне остановлено потенциалом национальной культуры, а на пограничье двух культурных слоев начнется активный процесс диффузии. Кроме того, данная теория использует постмодернистское понятие «гиперреальности», обозначающее новое качественное состояние культуры, испытавшей процесс диффузии. Это будет культура, лишенная внутренней системности и центров опоры. Возобладают фрагментированные сегменты, хаотично сочетающиеся (или не сочетающиеся) друг с другом.

В рамках указанного подхода утвердилось понятие «глоболокализм» (или «глоколокализм»). Это лексическое новообразование сформировалось и обрело сторонников на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде в 1990 году. Социологи, использующие данный термин (прежде всего Р. Робертсон³, М. Арчер, Н. Смелзер и др.), при рассмотрении глобальных процессов подчеркивают важнейшие изменения, происходящие в локальных, то есть местных сообществах, малых культурах и субкультурах, территориально локализованных и обладающих пусть относительной, но все же оседлостью. Это, в свою очередь, приводит к установлению важнейших «локально-глобальных связей» (local-global nexus).

Идея состоит в том, что территориальные общности обретают в контексте глобальных тенденций совершенно новые качества. И потому известная формула «To think globally but act locally» («Мыслить глобально, но действовать на местном уровне») в теоретико-социологическом смысле становится вполне адекватной.

Концепции глобального общества. Несколько теоретико-методологических подходов (моделей), принадлежащих данной ориентации в глобалистике, в большей степени делают акцент на международных отношениях, чем на социологии как таковой. Тем не менее их значение для социологического миропонимания также весьма существенно.

Исходной точкой построения подобных моделей служит утверждение, что как бы мир ни глобализировался, он все же состоит из отдельных государств и, соответственно, самостоятельных культур. Однако эти национально-государственные образования в процессе взаимодействия вырабатывают некую

¹ Ritzer G. The McDonaldization Theses. London: Sage, 1998.

² Tiryakian E. The Wild Cards of Modernity // Daedalus. 1997. Spring.; Jameson F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham (NC), 1991; Rojek Ch. "Disney Culture", Leisure Studies. 1993. 12. P. 121–135; Rojek Ch. Decentering Leisure; Rethinking Leisure Theory. London: Sage, 1995.

³ Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

транснациональную систему взаимосвязей и взаимоотношений. Так, Р. Бертон утверждает, что рассмотрение глобального мира с позиций (индивидуальных) перспектив отдельных государств не дает адекватной картины. Это всего лишь игра, напоминающая столкновение бильярдных шаров. Необходимо разработать модель мирового сообщества как целого. Для этого требуется заменить, «снять» абсолютизацию национальных государств как «единицы» взаимодействия и встать на позицию системного анализа мирового сообщества. Данная теория редко оперирует экономическими и культурными факторами. Она целиком погружена в государственно-политические вопросы. Такова ее специфика.

В том же ряду и позиция, сторонники которой стремятся заменить «государственную» точку зрения на миросистемную. Акцентируются процессы глобализации и перехода «к новой системе отношений», сфокусированных на международных организациях как прообразе будущего сообщества. В целом эта идея соответствует уже ставшей классической концепции «переходного общества», выдвинутой Р. Аароном в его теории переходных отношений, и соответствующая ей модель глобализации не обладает чертами завершенности и внутренней логической полноты. Она лишь указывает на необходимость уделять первенствующее внимание неправительственным организациям, международным общественным движениям, особенно в тех случаях, когда они берут на себя полномочия создавать новые надгосударственные объединения. Все это имеет прямое отношение к общесоциологической и политологической концепции гражданского общества, рассмотренного в качестве глобальной реальности.

Принципиально новую концепцию глобального общества предложили авторы нашумевшего сборника «Современность и ее будущее», изданного

в 1992 году в Англии. Главная цель его авторов – внедрить понятие глобализации в контекст теории постмодернизма.

Поскольку категория «modernity» (иными словами, образ современного индустриального общества) канонически утвердилась, возникают вопросы: что происходит с «современным» обществом в процессе его глобализации; разрушаются ли при этом такие феномены, как капитализм, национальные государства, или они усиливаются?

Отвечая на эти вопросы, Э. Гидденс проводит теоретический анализ понятий социального времени и социального пространства, прошедших «обработку» глобализацией⁴. Согласно его выводам, в ходе глобализации имеет место как компрессия пространственно-временных параметров социума, так и их «разнесение» (distanciation). В своем анализе modernity Э. Гидденс определяет глобализацию, используя четыре параметра: (а) систему национальных государств; (б) мировой военный порядок; (в) международное разделение труда и (г) возникновение мировой капиталистической экономики. Все это, по мысли Гидденса, стало следствием трансформирующейся «современности», переходящей в «постсовременность». Причем постсовременность (прежде всего глобальная) возникает в результате взаимодействия объективных (линейных) глобальных тенденций и локализованных феноменов повседневности. Именно на рубеже этого взаимодействия и появляется постмодерн с его характерными культурными гибридами. Таким образом, в теории Гидденса упор делается на объективно-субъективных феноменах и проблемы социального сознания ставятся во главу угла.

Модель глобальной системы. Данный теоретический подход, предложенный Л. Склэром, выдвигает понятие «транснациональных практик» (transnational practices), которые охватывают области, существенно более широкие, чем сфера

⁴ Гидденс Э. Социология. М., 1999. Гл. 16.

международных отношений на уровне национальных государств. С одной стороны, глобальная система Склэра реалистически признает значимость национальных государств, а с другой – предлагает перенести фокус внимания на «транснациональные практики», отличительной чертой которых признается наличие международных (не национальных) акторов и прозрачности границ.

Транснациональные практики последовательно пронизывают экономические, политические и культурные институты обществ, однако доминирующим фактором оказываются глобальные свободные рынки и либеральные экономические отношения, то есть то, что принято называть «капитализмом». В каждой из указанных сфер, пронизанных транснациональными практиками, доминируют конкретные социальные институты: ТНК формируют транснациональные практики в области экономики; в политической сфере преобладает «транснациональный капиталистический класс»; культурно-идеологические транснациональные практики определяются глобальным конsumerизмом (идеологией потребительства) и т.д. По мысли Склэра, модель глобальной системы не противоречит другим глобалистским моделям, ибо показывает, как институты национальных государств, не теряя своей (внутренней) идентичности, превращаются в истинно глобальные. Происходит нечто сравнимое с подрывом национальных институтов изнутри – внешне они продолжают оставаться традиционно национальными, будучи по сути уже глобальными. Это можно проследить на таких примерах, как взаимоотношения руководства ТНК и их местных представителей в разных странах, «глобализация» национальных бюрократов и бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, местных политиков и интеллектуалов и, наконец, возникновение глобализировавшихся конsumerистских элит.

Согласно данной теории, существует один класс – транснациональный капи-

талистический, – который и принимает все решения, касающиеся общемировых проблем. В отдельно взятой стране этот класс представлен в «местной» ТНК. Что касается теории культуры и идеологии конsumerизма, то она приходит на место прежней концепции «культурного и информационного империализма».

Особенностью современного глобального конsumerизма следует считать экспансию «транснациональных практик», прогрессирующих образцов потребления, не подразумевающих наличия средств их достижения. Это своеобразная религия потребительства, в которой бог – производитель товаров и услуг – в принципе не достижим для верующего в потребление.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведении до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализации), готовности к употреблению («оперантности»), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, упакованности в яркие символические формы, виртуализации культурных образов (создании виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Концепция порождающих технологий. Многие из рассмотренных подходов к пониманию и истолкованию процессов глобализации имеют сходные черты, что лишний раз подчеркивает общую тенденцию социального теоретизирования данной области. Все эти концепции или модели осмысления феномена глобального пространства достаточно открыты для критики. Однако знаменательно, что их сторонники, признавая наличие противоречий в своих построениях, ни при каких обстоятельствах не отказываются от главных тезисов. Подобная внерациональная убежденность и позволяет утверждать, что в области

теории глобализации мы имеем дело с определенным конструированием социальной реальности.

Смысл разнообразных конструкций можно хорошо представить себе на примере концепции «обществ, основанных на знании» (knowledge societies), разработанной канадским социологом-теоретиком Н. Стером⁵. Согласно этой концепции, не только бизнесмены и политики, но и сообщества ученых оказывают существенное воздействие на трансформационные процессы в глобальном масштабе.

Теория Стера имеет немалую историю, связанную с именами Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Аарона и др. Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи сообщества ученых исполняют функции не только экспертов, но и «демиургов» самого действия (на что, как правило, претендуют лишь политики и предприниматели). Это утверждение основывается на признании следующих положений:

- научное знание все больше проникает во все сферы жизни, оказывая на них существенное влияние;
- усиливается давление (в рамках гражданского общества) научно «грамотного» населения на политические институты;
- возникают новые области экспертного знания и провоцируемые им последующие социально-институциональные изменения;
- сферы социального конфликта перемещаются с поля непосредственных социально-политически-экономических интересов в область столкновения научных концепций развития, изменений, трансформаций, включая глобализацию;
- возрастает хрупкость современных организаций, основанных на применении научного знания.

Расширение зон применения научного знания в современном обществе все не ведет к линейной траектории социальных изменений. Напротив, в нем конкурируют различные научные концепции, каждая из которых обладает определенным созидательным потенциалом, оказывающим зримое воздействие на формирование социальной реальности. В этом смысле ни глобальное сообщество в целом, ни отдельные сообщества не имеют заданного и единого направления своей эволюции. Достаточно обоснованная социальная теория обладает потенциальной способностью изменить социальную реальность, стимулируя практики «порождающих технологий».

Принцип ЕСРС. Концепция «макдональдизации общества», предложенная Дж. Ритцером, формулирует рационалистическую модель американизации деловых взаимоотношений в лапидарной схеме:

- efficiency – эффективность, прежде всего экономическая;
- calculability – просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей;
- predictability – предсказуемость, «ожидаемость»;
- control through nonhuman technologies – контроль за поведением со стороны дегуманизированных технологий и технологических процессов⁶.

Условно назовем это «принципом ЕСРС», подобно парсоновскому принципу AGIL. Данная модель разработана Дж. Ритцером с опорой на методические постулаты М. Вебера и К. Маннгейма. При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой. Наверное, нет смысла уподоблять принципы «макдональдизации», предложенные Ритцером, классической веберовской модели

⁵ Stehr N. Knowledge Societies. London: Sage, 1994.

⁶ G. Ritzer. Op. cit.

протестантской этики. Тем не менее аналогии неизбежно возникают.

Вебер фактически «открыл» (наряду с Марксом) капитализм, то есть показал смысл и логику всего происходившего в обществе. Нечто подобное осуществляет и современный американский социолог, расколдовывая загадочную сложность американизированной цивилизации, осуществляющей свою поступательную экспансию. Оказывается, вся эта сложность в большей или меньшей степени укладывается в четыре принципа (кстати сказать, у Вебера их было не больше). Можно спорить по поводу того, насколько эти принципы универсальны и описывают ли они все современные общества. Но кажется, что в значительной мере разгадка «посткапитализма» близка.

Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. Однако по сути эпоха «посткапитализма» предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным обществам под именем глобализации. Попытаться избежать ее так же бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом).

Основные черты глобализации

Каковы же общие свойства большинства представленных выше глобалистских моделей с точки зрения содержащихся в них социальных конструкций – матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего теория глобализации подчеркивает: акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений

в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимополагании. Это подразумевает концентрацию внимания на пространственно-географических параметрах социальных изменений, их глобальной всеохватности.

Противопоставление глобального и локального в области культуры, рассмотрение тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, практики местных сообществ и др. То есть новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс отказа от «старого» идет быстро, решительно, зримо, а всякое «новое» обладает, по мнению теоретиков глобализма, заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное». Из этого в принципе следует, что именно глобальное приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости преодолевать все «ступени» вертикальной иерархии, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных процессах.

Множественность культурных гибридов. Теории глобализации радикально изменяют наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «конфликтности». Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социо-

культурных гибридов», с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Минимизация (в идеале – упразднение) национально-государственного фактора. Теории глобализации последовательно выступают против социализма (производное от понятия «социум»), с одной стороны, и национализма – с другой. Что касается последнего, то в это понятие отныне включаются такие феномены, как национальные государства-страны, национальные социокультурные традиции, национальные типы сознания и т.д.

Примордиальные феномены и гражданское общество. В этом контексте своеобразный поворот получает и проблематика гражданского общества. Процесс интернационализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся примордиальные (примитивные, свойственные первобытности) феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому Id и мидовскому I, проявляющие себя, например, в этничности (т.е. этнического происхождения, расы, как и пола), занимают все более важное положение в глобализируемых процессах и институтах. Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества» по контрасту с «постсовременным». Поскольку глобализация

представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, она предлагает образцы новой рациональности. Рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в теории мультикультурализма, то есть в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы⁷.

«Идеальный тип» современной глобализации, разрабатываемый такими социологами-теоретиками, как М. Арчер, М. Элброу, Э. Гидденс, Е. Тирикьян, Р. Робертсон и др., включает следующие принципиальные компоненты:

- всеохватность и комплексность изменений при переходе к глобальной стадии: меняются все параметры социальных структур и сама изменчивость, «пластичность» становится главной позитивной ценностью;
- все глобальные ценности и ориентиры получают априорное доминирование по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнический фактор, который элиминируется;
- гибридизация культуры, то есть процесс быстрого переплетения (часто искусственного) культурных феноменов из прежде несовместимых частей, особенно в поп-культуре;
- признание гражданского общества единственной формой социальной упорядоченности глобального социума.

Глобализация как виртуализация социального пространства

Виртуальность – это реальность, основанная на силе воображения, идеализации, приемах ухода от воздействия материальности, и системное распространение этого процесса на все сегменты

⁷ Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997; Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity. Ed. by M. Featherstone. London: Sage, 1990; Global Modernities. Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London: Sage, 1995; Robertson R. Op. cit.; Stehr N. Op. cit.; Tiryakian E. Op. cit.; Wallerstein I. Unthinking Social Sciences. London, 1995. Waters M. Globalization. London – New York, 1995.

социальной структуры общества и институты; это сознательное и «инженерно» сфокусированное конструирование условных феноменов, приобретающих статус основных. Процесс, который можно условно назвать «виртуализацией», становится все более заметным и значимым не только на микро-, но и на макроуровне.

В 2005 году Американская лингвистическая ассоциация выделила ключевое, наиболее выразительное понятие, доминирующее в современном обществе (возможно, и имплицитно). Этим понятием стало *truthiness* («правдоподобность»). Лингвисты определили его как «качество, присущее сформулированной концепции, которую индивидуум принимает или предпочитает принимать за действительность вместо того, чтобы верить фактам». В известной мере сконструированный имидж замещает реальность и постепенно начинает главенствовать над ней.

Когда возникла виртуальность? Тесная связь виртуализации с общественно-технологическими реалиями XX века не вызывает сомнения. Однако связывать виртуализацию исключительно с развитием современных технологий коммуникаций едва ли правомерно. Этот процесс в своих элементах уходит в глубины культуры и ретроспективу ее истории. В основе виртуализации, на наш взгляд, лежит базовая для человека способность к воображению, идеализации, интеллектуальной деятельности, основанной на продуцировании абстрактных моделей и образов. Значимость мира мыслимого, «интеллигибельного», в отличие от мира, раскрываемого в ощущениях, постоянно нарастала в ходе истории человечества. В известной мере преодоление биологической природы человека было (и продолжает оставаться) вектором эволюции. В этом смысле можно утверждать, что виртуализация – неизменный спутник и продукт культуры как таковой.

На ранних этапах становления философского рационализма, в частности у Платона, были сформулированы принципы, согласно которым мир идеальных

сущностей и форм обладает большей степенью реальности, чем мир материальных предметов. Дальнейшая история европейского идеализма и рационализма, в лице Декарта провозгласившая субстанциальный дуализм и параллелизм бытия и идеального мышления, увенчалась гегелевским абсолютным идеализмом, согласно которому мир, данный в ощущении, есть продукт саморазвития познающей себя идеальной субстанции. Другая ветвь европейской философии породила «грезящий идеализм» Беркли, удививший человека в мир субъективных феноменов, «комплексов ощущений», не релевантных материальности.

Можем ли мы рассматривать эти и иные инварианты идеализма, делавшие главный акцент на продуктивной силе сознания, в качестве предьстории виртуализации? Разумеется, о терминах и понятиях можно и должно спорить. Но в любом случае такая постановка вопроса имеет право на существование. При этом речь идет не только и не столько об истории философии. В более широком плане культура вырабатывает общественные и широко распространенные формы институализации идеальной сферы. Это прежде всего религия, искусство, психоделические практики в своих различных вариантах. В контексте этих социальных феноменов и практик индивид и индивиды с различной степенью интенсивности погружают себя в мир имажинативного, создают свой имматериальный мир и существуют в нем – от кратковременных точечных проникновений и прикосновений вплоть до профессионально обусловленных программ коллективных действий и полной (невозвратной) идентификации с этим миром. Более того, как представляется, любые формы концентрированной продуктивной интеллектуальной деятельности фактически соприкасаются со сферой идеального как универсума. А это подразумевает, хотя бы потенциально, перспективу погружения в это идеальное.

Культура уже достаточно давно вырабатала инструментарий и набор образцов

виртуализации. Формы фантазийной зависимости достаточно разнообразны. Они простираются от сферы художественной литературы, когда писатель силой креативной воли полностью отождествляет себя с миром своих героев (Г. Флобер: «Мадам Бовари – это я»), входит в этот мир и пребывает в нем; грандиозных виртуальных проектов в сфере политики (социалистическая теория и социалистическая революция в России XX века) до теоретической социологии, нередко пытающейся в замкнутом научном круговороте продуцировать понятия, порожденные «духом самих понятий», потерявших вектор своей корреляции с реальным социальным миром. Подчас эти формы приобретают замкнуто-сектантский характер, во многих иных случаях они становятся массовыми и тиражируемыми и тем самым порождающими саморазвивающийся миф.

Надо признать, что виртуализация в своей социальной проекции соседствует и взаимодействует с такими явлениями, как рационально применяемая общественная ложь и институализированный обман. В известной мере, это также инструменты виртуализации, используемые с целью закрепления экономической и политической власти (вполне материальной по своей природе). Виртуализация и сознательно стимулированное – различными способами – балансирование на грани «этого» и «того» миров связано с уходом либо в мир прошлого (Дон Кихот как своеобразный символ виртуализации⁸), либо в мир футуристической фантастики (фильмы «Матрица» (1999), «Дневной дозор» (2006) и многие другие).

Предпринятые выше попытки наметить исторические корни и традиции виртуализации, между тем, не могут снять вопрос о принципиально новом характере виртуализации XX–XXI веков, эпохи информационной революции и глобализации.

Рис 1. Иллюстрация французского художника Г. Доре к роману М. де Сервантеса «Дон Кихот».

Массовая воспроизводимость идеальных объектов: социологический аспект виртуализации. До XX века конструирование фантазийных миров не носило массового и стереотипно-продуцируемого характера. Оно было рассчитано на отдельные социальные группы (социальные слои и субкультурные сообщества), которые пользовались правом потреблять роскошь имажинативности в тех или иных ее формах. Пожалуй, только религия давала пример тотальной массовости.

В нашу эпоху виртуализация приобрела всеобщий характер. В этом состоит, быть может, главная особенность современной культуры. В свое время эта эпоха началась с гуттенберговского книгопечатанья и широкого тиражирования художественных текстов, прошла в XIX веке этап тиражной печатной прессы, в XX веке достигла новых высот технологичности в кинематографе, радио и телевидении. Конец XX века ознаменовался всеобщим внедрением Интернета и цифровых технологий, во многом

⁸ Сервантес создает выдающееся произведение, полностью имажинативное, то есть виртуальное, как и любое другое произведение художественной литературы. Главный герой романа, Дон Кихот, в свою очередь, создает в своем воображении мир давно ушедшей рыцарской эпохи и буквально живет в этом мире, болезненно соприкасающемся с реальностью. Одна виртуальность множится на другую.

сделавших виртуализацию достоянием сотен миллионов пользователей. И то, что на протяжении веков было уделом избранных, в наши дни стало всеобщим.

Развитие технологий информатизации способствовало тому, что два основополагающих понятия – время и пространство – перестали быть однозначными, они диверсифицировались и плюрализировались. Anything, anywhere, anytime – таков лозунг индустрии, создающей имиджи и распространяющей их. Географические показатели пространства уже не играют столь значительную роль в жизни общества, как это было совсем еще недавно. Географическое пространство все меньше и меньше является для нас первостепенным. Оно стало пластичным, искусственно конструируемым по месту и времени, разделяемым на части и легко воссоединяемым по желанию креативщика. Интернет сокращает до минимума информационные дистанции между людьми. Время, которое также претерпело изменение, перестало быть объективным. Это уже не показатель процессов, фактов, это нечто другое для современного человека, а именно длительность между подключениями к активной «матрице» виртуализации, будь то телевизор, компьютер, иллюстрированный журнал или мега-молл в качестве храма потребления. Развитие медиа, которое последовало за прогрессом в науке и технике, привело к тому, что сейчас информация является одним из самых необходимых ресурсов для человека.

Это повлекло за собой пришествие нового человека, вполне соответствующего эпохе виртуализации и информатизации. Пластичность потребителя виртуальности стала ведущей характеристикой личности – «Каждый может быть любим». Легкодоступность виртуализационных технологий делает это возможным практически для каждого. Современный школьник старших классов на своем домашнем компьютере может самостоятельно творить реальность

компьютерных игр и компьютерного графического пространства, уходить в это пространство, подключенное к Интернету, и жить в этом чисто виртуальном мире. Синдром интернет-компьютерной зависимости постепенно становится нормой.

Социальная наука может изучать современное состояние общества так же, как делала это в XIX веке, но в данном случае огромная сфера окажется вне поля зрения ученых, что приведет к проблемам в самом обществе. Поэтому в условиях виртуализации необходим другой подход к изучению социальных явлений.

Прежде чем разработать какой-то оригинальный и эффективный подход, необходимо понять и описать все те изменения в нашей жизни, которые можно назвать «виртуализацией».

Виртуализация и потребление. Значительнее в нашей повседневной жизни становится роль образов, изображений, ощущений, которые не пытаются отражать действительность, но создают свои миры. Копия начинает обладать сходством с референтом, поскольку строит себя по образу идеи. Постепенно копия замещает референт и приобретает самостоятельность. Симулякр – это копия копии, лишённая подобия. Уход от аутентичности и погружение в мир «копий копий» сопровождается возникновением соответствующих широко распространенных и всем известных языковых форм русского языка: «как бы», «на самом деле» и пр. Виртуализация – это все «как бы» настоящее, но «на самом деле» не настоящее. Симулякр становится нерепрезентативной моделью, не подразумевающей существование объективного референта. В итоге виртуализация приводит к тому, что симуляция становится сначала параллельной реальности, а затем и имманентной реальности. Реальность наполняется и взрывается изнутри виртуальностью.

Таким образом, средства виртуализации формируют миры, то есть замкну-

тые универсумы сколь угодно большого или локального масштаба. «Мир медиа», «мир рекламы», «мир моды» («мир кожи», «мир паркета», «мир меха») порой становится для массового потребителя первостепенным и более важным, чем сами товары, факты и люди⁹. В конце концов, прежде всего потребляется бренд, а не сам товар. Процессы виртуализации и потребления симуляционного бренда во всех сферах пронизывают жизнь современных сообществ. «Виртуальная корпорация», «виртуальная ТВ студия», «виртуальная демократия», «виртуальные деньги», «виртуальное обучение», «виртуальное общение», «виртуальная игрушка» и т.п. Этот список можно продолжить. Многообразие воздействия виртуальной сферы на общество дает основание ставить вопрос о тенденции возникновения в обществе нового измерения. Разумеется, не стоит впадать в крайность и объявлять все и вся продуктом виртуализации. Но и очевидное развитие этого процесса невозможно отрицать. Мир, в одном смысле, становясь все более и более материальным, физиологичным и бизнес-ориентированным, в другом – уходит в нематериальную сферу воображаемого, сконструированного, «параллельного» и симуляционного.

Визуальность и виртуальность. Пути аналитического проникновения в мир виртуального могут быть достаточно разнообразными. Основным методом по-прежнему можно считать интеллектуальное моделирование виртуализации и определение внутренних смысловых граней этого процесса. Существенную роль в конструировании этих множественных миров играет визуальность. Она сокращает путь к имажинативному, она более доходчива, впечатляюща, захватывающа. В конце концов, 80% информации, получаемой человеком, приходит через зрительные рецепторы.

Рис. 2. Виртуальный курс в режиме телеконференции «Культурная психология и социология городской жизни» был проведен между ГУ – ВШЭ (Россия) и Университетом Кларк (США) в 2006 году. На экране профессор Я. Валсиер (Университет Кларк), на первом плане – студенты ГУ – ВШЭ. В течение всего курса высокое качество связи позволяло создавать полную иллюзию виртуального пространственного единства учебной аудитории, физически разделенной многими тысячами миль.

Рис. 3. 42-я улица Манхэттена (Нью-Йорк), апрель 2007 года. Реклама сети универсальных магазинов «Таргет». Эта часть Манхэттена, вблизи Таймс-сквер, носит знаковый характер. Это Мекка туристов, символ современной Америки. Несколько лет назад при мэре Р. Джулиани прежде значащая 42-я улица радикально обновилась и стала витриной всей страны. Общий дизайн рекламных площадей на стенах небоскребов создается группами художников. Он настолько продуман, что невольно рождает ощущения, что за всем этим стоит влиятельный и политически корректный «худсовет», более сильный, чем законы рынка. (Здесь и далее фото автора.)

Перед нами симулякр «Америки молодой», устремленной вверх, опирающейся правой рукой на символ бренда «Таргет». Индивидуальные черты стерты, неразличимы, «девушка вообще».

⁹ Указанные рекламные слоганы и названия весьма характерны с социологической точки зрения. Практически каждая мизерабельная потребительская практика, получившая массовое распространение, претендует на создание своего виртуального «мира».

При ближайшем рассмотрении динамично развернутая модель оказывается фрагментом большой ленточной серии билл-бордов, опоясывающей весь квартал и представляющей все американское общество в гигантской миниатюре – все социальные группы, «Большая американская семья». В значительной степени персонажи этой семьи предстают социально нагруженными куклами – искусственно созданными муляжами, включенными в Большую американскую игру. И эта игра, по сути, виртуальна, ибо развивается параллельно американскому социуму, иногда пересекаясь с ним в конфликте, но чаще создавая свою собственную идеосферу.

Рис. 4. «Многодетная американская семья» в динамике социального ракурса и духоподъемном веселье. По современным исследованиям американской семьи хорошо известно, что ее ведущей формой стало DENC (dual employment – no children, работа для обоих супругов без детей). Такова объективная логика современной американской экономики семьи и социальной жизни в целом. Однако в кукольном доме на рекламных билл-бордах на 42-й улице все предстает в ином ракурсе.

Рис. 5. Пожилой мужчина с афроамериканскими корнями. «Этника», стабильность геометрически устойчивой пирамидальной формы, мультикультурализм, достойный возраст.

Рис. 6. «Американская юность и мечта» a la Курникова – Шарипова. Политически корректное вынесение молодой женщины на первый план. Юноша уведен в угол кадра. Совершенство тела, его безупречность и культ молодости – один из идолов современной глобализированной (во многом американизированной) культуры. Таким образом античный паттерн восхищения совершенством формы человеческого тела трансформируется через тысячелетия в паттерн потребления физического совершенства и его виртуализацию средствами современных технологий. В этом контексте спорт выступает важнейшей потребительской практикой. Он интегрируется с модой, рекреацией и экстримом как своими инвариантами.

Рис. 7. «Америка мужественная» и сражающаяся – единоборец (справа). Строгий взгляд неподкупного воителя, готовность на любой трюк ради достижения победы. Слева поп-музыкант, афроамериканской этники и неопределенной гендерной ориентации. Единственный носитель интеллектуально-творчески-культурного компонента с чертами социальной нетипичности (транслируемый месседж: «мы ценим всех американцев, кроме террористов»).

Изображения, зрительные ощущения приглашают в мир виртуального, обладая при этом чертами принудительной убедительности, доходчивости и коммуникативности. Это образы рекламы, дизайн, мультимедиа, компьютерные игры, мода, архитектура, «бодифитнес», макияж, «фейсконтроль», фотография и видео. Их нельзя считать некоей второстепенной оболочкой виртуальной реальности. Они входят в ее структуру в качестве значимых самостоятельных компонентов и нагружаются особым смыслом.

Визуальные образы (скорее, «симулякры») преследуют современного человека повсюду. Они прорываются сквозь оболочку индивидуальной защиты и оказывают мощное воздействие на психику. Сфера визуального восприятия превращается в основной канал связи с виртуальной реальностью. Казалось бы, безобидная наружная реклама, ублаживающий восприятие гладкий дизайн интерьеров и предметов быта, плазменные панели, вещающие по спутниковым каналам в огромных объемах, – все это и есть проникновение виртуальной визуальности в мир человека наших дней.

В академическом преподавании средства наглядной визуальности (постер-сессии, программа PowerPoint и др.) захватывают все большие и большие пространства. Виртуальные аудитории, объединяющие по каналам IP-телефонии в режиме on-line университеты различных континентов, создают прообраз университетов будущего.

Внешние зрительные образы наружной рекламы заполняют городское пространство. Одними из самых насыщенных наружной рекламой зон считаются Москва и Нью-Йорк (Манхеттен). Причем в концепции наружной рекламы Манхеттена переплетаются чисто коммерческие составляющие и пропагандистско-социальные. Реклама явст-

венно начинает звучать как средство комплексного формирования сознания современного человека. Искусство рекламщиков – это уже не ремесленничество, а тонкая настройка визуальных имиджей с использованием современных средств воздействия на аудиторию.

Рис. 8. Лето 2007 года. Жизнерадостная девушка «Америки молодой» уступила свое место модельной женской обуви и пластырю против потертости ног. На место других героев «Большой американской семьи» пришли предметы – пуховые подушки, шоколадный торт и др. Нарочито введенные и повторяющиеся на всех композициях парные слоганы «Hello» и «Goodbuy»¹⁰ создают чувство ритмичности и даже монотонности акта потребления. Оставшиеся персонажи – это уже не герои «Большой американской семьи», а несколько жалкие человечки, служащие указателями для определенных предметов. Тинэйджер в полете должен приземлиться на мягкие подушки и т.д.

Таким образом, великая траектория движения от предметности к виртуальности находит свое завершение в новой опредмеченности, непосредственно связанной с потреблением и лишенной интереса к человеку, отличному от непосредственно потребляющего. Это наводит на мысль о том, что современная сфера виртуального непосредственно связана со стихией материального – потреблением. Так или иначе, прямо или косвенно любая виртуальность замыкается на человека, переживающего состояния экстатического потребления, упоения чувственностью.

¹⁰ Goodbuy – игра английских слов. Традиционно используется выражение «goodbye» (до свидания). Здесь же имеется в виду совсем другое – не bye, а buy, то есть «покупай». «Здравствуй – Хорошо покупай!»

Характерная особенность современных обществ состоит и в том, что визуальные конструкты постепенно вытесняют невизуально-интеллектуальные. Так, книга и собственно чтение уступают место потреблению визуальных имиджей («картинки» любого рода, плакат-реклама, телесериал и пр.¹¹). Притом, как представляется, речь идет не о временной флуктуации рынка культурных продуктов, а об изменившемся векторе развития культуры как таковой. В этом смысле и проникновение в зазеркалье виртуальности в значительной степени может идти по пути расшифровки визуальных имиджей.

Глобализационный сценарий для России

Что же происходит в России начала XXI века? Грядет ли испепеляющий кризис, сметающий на своем пути социальные структуры, либо перед нами раскрывается перспектива «тихого» погружения на дно современной цивилизации при сохранении некой внутренней умиротворенности?

Как ни странно, но новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и по существу поддерживается властными структурами мировой глобализации, казалось бы, столь далекими от нас. Говоря проще, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. В этом смысле Россия не исключение, а лишь инвариант общего состояния мирового сообщества.

В России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым изменениям, а, напротив, в силу значительной ослабленности социальной структуры российского общества, активная реализация большинства глобалистических тенденций в их яркой «гибридной» форме.

В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих тенденций и выступает в качестве своеобразного «испытательного полигона», на котором апробируют себя те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном пространстве. Причем многие традиционно явно «нехорошие» и ненормативные процессы получают у нас совершенно иную окраску в мировом системном обличье.

Весьма примечательно, что культурные гибриды, описанные выше, получили в России конца 90-х годов небывалое распространение. Однако в отличие от стабильных западных обществ, где указанные феномены пока еще ограничиваются и регулируются рационально-традиционными социальными институтами, в условиях российской нестабильности они проявляются сполна. Есть немало оснований предполагать, что заявляющая о себе новая, а пока еще отчасти девиантная гибридизированная культура вскоре превратится в базовую. В этих условиях традиционные фундаментальные ценности культуры российского общества (в мегаполисах и больших городах особо заметно) оттесняются на обочину. Там они могут стать (если не исчезнут окончательно) основой различных субкультур. Соответственно будут существовать и замкнутые сообщества (группы), их поддерживающие (по аналогии с «монастырской парадигмой» Т. Розака).

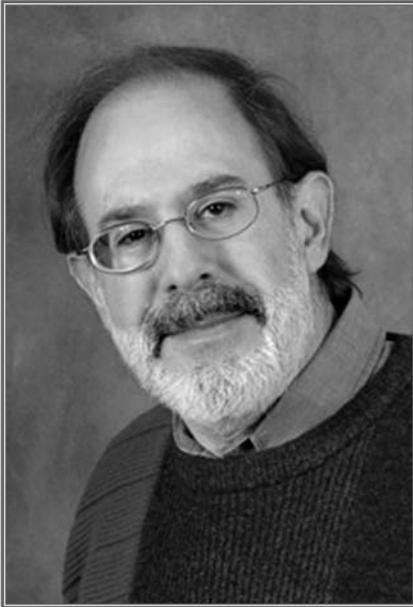
Возникает необходимость консервации традиционных культурных ценностей и архивирования культурного наследия, но не только в виде создания разного рода депозитариев памятников и документов культуры (хотя и их тоже), а прежде всего в качестве «хранилищ» живых ценностей, в том числе и в их дея-

¹¹ Даже книжная продукция теперь нагружается и перегружается иллюстративно-визуальным материалом в противовес чисто текстовому. Развитие индустрии так называемой глянцевого прессы – лучшее тому свидетельство. Все, что возможно, переносится в зрительно-изобразительную сферу. Пример с учебниками по истории социологии, превращенными в сериальные комиксы, показателен.

тельностных вариантах. Этому могут служить различные общественные организации, группы, движения и т.д., которые создают свои сети взаимного общения, хотя и не находящиеся на авансцене трансформирующегося социума.

В отечественной литературе не высказывалась идея относительно особого «испытательного» и экспериментального характера современной российской культуры под углом зрения глобалистских подходов. Мы же отстаиваем правомерность этой идеи, которая позволит по-иному оценить процессы, происхо-

дящие в России в области культуры. При таком повороте угла зрения Россия предстает не как отсталая и почти «варварская» периферия высококультурного Запада, но как социум, в котором имеет место предвосхищающее развитие глобальных тенденций, сколь бы остороживающими они ни были. По-видимому, здесь образуется эффект своеобразного резонанса ломки правил, культурных стереотипов, неизбежных в постсоветских трансформациях, но вместе с тем происходит интеграция страны в глобальную миросистему.

Харли Балзер,
профессор
Джорджтаунского университета
(США)

Россия и Китай в глобальной экономике

Balzer H. Russia and China in the Global Economy // Demokratizatsiya. 2007/2008. Winter. Vol. 16, No. 1. Публикуется с любезного разрешения автора.

В середине декабря 2004 года некая российская фирма «Байкалфинансгрупп», не имевшая ни собственных помещений, ни известных сотрудников, победила на лишенном «прозрачности» аукционе и приобрела «Юганскнефтегаз», главное нефтедобывающее подразделение некогда самой преуспевающей российской компании ЮКОС. На той же неделе корпорация «Леново», учрежденная 20 лет тому назад китайской Академией наук, приобрела сектор производства персональных компьютеров транснациональной компании IBM. В 1976 году, после смерти Председателя Мао, большинство людей, сравнивая Россию и Китай, полагало, что шансы России¹ превратиться в основного игрока мировой технологической индустрии значительно выше. Советский Союз тогда участвовал в совместном космическом проекте «Союз – Аполлон» и пожинал плоды разрядки и стабильности (пока еще без видимых признаков застоя) брежневского периода. СССР был сверхдержавой, обладавшей многими преимуществами, необходимыми для развития. По уровню грамотности населения, количеству научных, технических и прочих специалистов с высшим образованием Россия намного превосходила Китай, который оставался по сути аграрной страной, выскользавшей из хаоса культурной революции и сопутствовавшей ей изоляции.

¹ До распада СССР в декабре 1991 года Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) являлась самой большой составной частью Союза. Для простоты и сохранения преемственности я употребляю в своей статье слово «Россия» и когда говорю о РСФСР, и когда говорю о Российской Федерации.

После смерти Мао Цзедунa Китай в последующие три десятилетия достиг высоких темпов экономического роста, сумев создать отрасли производства, способные составить конкуренцию другим странам и избавить большую часть населения от нищеты. В России с конца 1980-х годов происходили серьезные сбои в экономике, и ее рост возобновился лишь после резкого падения уровня жизни населения и финансового кризиса 1998 года. Однако этот рост связан в основном с девальвацией рубля и высокими ценами на нефть, что позволяет усомниться в его стабильности. Несмотря на огромные нефтяные доходы, его уровень с начала президентства В. Путина оставался одним из самых низких среди стран бывшего СССР.

Экономический рост, основанный на развитии производства, помог Китаю превзойти Россию по уровню человеческого капитала и прочим показателям. Число пользователей Интернета и мобильных телефонов среди городского населения Китая примерно эквивалентно числу пользователей в крупных городах России. Доля расходов на образование и научно-исследовательские разработки в национальных бюджетах также примерно равны. Китай становится серьезным глобальным игроком во все растущем числе технологических отраслей, а также в международной экономической системе, о чем российские лидеры пока только рассуждают.

В чем же причина того, что прогнозы большинства людей осуществились с точностью до наоборот? Дело главным образом в различных подходах к интеграции в мировую экономику. Уровень включенности Китая в глобализацию и интеграцию экономики намного выше, чем других азиатских стран, в то время как Россия относится к этим процессам настороженно, оставаясь где-то на периферии. Российская экономика открыта, однако ее ориентированность на продажу природных ресурсов и вооружений мешает совершенствовать производство товаров с высокой степе-

ню добавленной стоимости. Российскую экономическую интеграцию называют *узкой*, а китайскую – *широкой* из-за включенности и в отдельные технологические цепочки, и в целые производственные циклы. Китай для своего уровня развития выпускает значительное количество товаров с высокой добавленной стоимостью, чего нельзя сказать о России, несмотря на ее индустриальную базу, систему образования и научно-исследовательский потенциал, доставшиеся в наследство с советских времен. Китай вступил в ВТО в 2001 году, а России, как и в 1993 году, все еще требуется год-другой, чтобы стать членом этой организации.

Эти различия значительно влияют на политику обоих государств: китайская широкая интеграция пробудила региональные, секторальные и институциональные интересы, что помогло отстоять курс преобразований и увеличить сферу реформирования и открытости; российская же узкая интеграция активизирует лишь немногочисленные силы, готовые противостоять возродившемуся административному диктату в экономике.

Общепринятые объяснения экономического роста в Китае

В основном считается, что причина экономического успеха Китая кроется в стартовых условиях и/или особенностях его политики. К начальным преимуществам относят: избыток низкооплачиваемой рабочей силы, не охваченной системой социального обеспечения; решение начать реформирование с сельского хозяйства; более краткий период правления коммунистов; не столь полное проникновение влияния коммунистической партии в массы; качественные различия в руководстве страны; готовность китайских этнических сообществ за рубежом предоставить необходимый инвестиционный капитал. Однако при сопоставлении подобные объяснения оказываются неудовлетворительными.

Те из аналитиков, кто делает ставку на специфичность китайского политического курса, обычно подчеркивают «градуализм» и экспериментальный характер реформ, которые благодаря усилиям авторитарных властей проводились в условиях стабильности. Между тем подобные трактовки искажают историю развития Китая.

Большой приток сельскохозяйственных рабочих – источник дешевой рабочей силы – в ориентированные на экспорт отрасли промышленности также часто рассматривается как один из основных факторов успешного развития китайской экономики. Сельское население страны не было охвачено системой социального обеспечения, поэтому после деколлективизации и последующей модернизации высвободилось огромное число крестьян, которые были вынуждены искать работу на муниципальных городских и сельских предприятиях или в новых экономических зонах. Многим китайцам пришлось быстро адаптироваться к твердому бюджету. В России же сохранялась система социального обеспечения и прочие альтернативы². Однако доводы, основанные на дешевизне рабочей силы и отсутствии систем социального обеспечения, не могут объяснить, почему страны Азии и Латинской Америки, где также имеется огромное число низкооплачиваемых потенциальных рабочих, не защищенных какими бы то ни было системами социального обеспечения, не смогли повторить китайский успех. В то же время страны Центральной Европы и Балтии развиваются успешнее России, несмотря на схожесть систем социального обеспечения и демографических параметров,

доставшихся им в наследство от советского периода.

Что касается инвестиций заокеанских китайцев в экономику страны, стратегии первоочередного развития сельского хозяйства, а также менее длительного пребывания у власти коммунистов, то сравнительный анализ ставит под сомнение подобные объяснения. Ведь средства имеются не только у китайской диаспоры. Тогда почему, например, Индия отстает от Китая? В США выходцы из России – это группа с наибольшим количеством миллионов на душу населения³. Однако несомненно, что диаспоры инвестируют средства только при благоприятных условиях. Аграрные реформы, десятилетиями продолжающиеся в Латинской Америке, не привели к экономическому чуду. В некоторых странах, ставших коммунистическими после Второй мировой войны, например Эстонии, Словении и Словакии, общехозяйственное развитие достаточно успешно, чего нельзя сказать о Молдавии и Сербии.

Некоторые авторы связывают различие в результатах развития Китая и России с характером руководства в период формирования коммунистической системы, делая акцент на личности вождя (кратко это можно сформулировать так: «Мао не Сталин»), или с более слабым проникновением Коммунистической партии Китая в народ. Однобокая, но в некотором роде весьма показательная биография Мао, написанная Дж. Ченом и Дж. Холидеем, подводит читателя к выводу, что Сталин не был Мао, в то время как Э. Валдер утверждает, что коммунистическая система в Китае являлась самой «неотрадиционной»

² См.: *Sachs J.D., Woo W.T. Reform in China and Russia // Economic Policy. 1994. No 18. P. 101–145.* Сакс и Ву указывают на «три взаимозависимых ошибки» советской экономики: избыток предприятий тяжелой индустрии при недостатке предприятий легкой промышленности и сферы услуг, субсидирование государством практически всех рабочих; и, наконец, охват всего населения системой социального обеспечения. Характеризуя систему социального обеспечения как «ошибку», Сакс противоречит собственным высказываниям, сделанным им в других работах, где он говорит о важности создания сетей социальной безопасности в переходный период.

³ *Stanley T.J., Danko W.D. The Millionaire Next Door: The Surprising Secrets of America's Wealth. New York: Pocket Books, 1996. P. 19.* Яркие примеры возвращающихся русских – Б. Йордан, втянутый в иницированную Кремлем кампанию по захвату НТВ, и П. Хлебников, журналист «Форбс», которого убили в 2004 году.

из всех коммунистических систем и обеспечила максимальное проникновение партии в народ⁴. Советская экономика не смогла правильно распорядиться имевшимися ресурсами, в результате чего стоимость создания рыночной системы оказалась чрезвычайно высока. Однако есть основания полагать, что экономика Китая была еще менее сбалансированной и еще хуже распоряжалась своими ресурсами: так, на строительство «третьей линии»⁵ были брошены огромные средства, что с трудом могла себе позволить бедная нация. Еще неизвестно, кто из них, Сталин или Мао, внес больший хаос в жизнь своих стран.

В спорах «градуалистов» и сторонников быстрых реформ китайская стратегия преподносится как пример удачного постепенного реформирования, проводившегося методом проб и ошибок, с промежуточными корректировками. Российские аналитики были особенно очарованы идеей «просвещенного авторитаризма», которым, якобы, объясняется китайский успех. Понятно, что подобные утверждения содержатся в китайских официальных отчетах. Однако было бы неверно приписывать экономические достижения Китая регулируемому градуализму. Если бы за экономическое развитие страны отвечало ее руководство, то государственный

сектор не вис бы тяжким грузом на национальной экономике.

В целом, вряд ли можно рассматривать начальный этап китайского реформирования как продуманный политический курс, скорее это была серия экспериментов, которые быстро распространились по территории страны и сумели избежать государственного контроля⁶. Некоторые авторы утверждают, что китайскому государству, в отличие от советского, удалось сохранить свои полномочия⁷. Тем не менее существуют достаточно веские доказательства того, что именно там, где китайское руководство частично утратило контроль над ситуацией, реформы продвигались наиболее успешно. В. Шу пошла еще дальше, предположив, что участие китайских лидеров состояло лишь в том, что они не мешали движению⁸.

Как только Дэн Сяопин остановил свой выбор на курсе реформ и открытости, залогом успеха в Китае стало не то, что делало правительство, а то, чего оно не делало: не мешало местным предпринимателям и не чинило препятствий для развития. Китайское правительство поступало так не потому, что не ощущало своей ответственности за результаты развития, а скорее из-за целого комплекса своекорыстных интересов и сильного давления групп, получивших выгоду от происходивших пе-

⁴ *Chang J., Halliday J.* Mao: The Unknown Story. New York: Alfred A. Knopf, 2005; *Walder A.* Communist Neo-Traditionalism Work and Authority in Chinese Industry. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1988.

⁵ Производственная и исследовательская база в Центральном и Западном Китае, предназначенная для обеспечения армии всем необходимым в случае войны и выхода из строя оборонных предприятий «первой» и «второй» линии. На «третьей линии» были созданы 483 предприятия ВПК и 92 научно-исследовательские организации, где трудились 1,35 млн человек (прим. пер.).

⁶ См.: *Howell J.* China Opens its Doors: The Politics of Economic Transition. Boulder, CO: Lynne Reiner, 1993; *Pei M.* From Reform to Revolution: The Demise of Communism in China and the Soviet Union. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994; *Zweig D.* Internationalizing China: Domestic Interests and Global Linkages. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.

⁷ *Sun Y.* Reform, State and Corruption: Is Corruption Less Destructive in China than in Russia? // *Comparative Politics*. 1999. October. P. 1–20; *Solnick S.L.* The Breakdown of Hierarchies in the Soviet Union and China: A Neoinstitutional Perspective // *World Politics*. 1996. January. No. 48. P. 209–238; *Shleifer A.* Federalism with and without Political Centralization: China versus Russia // *Shleifer A.* A Normal Country, Russia after Communism. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 2005. P. 147–155; *Naughton B.* Chinese Economic Success: Effective Reform Policies or Unique Conditions? // *The Evolutionary Transition to Capitalism*. Ed. by *Poznanski K.Z.* Boulder, CO: Westview Press, 1995. P. 135–153.

⁸ *Shue V.* Legitimacy Crisis in China? // *Gries P.H., Rosen S.* (eds.) State and Society in 21st-century China: Crisis, Contention and Legitimation. London and New York: Routledge, 2004. P. 24–49 (here p. 29).

ремен⁹. В 1980-х годах китайская политика развивалась зигзагообразно: от поддержки открытости к ее ограничению. Несмотря на политические репрессии, особенно те, что последовали после событий 1989 года на площади Тяньяньмэнь, ограничение реформ неоднократно откладывалось благодаря сопротивлению экономических сил, которым преобразование пошло на пользу и которые способствовали победе прореформистски настроенных лидеров.

Для тех, кто акцентировал внимание на недемократическом характере развития Китая, оставалось загадкой, почему в стране, где правила коммунистическая партия и отсутствовала демократия, местные власти, предприниматели и инвесторы оказывали больше влияния на некоторые аспекты экономической политики, чем в России, заявившей о своей приверженности демократии. Китайские лидеры поощряли расширение сферы влияния муниципальных городских и сельских предприятий и привлечение прямых зарубежных инвестиций. Дальнейшее развитие стимулировало местную инициативу и острую конкуренцию, создав силы, которые сначала обхитрили руководство, а в конечном итоге стали влиять на государственную политику. Намеченные правительством цели стимулирования производства и обеспечения занятости были с лихвой достигнуты, правда несколько иными путями, чем предполагалось вначале.

Основной вопрос состоит в том, сможет ли Китай поддерживать заданный им темп экономического роста в XXI веке, в условиях серьезной социальной напряженности в обществе, экологических катастроф и распространения коррупции. Независимо от того, какую траекторию развития выберет Китай в будущем, клю-

чом к пониманию его экономического успеха до сих пор остаются открытость и широкая международная интеграция, которые обеспечили страну необходимыми ресурсами, стимулировали конкуренцию, способствовали развитию экспорта высококачественных товаров и созданию коалиций, вставших на защиту политики открытости. Гибкий подход Китая к реформированию и его открытость миру стали возможны благодаря тому, что руководство страны и ее элита охотно приняли глобализацию. В этом главное отличие Китая от России.

Отношение к глобализации

В китайском дискурсе о глобализации она рассматривается как прекрасная возможность для преодоления многовековой отсталости страны. Ее лидеры уверены в том, что они успешно руководят процессом интегрирования Китая в мировую экономику. Несмотря на то, что многие российские обозреватели именно так оценивают китайское развитие, российская элита относится к взаимоотношениям России с мировой экономикой двояко. России как бывшей империи, добившейся этого статуса военными и идеологическими, а не экономическими методами, гораздо сложнее включить в сферу своего внимания окружающее пространство, мало что добавляющее к ее относительным преимуществам.

Интернационализация с самого начала была лейтмотивом китайских реформ. Дэн выступил в защиту открытости и интеграции практически сразу после смерти Мао. В 1990-х годах экономическая интернационализация воспринималась руководством страны как средство развития национальной экономики и обеспечения Китаю достойного места в мировом хозяйстве¹⁰. К концу

⁹ Мои рассуждения основаны на работах, указанных в сноске 5, а также следующих сочинениях: *Gallagher M.* Reform and Openness: Why China's Economic Reforms Have Delayed Democracy // *World Politics*. 2002. April. Vol. 54. No. 3. P. 338–372; *Zheng Y.* Globalization and State Transformation in China. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2004. Для сравнения см. также: *Yang D.L.* Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford: Stanford University Press, 2004.

¹⁰ *Moore T.G.* China and Globalization // *Kim S.S.* (ed.) East Asia and Globalization. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000. P. 105–132; *Branstetter L., Lardy N.* China's Embrace of Globalization // NBER Working Paper 12373. 2006. July.

1990-х годов не только руководство страны, но и большинство ее рядовых граждан стали считать глобализацию «неизбежным этапом китайской модернизации, а также возможностью догнать развитые страны»¹¹.

Российские обозреватели обычно утверждают, что Россия может выбирать, участвовать ей в глобализации или нет, и многие в стране предпочли бы не использовать эту возможность. Русские зачастую отождествляют глобализацию с американизацией и видят в ней основную угрозу будущему своей страны. Некоторые убеждены в том, что до тех пор, пока ее руководство не выработает стратегический план вхождения в глобальную экономику, России следует оградить себя от вредных влияний. Такие крайние националисты, как А. Дугин, считают, что страна либо сможет избежать угрозы глобализации, либо перестанет существовать.

Почему китайская элита воспринимает экономическую глобализацию, а российская – ставит ее под вопрос? Причина кроется в том, насколько удачно историческое наследие сочетается с современными политическими и экономическими условиями. Важно не столько то, как долго страна находилась под властью коммунистов, сколько то, в какое время эта власть была установлена и в какое демонтирована. Политика открытости, провозглашенная Дэн Сяопином, началась сразу после китайской культурной революции. Китай был экономически слабым государством, а наследники Мао находились в обороне. В отличие от Китая советская культурная революция 1928–1931 годов создала новую элиту, которая пребывала у власти вплоть до 1980-х годов, оставив потомкам экономическую автаркию и миф о сверхдержаве. Костяк российской элиты составляли наследники

сталинской партийной фракции, отвергавшие Запад и интернационализм. Их звездным часом стал период между двумя мировыми войнами, особенно годы первых пятилеток и Великой отечественной войны. Этот период попал на водораздел между двумя эпохами современной глобализации (приблизительно 1870–1912 годы и начиная с 1960 года), когда автаркия представлялась весьма убедительной стратегией. Когда М. Горбачев начал перестройку, Россия считала себя полноправной сверхдержавой. Проблема не в двойственном отношении россиян к Западу, а в их убеждении, что Запад мало чему может их научить.

Китай после смерти Мао приступил к реформам, не имея ни самоуверенной правящей элиты, ни огромного числа интеллектуалов, преданных старой системе. Коммунистическая партия продолжала оставаться у власти даже после принятия нового экономического курса и была вынуждена привнести в свою политику принципы открытости и конкуренции, что не могло не сказаться на составе партии¹². Китайское общество пришло к согласию относительно необходимости международной интеграции, споры велись лишь о ее методах и последствиях. Расширяющаяся международная интеграция вынудила китайских руководителей принять политику, обеспечившую поступательный экономический рост. Более узкая интеграция в России была менее продуктивной, о чем свидетельствуют показатели устойчивости экономического роста и улучшения уровня жизни населения. Новое богатство России целиком и полностью зависит от мировых цен на сырье, уровень бедности снижается крайне медленно, а увеличение численности среднего класса несопоставимо с ростом издержек, связанных со стоимостью

¹¹ Yan Y. *Managed Globalization: State Power and Cultural Transition in China* // *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World*. Ed. by Berger P.L., Huntington S.P. Oxford and New York: Oxford University Press, 2002. P. 19–47 (quoted passage 20).

¹² *Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Berkeley: University of California Press, 2008. Forthcoming.

такого стиля жизни¹³. Сравнительный анализ состояния ведущих секторов экономики, регионального развития, человеческого капитала и коррупции позволяет выявить относительные преимущества широкой интеграции.

Ведущие секторы экономики

Состояние ведущих секторов национальной экономики оказывает существенное влияние на качество ее взаимодействия с международным хозяйством. Несмотря на то, что и Китай, и Россия стали ведущими странами-экспортерами, характер их экспорта сильно различается. Дело в том, что Китай является глобальным центром перерабатывающего производства, а Россия – нефтяной державой.

Изучение чужого опыта и вступление в конкурентную борьбу, столь необходимые для успешного вхождения в мировую экономику, редко оказываются первоочередным выбором. Коммунистическое руководство обеих стран было воспитано примерно на одних и тех же принципах автаркической самоуверенности. Однако в Китае индустриальное развитие способствовало существенной переориентации. В России же, чье товарное производство, несомненно, выиграло бы от более широкой интернационализации, бурный рост цен в начале 2000-х годов позволил определенным экономическим и политическим силам резко ограничить ее.

Промышленное развитие Китая поражает как в количественном, так и в качественном отношении. Часто данные об общем объеме его производства заслуживают такой важный показатель, как большая доля продукции с высокой сте-

пенью переработки. Постоянное развитие производственных цепочек позволяет, в свою очередь, понять, почему китайская интеграция носит столь широкий характер. История китайско-тайваньских экономических отношений показывает ключевую роль ведущих секторов экономики в достижении большей открытости. Если на начальном этапе национальные лидеры в Пекине испытывали двоякое чувство по поводу установления новых деловых отношений с Тайванем, то некоторые местные руководители не проявляли подобной сдержанности. Со временем поменялась и позиция высшего руководства. Правда, вряд ли этот пример достаточно показателен. Ведь установление отношений с Тайванем облегчалось общностью норм жизни, языковой и культурной среды, а также схожими методами руководства, которые далеко не всегда совпадали с международными стандартами и не всегда способствовали большей прозрачности. Общая бизнес-культура включает в себя «общее понимание местного бухгалтерского учета, управления товарно-материальными запасами и практики подношений»¹⁴.

В отличие от Китая с его мощным сектором обрабатывающей промышленности, готовая продукция составляет в российском экспорте лишь 10%. Большая часть экспорта, и национального дохода России приходится на углеводородное сырье и другие природные ресурсы. Хорошо понятно, какой характер имеют сырьевые, и в первую очередь нефтяные, экономики и какое влияние они оказывают на политику. Далеко не всегда природные ресурсы играют негативную роль, но требуются поистине титанические усилия, чтобы «вмонтиро-

¹³ Рост среднего класса в 1995–1998 годы был связан в основном с тем, что мизерная доля нефтяных доходов просочилась в общество. См.: *Gustafson T. Capitalism Russian-Style*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1999. Возможно, что рост цен в 2000–2006 годах создал аналогичную ситуацию, но это станет очевидным лишь тогда, когда цены упадут. По данным исследования, недавно проведенного Российской академией наук, с 2003 по 2006 год численность среднего класса сократилась с 25 до 22%. Половина россиян, которых исследователи включили в состав среднего класса, работают в госучреждениях.

¹⁴ *Cooke M.T. The Politics of Greater China's Integration into the Global Info Tech (IT) Supply Chain // Journal of Contemporary China*. 2004. August. Vol. 13. No. 40. P. 491–506, quoted passage 497.

вать» их в экономику знаний, ведущую к сбалансированному росту.

Ресурсно-ориентированные экономики часто негативно воздействуют на человеческий капитал, поощряя частное предложение на услуги образования и здравоохранения, вместо того чтобы создавать спрос на производство общественных товаров. Высокий доход от продажи природных ресурсов не оборачивается инвестициями в производственные и наукоемкие отрасли. Банковская система попадает в зависимость от «карманных» банков энергетических компаний, которые не заинтересованы в кредитовании бизнеса. Высокие доходы элиты энергетического сектора и обширная коррупция ведут к диспропорциональности в распределении доходов, что негативно сказывается на развитии среднего класса, который мог бы способствовать производству общественных товаров, прозрачности и демократии.

Громадная сырьевая база России не только используется для поддержки экономики и укрепления мощи страны, но и служит интересам отдельных лиц, получающих колоссальные прибыли. В этой ситуации неизбежны противоречия и коррупция, а выгоды от сложившихся международных связей в некоторых отраслях не используются для динамизации других секторов промышленности. Минимальный успех в области диверсификации экономики очевиден при рассмотрении особенностей регионального развития¹⁵.

Региональное развитие

В 80-е годы в Китае, а в 90-е и в России власть перешла к регионам. В Китае это привело к быстрому экономическому развитию некоторых из них. Д. Цвейг называет происходившие там процессы «сегментированной дерегуляцией». В отдельных секторах экономики и ме-

стностях были сняты ограничения, но произошло это не благодаря прозорливости властей развивающегося государства, а вследствие жесткой конкуренции («лихорадки») за право воспользоваться открывшимися на неопределенное время возможностями. Регионы и предприятия боролись за прямые зарубежные инвестиции, а работники – за рабочие места. Китаю удалось добиться успеха именно благодаря конкуренции, а не потому, что здесь якобы реализовывалась «восточноазиатская модель» прозорливого руководства страной. Диспропорции в сегодняшнем развитии регионов Китая объясняются по большей части разной степенью их интеграции в международную экономику¹⁶.

Российская более узкая интеграция в какой-то степени способствовала преодолению глубокой и многолетней изоляции страны от международных экономических отношений. Однако когда в 1990-х годах регионы получили возможность образовывать свободные экономические зоны, то вместо зон индустриального развития образовались зоны особых коммерческих привилегий, уклонения от уплаты налогов и «теневых» рыночных схем. Ельцинское «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» было воспринято многими региональными руководителями как «карт-бланш» для начала разграбления своих вотчин. Назначенные президентом и пользовавшиеся угрозой этнического и регионального сепаратизма, эти руководители практически не несли ответственности за свои действия. Введенная Ельциным система выборов региональных руководителей способствовала поощрению лидеров, которые проводили успешную экономическую политику, и оставляла в проигрыше тех из них, кто не мог этого добиться.

¹⁵ Гурова И.П., Сжлярова Е.В. Диверсификация российского экспорта // ЭКО. 2007. № 39 (339). С. 29–42.

¹⁶ Demurger S., Sachs J.D., Woo W.T., Bao S., Chang G., Mellinger A. Geography, Economic Policy, and Regional Development in China. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, April 2002. Working Paper 8897; Loo B.P.Y. Export Expansion in the People's Republic of China since 1978: A Case Study of the Pearl River Delta // The China Quarterly. 2004. March. Vol. 177. P. 133–154.

Основная черта успешного федерализма – разделение властей. Неограниченная местная власть может привести к анархии и необузданной коррупции. Неконтролируемая власть центра чревата не менее серьезными проблемами. Именно ее сегодня вновь стараются утвердить российские и китайские лидеры. Для богатой природными ресурсами России попытки централизации власти не являются чем-то необычным. Выхлостив Совет федерации, приручив Думу и отменив выборы губернаторов, Путин тем самым устранил компенсаторные силы. Еще хуже то, что он лишил регионы возможности генерировать богатство посредством собственных проектов развития. Центральное правительство контролирует природные ресурсы, и интеграция регионов в мировую экономику должна по-прежнему осуществляться с санкции Кремля. Попытки Ху Цзиньгао сдержать региональную независимость нанесли меньше вреда экономике Китая, чем действия Путина экономике России, ведь благодаря обширным международным связям в Китае появились компенсаторные силы, поддерживающие интеграцию. К ним можно отнести не только экономические интересы, но и образовательные и научные институты страны.

Человеческий капитал

Более узкие международные связи и зависимость от сырьевых товаров способствовали тому, что траектория развития человеческого капитала в России резко отличается от китайской. Особенно поразительна сравнительная динамика достижений Китая в области образования, науки и техники.

При значительно более низком стартовом уровне (в 1977 году около 50% грамотного населения и 1% – с высшим образованием) Китай добился существенных успехов по всем показателям в области образования, науки и техники. Россия, наоборот, более чем на

10 лет утратила свои позиции. Одно из важнейших российских достижений – двукратное увеличение числа молодых людей, получающих высшее образование, – связано в основном с увеличением числа платных студентов, что еще больше обострило коррупцию. При этом уменьшилось количество учащихся средних школ и воспитанников детских садов. Однако достигнутому показателю численности студентов не суждено сохраниться, поскольку в следующем десятилетии количество населения школьного возраста существенно сократится. Старение кадров и «утечка мозгов» стали серьезным испытанием как для российского, так и для китайского научного сообщества, однако их реакция была совершенно разной.

Выступая в 1978 году на Национальной конференции по проблемам науки, Дэн Сяопин заявил, что «прежде чем преодолеть отсталость, ее нужно распознать. Чтобы догнать и обогнать тех, кто находится впереди, необходимо сначала научиться их опыту»¹⁷. В этом суть отличия Китая от России: ни один российский политический лидер не смог бы сказать подобное и удержаться на своем посту. Русские по-прежнему убеждены в том, что у них лучшие школы и ученые и что всем следует у них учиться.

Китайцы воспользовались возможностями, предоставленными им Дэн Сяопином, быстро распространив открытость и на те направления, о которых не помышляли их политические лидеры. Соотечественники, проживающие за рубежом, в своем стремлении помочь родным быстро расширили рамки существовавших программ, а коммерциализация международных обменов вынудила чиновников поддержать этот процесс. В отличие от России, где степени, полученные за рубежом, и время, проведенное за границей по программам профессиональных обменов, могут помешать дальнейшему карьерному

¹⁷ Цит. по: Zweig D. Op. cit. P. 165.

росту ученого, в Китае *yangboshi* – те, кто получил степень доктора наук за рубежом, – зачастую ценятся гораздо выше *tuboshi* – тех, кто получил аналогичную степень на родине. Многие научные центры Китая до сих пор испытывают серьезные трудности с финансированием и помещениями, ведь ученые после возвращения из-за границы получают специальные помещения и средства для продолжения исследований. В четырех ведущих университетах страны на работу принимают в основном китайцев, имеющих зарубежные научные степени; российские же университеты по-прежнему отказываются признавать иностранные дипломы.

В отличие от Китая, наращивающего интеграционные процессы, многие русские продолжают отстаивать «уникальность» своего образования и науки. В то время как образовательные системы большинства стран интернационализируются и глобализируются, российская система остается заложницей собственных интересов и своего уникального пути. Руководство Академии наук сосредоточено на том, чтобы вернуть себе статус, которым она обладала в советское время и свести на нет тот незначительный прогресс, который был достигнут в 1990-е годы, когда была сделана попытка перейти к конкурсному финансированию на основе независимого рецензирования.

Общая черта российской и китайской систем образования – прогрессирующая коррупция в сферах предоставления доступа к обучению и оценивания знаний. Это одно из проявлений серьезной проблемы, характерной для обеих стран.

Коррупция

Как известно, в современной экономике важную роль играет государство, которое занимается обеспечением страны основными общественными благами,

однако это неизбежно создает предпосылки для возникновения «кумовства» и рентных доходов. Еще ни одному правительству не удалось полностью искоренить коррупцию, но многие ищут способы снизить ее уровень и свести к минимуму наносимый ею ущерб. При анализе коррупции обычно концентрируют внимание на масштабах этого явления и поиске способов ее ограничения. Меньше внимания уделяется исследованию разнообразия ее последствий, иными словами качеству коррупции.

По имеющимся оценкам, уровни коррупции в России и Китае мало отличаются друг от друга. Это серьезная проблема для обеих стран, однако Россия страдает от нее значительно сильнее¹⁸. Российские чиновники все время ровняют свернуть голову курице, несущей золотые (алмазные, нефтяные) яйца, вместо того чтобы развивать их производство. Китайские же чиновники неустанно заботятся об этой «курице», хорошо понимая, что без нее иностранцы вряд ли проявят интерес к инвестированию средств в экономику страны.

Возможно, будь уровень коррупции в Китае ниже, его развитие шло бы еще более быстрыми темпами. Однако даже несмотря на прогрессирующую коррупцию с 1992 года экономический рост страны не замедлялся. В России развитие в сырьевой сфере и осуществление «национальных проектов» лишены прозрачности и осложнены поисками рентных доходов. Благодаря сырьевому буму увеличился размер взяток государственным чиновникам, что еще больше осложнило ведение бизнеса¹⁹. Напрашивается парадоксальный вывод: одинаково высокий уровень коррупции может наблюдаться при совершенно разном функционировании экономических систем и разных траекториях развития.

¹⁸ Sun Y. Op. cit.; Solnick S.L. Op. cit.

¹⁹ Anticorruption in Transition 3: Who is Succeeding . . . and Why? Washington, DC: IBRD/World Bank, 2006; Во сколько раз увеличилась коррупция за четыре года: результаты нового исследования Фонда ИНДЕМ. Москва: ИНДЕМ, 2005.

Говоря о различиях в экономическом развитии и последствиях коррупции, нельзя не затронуть два вопроса. Во-первых, почему китайские «коалиции развития» сконцентрировали свое внимание на производственной деятельности, а не ограничились получением рентных доходов и воровством? Во-вторых, не объясняет ли сосредоточение на производственной деятельности то, что в Китае коррупция наносит меньше вреда экономике страны? В России, несомненно, больше возможностей для рентных доходов и непроизводительной деятельности. Природные ресурсы – прекрасный источник получения ренты, а углеводородное сырье провоцирует особые злоупотребления.

Китайцы создали новые отрасли производства; Россия перераспределила уже имеющиеся. Индустриальное развитие Китая было основано на деятельности муниципальных городских и сельских предприятий и особых экономических зон. Эти предприятия создавались с нуля, что стало возможно только благодаря привлечению инвесторов и реинвестированию прибыли. Хотя особые экономические зоны Китая в какой-то мере стали прибежищем для любителей сомнительных сделок, основной их задачей было привлечение инвестиций и производство товарной продукции. Китай в течение почти двух десятилетий не трогал государственный сектор. Россия достаточно быстро провела приватизацию большинства государственных предприятий, что зачастую создавало условия для продажи активов убыточных предприятий по частям.

В самом начале реформ коррупция в Китае сильно зависела от производства общественных благ и развития частной индустрии. Возможность получать средства от экспорта сырья или экспроприации собственности была минимальной. Следовало создать ценности,

перед тем как их украсть. Наличность, используемая в текущей деятельности, способствовала установлению неформальных взаимоотношений с местными властями и тем самым подрывала контроль центра. Во многих случаях это имело двойственный экономический эффект: было менее полезно для экономики, чем честная деятельность, но и не полностью деструктивно.

Рассматривая коррупцию, нужно понять, носит ли она относительно продуктивный или полностью паразитический характер. Ключевыми вопросами здесь являются следующие: остаются ли коррупционные доходы в стране или же вывозятся; инвестируются они или потребляются; и достаточно ли их, чтобы подорвать экономику государства? Следует проанализировать, как чиновники получают эти средства, как ими распоряжаются и как коррупция сказывается на политике государства. В своем сравнительном исследовании Д. Канг так же утверждает, что в основном важен не масштаб коррупции, а ее качество. И в Корее, и на Филиппинах существовала сильная коррупция, но эти страны отличались друг от друга социальной организацией, системой поощрения и сдержек. Корейские государственные чиновники обеспечивали производство общественных благ и поддерживали инвестиции, даже если это и не было их главной целью. Сравнение Индонезии с Тайванем, сделанное Кангом, выявляет созвучность индонезийской ситуации с российской: «В Индонезии благодаря значительным запасам нефти наблюдался умеренный экономический рост. Нефтяные доходы способствовали экономическому росту и создавали видимость порядка в течение более 25 лет. Однако этот рост никогда не был достаточно глубоким, чтобы стать устойчивым»²⁰.

Крайне важно сосредоточить внимание как на характере, так и масштабе

²⁰ Kang D.C. Crony Capitalism: Corruption and Development in South Korea and the Philippines. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2002. P. 190. Выделено мной.

коррупции. Б. Ельцин правильно оценил ситуацию, когда уволил в июне 1996 года А. Коржакова, М. Барсукова и О. Сосковца, сказав, что они «слишком много брали и слишком мало отдавали». Опыт России и Китая дает возможность предположить, что характер и масштабы коррупции тесно связаны с международной интеграцией.

Выводы

Подключение Китая к процессу глобализации и возникшая вследствие этого широкая международная экономическая интеграция стали ключевым фактором его превращения в торговую и производственную державу. В то же время неприятие интеграции мешает России избавиться от своей сырьевой зависимости. Говоря о необходимости использования китайского опыта, российские лидеры имеют в виду жесткий контроль со стороны государства, а не разнообразие и независимость местной и региональной экономической деятельности – то есть именно то, что на ранней стадии обеспечило успех Китая.

Вряд ли можно говорить, что Китай решил все свои проблемы или изобрел оптимальную модель модернизации. Легко заметить ее спорные и слабые места. Особенно это касается проблем, вызванных неравномерностью развития, экологическими катастрофами, прогрессирующей коррупцией, социальными волнениями и демографическими сдвигами. М. Пей, характеризуя состояние современного Китая, говорит о «ловушке переходного периода», способствующего появлению местной мафии²¹. Аналитики хором утверждают, что рано или поздно страна обязательно столкнется с проблемой права на собственность. Иностранцы все еще с опаской относятся к перспективе переноса производства программного обеспечения и высоких информационных технологий на территорию

Китая, поскольку там еще недостаточно разработан закон о защите авторских прав. Все перечисленные моменты могут впоследствии ограничить развитие Китая.

Однако несмотря на накопившиеся проблемы уровень промышленного роста в Китае оказался недостижим для постсоветской России. Некоторым странам (Норвегии, Канаде, Австралии, а недавно Чили, Перу и Бразилии) удалось «встроить» свои природные ресурсы в экономику знаний. Россия имела возможность присоединиться к этой группе стран, поскольку располагала неплохим человеческим капиталом, доставшимся ей от советской эпохи. То, что российский научно-образовательный потенциал постоянно разбазаривается, вряд ли может кого-то удивить, однако это не уменьшает трагичность ситуации. Что касается Китая, то его успехи в развитии человеческого капитала и создании научно-технической инфраструктуры поистине поразительны. Достижения Китая и упадок, наблюдаемый в России, отражают значительную разницу в качестве их международной интеграции.

Путь, по которому движется современный Китай, может оказаться неустойчивым, однако нельзя не считаться с теми результатами в области интеграции, которые были достигнуты им в последние 30 лет. В отличие от Китая, российская элита яростно сопротивляется более широкой интеграции, призывая вместо этого к фундаментальной реструктуризации существующих международных экономических институтов. Иностранцы инвесторы практически не имеют в России никаких рычагов управления. Соседи России нуждаются в ее углеводородном сырье. Ведущим сырьевым секторам российской экономики не разрешается привлекать иностранные инвестиции в объеме, который обеспечил бы боль-

²¹ Pei M. China's Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy. Cambridge and London: Harvard University Press, 2006.

шую прозрачность и возможность реструктуризации. Опасность террористической угрозы облегчает государству задачу проведения националистической и изоляционистской внутренней политики, а международное сообщество настолько занято кооперацией усилий по обеспечению безопасности (в том числе в области энергетики), что не пытается убедить российских лидеров изменить их политику.

Характер интеграции в мировую экономику объясняет, почему Китай, а не Россия превращается в торговую и индустриальную державу, и имеет большое значение для будущих траекторий

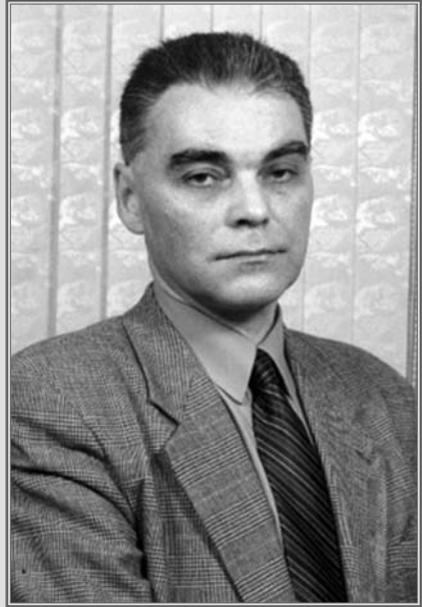
их развития. Для того чтобы успешно бороться с накопившимися проблемами, обеим странам необходимо больше вовлекать общество в политическую жизнь. Благодаря разнообразию экономических интересов, воздействующих на политику страны, Китай на основе широкой международной интеграции сумел создать потенциал постоянного влияния на власть. Российская же менее широкая интеграция не способна сдерживать аппетиты властей, испытывающих «головокружение от нефти».

*Перевод с английского
Галины Левиной*

*Неотрадиционализация
и укоренение
политических
инноваций:
к постановке
проблемы*

Вариант статьи, ранее опубликованной в: Пути России: преэминентность и прерывистость общественного развития, 2007. Под общ. ред. А.М. Никулина. Т. XIV. М., 2007; Экономические и социальные перемены: Мониторинг. 2007. № 3; Общественные науки и современность. 2007. № 4.

В последнее время ситуация в российском массовом сознании описывается преимущественно в терминах разочарования в новых образцах, их девальвации и традиционализации. По этому поводу сказано уже очень много и со многим можно согласиться¹. Традиционализация проявляется и в снижении уровня вербальной поддержки современных ценностей, и в растущем разрыве между современным вербальным и традиционалистским поведенческим уровнем, и в замещении современных ценностей традиционными. Традиционализация массового сознания – очевидный социологический и политический факт. Исходя как из теоретических соображений², так и из состояния массового сознания во второй половине 1990-х годов, можно считать этот этап в его развитии естественным и закономерным³.

*Алексей Юрьевич Зудин,
руководитель департамента Центра
политических технологий (ЦПТ),
доцент Государственного
университета – Высшей школы
экономики (ГУ – ВШЭ)*

¹ Гудков Л., Дубин Б. Все едино. Российскому обществу жить стало хуже, жить стало скучнее // Итоги. 2001. 25 января. № 3 (241).

² Гофман А. От какого наследства мы отказываемся? Традиции и инновации в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Ежегодник – 2004. Отв. ред. Л.М. Дробничева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 369–370.

³ Об этом см.: Зудин А. Россия, 1998–2001 гг.: путь к новой идеологии // Полития. 2001. Декабрь. № 5 (23). С. 26–65.

Тем не менее возникает ряд вопросов. Исчерпывает ли понятие «традиционализация» все перемены, которые произошли в массовом сознании? Каков реальный статус политических инноваций (новых институтов и ценностей)? Что происходит с самой «традицией»? К настоящему времени накоплено достаточно данных и оценок, характеризующих основные тенденции в развитии массовых политических представлений. На этой основе можно попытаться определить, в какой мере «модернизационные» и «традиционалистские» концепты организуют массовое политическое сознание в нескольких ключевых областях. Объектом анализа были избраны четыре предметные сферы: образ «внутреннего государства» (круг представлений о политическом устройстве и отношениях между властью и обществом), образ «внешнего государства» (совокупность представлений о месте и роли государства в мировой политике), образы «других» и, наконец, система массовых представлений о политических образцах и ориентирах⁴.

«Генерализованные» представления о власти

В конце 1990-х – начале 2000-х годов «обобщенный» уровень представлений о политической системе подвергся существенному влиянию традиционалистских установок. Широкое распространение в обществе получили апелляция к «сильному лидеру», одобрение концентрации власти, единоначалия, «сильного государства», предпочтение (не без элементов демонстративности) «порядка» в противовес «демократии». По данным ВЦИОМ, в 2000 году 72% опрошенных согласились с утверждением, что «русский человек не может обойтись без властных лидеров, силь-

ной руки, которая бы направляла его действия». Отличительными особенностями традиционалистских представлений о власти стали: слабая дифференциация (образ единого «властного монолита»), отождествление государства с исполнительной властью (вся совокупность властных и «околовластных» политических институтов понимается как расширенный вариант исполнительной власти, ее филиалы и подразделения), иерархичность (в массовом сознании власти не равновелики и рядоположены, а выстроены по иерархическому принципу).

Новый политический институт «разделения властей» плохо вписывается в комплекс традиционалистских представлений. По данным ВЦИОМ, в июле 2000 года 60% респондентов выразили убежденность, что «решение проблем, стоящих перед Россией», может обеспечить «сосредоточение всей полноты власти в одних руках». В поддержку «обеспечения независимости всех ветвей власти» для достижения указанной цели высказались 27%. Традиционализация обобщенных представлений о государстве не позволяет массовому сознанию «увидеть», что «разделение власти» необходимо, чтобы обезопасить граждан от государства. «Разделение властей» воспринимается массовым сознанием в значительной степени в соответствии с традиционалистскими установками – как «разлад во власти». Представления о масштабах властных полномочий также отмечены сильным влиянием традиционализма (миф о «всемогуществе»: «власть может все»)⁵.

Однако по более конкретным проблемам, связанным с функционированием системы власти, происходит выход из привычных стереотипов. В этих областях традиционалистские образы «власт-

⁴ В работе были использованы преимущественно данные «старого» ВЦИОМа, Левада-центра, Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), а также публикации исследователей, связанных с этими центрами. Предложенный обзор является постановочным и не претендует на полную раскрытия темы.

⁵ Кертман Г.Л. Разделение властей или властный монолит? (принцип разделения властей в российском массовом сознании). Отчет по результатам опроса 6–7 октября 2001 года [http://www.fom.ru/survey/dominant/295/729/2389.html].

ного монолита» и «всемогущей власти» начинают постепенно размываться. Расширение понимания ограниченных возможностей исполнительной власти создает благоприятные условия для более реалистических оценок функций и роли власти. В то же время начавшееся «отмирание» традиционализма проходит достаточно болезненно и порождает постоянные упреки, что «власть ничего не делает». Это приводит к принципиальной неустойчивости неотрадиционалистского политического сознания: оно создает опасность не только для граждан, но и для государства и правящей группы. По свидетельству Г. Кертмана, «склонность к недифференцированному восприятию власти, связанная ... с установкой на государственное покровительство, является фактором, стимулирующим критическое отношение к ней»⁶.

Следы модернизации можно обнаружить и в системе «обобщенных» представлений о власти. Составной частью ее восприятия большинством общества стала демократическая легитимация, полученная на выборах. Это модифицировало критерии иерархии властных институтов в массовом сознании. В центр общественно одобряемой политической системы ставятся институты, которые формируются через выборы и регулярно обновляются, – избираемый президент и избираемая Государственная дума. Место конкретного института во властной иерархии определяется мерой демократической легитимности. По данным Левада-центра, в январе 2004 года подконтрольность Государственной думы Администрации президента считали нормальной и необходимой 73% респондентов, а подконтрольность правительства нижней палате парламента – 75%.

Президентская власть

В массовом сознании президентская власть воспринимается как обновлен-

ный вариант власти царя и генсека. При этом произошла десакрализация власти: «первое лицо» – не «царь» и не «вождь». В восприятии фигуры президента России вполне современные представления о власти доминируют над традиционными. По данным ФОМ, в декабре 2000 года понятие «президент России» преобладающей частью опрошенных (45%) рассматривалось через призму занимаемой должностной позиции и выполняемых должностных обязанностей. Традиционалистское восприятие фигуры президента было характерно лишь для 8% опрошенных («хозяин», «царь», «бог»). Широко признается, что составной частью должностной позиции президента служит не только власть, но и политическая ответственность. Так, например, в марте 2001 года 77% опрошенных считали, что В. Путин несет ответственность за правительство М. Касьянова.

Обязательная часть современных массовых представлений о президентской власти – демократическая легитимация: «первое лицо» получает власть из рук «народа». Причастность «народа» к процедуре наделения первого лица властью выступает центральной частью представлений о правильном политическом порядке (предполагается, что это налагает определенные обязательства перед «народом»). Это обстоятельство наглядно проявляется в ситуации, когда искушение традиционализмом особенно велико, а именно на примере оценок желаемого политического будущего популярного В. Путина (вне зависимости от конкретных механизмов формирования этой популярности). По данным Левада-центра, массовое сознание в наибольшей и практически одинаковой степени отторгает два варианта – пожизненное президентство и выборы президента депутатами парламента. Первый отвергается почти 80%, второй – 83% респондентов. Вплотную примыкает к наиболее неприемлемым

⁶ Там же.

для общественного мнения вариантам и назначению В. Путина на пост премьер-министра: против этого выступает 2/3 опрошенных. Общественное мнение стремится сохранить контроль над постом президента в своих руках. Прямые выборы «первого лица» принадлежат к числу политических ценностей, в отношении которых наблюдается наиболее широкое согласие в обществе.

Парламент

Сильное влияние политического традиционализма проявляется и в отношении российского общества к парламенту. Значительная часть массового сознания испытывает серьезные сомнения в необходимости существования парламента и воспринимает его как «лишний» институт. По данным ФОМ, в октябре 2001 года с предложением о гипотетическом устранении Государственной думы и передаче ее функций правительству согласилось 40% опрошенных. Против «упразднения» российского парламента как ненужного высказался 41% (еще 20% не смогли сформулировать свою позицию по данному вопросу). Только среди лиц с высшим образованием удельный вес противников упразднения Госдумы существенно превысил долю сторонников⁷.

В системе массовых представлений российский парламент закрепляется преимущественно как «совещательный» орган, некое «подразделение» единого властного монолита. (Есть свидетельства, что похожим образом воспринимается и региональный парламент⁸.) При этом появилось определенное понимание необходимости автономии законодательной власти, однако оно не является преобладающим: на долю такого рода «стихийных» сторонни-

ков «разделения властей» приходится примерно 26%⁹. Начавшееся наделение образа власти специализированными функциями и частичной автономией свидетельствует о разложении политического традиционализма. Об этом же говорит тот факт, что место парламента в системе власти определяется мерой его демократической легитимации.

Выборы

Массовые оценки института выборов отличаются двойственностью. По данным ФОМ, в октябре 2002 года в пользу принципиальной необходимости проведения выборов высказались 73% опрошенных. Противоположную точку зрения поддержали только 14%, и еще 13% усомнились в необходимости этого института¹⁰. Принятие института выборов определялось сложным комплексом мотивов, как традиционалистских, так и вполне современных: политический ритуал (приблизительно 25%), инструмент народовластия (более 33%), совещательные функции (10%), механизм селекции и ротации кадров во властных структурах (соответственно 7 и 4%).

Вместе с тем прагматическая ценность выборов в массовом сознании невысока. Оно весьма скептически относится к возможности эффективного влияния на власть при помощи выборов. Выборы пока интерпретируются скорее как особый способ выразить свое мнение, чем как механизм выдвижения своих представителей в систему власти.

Референдум

С противоречивой оценкой выборов тесно связано отношение к референдуму. Из всех демократических институтов, связанных с волеизъявлением, он пользуется наибольшей поддержкой.

⁷ Кертман Г.Л. Разделение властей или властный монолит?

⁸ Панов П.В., Фадеева Л.А. Региональная политика: институционализация, трансформация, традиции // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник – 2005. М.: РОССПЭН, 2006. С. 321–348.

⁹ Кертман Г.Л. Разделение властей или властный монолит?

¹⁰ Кертман Г. Статус выборов в российской политической культуре // Социологические наблюдения (2002–2004). М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005. С. 74.

По данным Левада-центра, в августе 2006 года из предложенных вариантов обеспечения личного влияния на жизнь страны референдумы предпочло наибольшее число опрошенных (31%). Доля тех, кто высказался в пользу политических партий и выборов, «свободных» от манипулирования со стороны властей, оказалась в два раза меньше (16%)¹¹. При этом массовое сознание наделяет референдумы преимущественно консультативной ролью, в гораздо большей степени, чем выборы¹².

Более высокую субъективную ценность референдумов отчасти можно объяснить влиянием политической традиции, которая сказывается и на отношении к выборам, – предпочтением воздействовать на власть через «мнение», а не через представителей. В этом случае политическая традиция заявляет о себе двояким образом. С одной стороны – как консервативная сила, санкционирующая выбор более прямых (элементарных и примитивных) каналов воздействия на власть и сдерживающая укоренение более сложных институционализированных форм политического представительства. С другой стороны, традиция выступает и как хранитель наследия «архаической демократии», поскольку референдум, в еще большей степени, чем выборы, опирается на высокую оценку мнения большинства – важнейшую предпосылку демократического устройства власти¹³. Институты народного волеизъявления (выборы, референдумы) укореняются в своей первичной форме – как плебисцит («вече»).

Закон и законность

Российское массовое сознание отличается высокая вербальная оценка «закона» и «законности». В принципе это может свидетельствовать о широкой потреб-

ности в стабильных и универсальных «правилах игры». Правда, высокий ценностный статус сочетается с безразличием к происхождению этих правил и готовностью передать их производство исполнительной власти. Это обстоятельство в значительной степени обесмысливает высокую вербальную оценку «закона»: «массовое безразличие к происхождению этих правил и тем более широко распространенная готовность передать право генерировать их исполнительной власти дают основания полагать, что “закон” для значительной части – вполне вероятно, что для большинства – наших соотечественников тождественен “порядку”. А такое его понимание вполне органично вписывается в традиционное для российской политической культуры представление об оптимальной модели взаимоотношений власти и общества, предусматривающей более или менее тотальную регламентацию социальных отношений “сверху”»¹⁴.

В то же время известна и приверженность массового сознания «универсалистской» интерпретации «закона» («один для всех»), в соответствии с которой представители власти также должны подчиняться его требованиям. Это означает, что если и уподоблять господство закона «порядку», то это не традиционалистский, а универсалистский, т.е. вполне «современный» порядок. Более того, подчеркнута высокая оценка роли закона может быть проявлением своего рода компенсации: если учесть, что такая трактовка закона дается в контексте широко распространенного ощущения социальной слабости во взаимоотношениях с властью, то в отсутствие иных ограничителей закон выступает как особенно ценный ограничитель.

¹¹ Савельев О. Между «кто виноват?» и «что делать?». Россияне не столь деполитизированы, как принято считать // Независимая газета. 2006. 8 сентября [http://www.ng.ru/ideas/2006-09-08/10_ktovinovat.html].

¹² Кертман Г. Статус выборов в российской политической культуре.

¹³ См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.

¹⁴ Кертман Г.Л. Разделение властей или властный монолит?

Правоприменение

Столкновение традиционализма и политических инноваций в отношении институтов правоприменения (прокуратура, суд) раскалывает массовое сознание. По данным ФОМ, в октябре 2004 года в пользу независимости суда от власти высказывались 40% респондентов, а за подконтрольность властям – 38% (еще 22% затруднились с ответом). Но в целом суды редко воспринимаются как особый институт власти, существующий отдельно от остальных ее ветвей¹⁵. Массовые оценки места судов в значительной мере подчинялись логике слабо дифференцированных представлений о власти, уже знакомых на примере восприятия парламента: сторонники госконтроля над судами часто обосновывали свою позицию ссылками на то, что судопроизводство – это функция государства, и поэтому последнее должно контролировать, как исполняется эта функция¹⁶.

В отношении к другому институту правоприменения, прокуратуре, традиционалистские установки также контрастно соседствовали с «модернистскими» и сочетались с реалистическими оценками текущего статуса этого института. По данным ФОМ, в феврале 2001 года 65% опрошенных признавали, что прокуратура находится в зависимости от президента страны. При этом 58% высказывались за то, чтобы прокуратура стала независимой от президента. Среди тех, кто признавал факт зависимости прокуратуры от президента, удельный вес сторонников наделяния ее самостоятельным статусом возрастал до 63%. Тем самым на практике общественное мнение выступало в поддержку демократического принципа «разделения властей», который оно отвергало на уровне обобщенных суждений, высказываясь подавляющим большинством в поддержку «сосредоточения всей полноты власти в одних руках».

Плюрализм и многопартийность

Идеологическое и политическое разнообразие (плюрализм) в обществе признается массовым сознанием в качестве новой нормы. В то же время оценки института политических партий – важнейшего институционального воплощения плюрализма – отличаются большим скептицизмом. По данным ФОМ, в ноябре 2000 года 55% респондентов были убеждены, что политические партии не приносят России пользы. Противоположной точки зрения придерживалось 25% опрошенных. Есть еще одно противоречие. Признание «нормативности» плюрализма сочетается с явно выраженными опасениями в отношении его неизбежного следствия – соперничества и конфликтов. По данным ФОМ, 54% опрошенных считали, что партийная борьба мешает власти работать, противоположного мнения придерживались 24%.

Значительная часть общественного мнения долгое время отторгала сам принцип партийного плюрализма. По данным Левада-центра, в 1990-е годы многопартийную систему отвергали от 41 до 48% опрошенных. К концу 1990-х годов стали возвращаться и симпатии к однопартийной системе, знакомой по советскому прошлому. Если в 1994 году в поддержку «одной сильной правящей партии» высказывался 31% респондентов, то в 1998 – уже 41%, а в 1999 году – 43%. Однако в начале 2000-х годов на передний план вышла противоположная тенденция – предпочтение системы, состоящей из двух или трех политических партий. Укрепление общественной привлекательности «укрупненной многопартийности» происходило медленно, но носило линейный характер. По данным Левада-центра, в 1994 году в ее поддержку высказывалось 30% опрошенных, а в 1999 году – 35%.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Климova С. Оценка работы российских судов: предубеждения или горький опыт? // Социологические наблюдения (2002–2004). М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005. С. 62–72.

В начальный период правления В. Путина общественная привлекательность этой модели скачкообразно увеличилась (в 2001 году – 41%). С этого времени показатель поддержки системы из двух или трех политических партий сохраняется на данном уровне. Устойчивый рост предпочтений «укрупненной многопартийности» сочетался со снижением общественной привлекательности однопартийной системы: с 43% в 1999 году до 34% в апреле 2004 года¹⁷. Оценка многопартийности как «необходимого» политического института была гораздо более позитивной, чем института политических партий, хотя и здесь противников было несколько больше, чем сторонников. По данным ФОМ, в апреле 2001 года 41% опрошенных согласился с тем, что «в нашей стране нужна многопартийность». Противоположное мнение поддержало 46% респондентов.

Критика власти

Массовое сознание позитивно оценивает как традиционные, так и современные формы несогласия с властью. Критика власти в СМИ прочно зачисляется в разряд социально одобряемых явлений. По данным Левада-центра, в 2000 году 56% опрошенных считали, что «критика власти в СМИ идет сейчас на пользу положению в стране». Противоположной точки зрения придерживалось 27%. За время правления В. Путина социальное одобрение критики власти в СМИ стало еще более масштабным.

В 2004 году удельный вес позитивных оценок критики власти в СМИ вырос до 65%, а негативных – сократился до 21%. (Позиция общественного мнения по данному вопросу стала более определенной: количество затруднившихся с ответом уменьшилось с 17 до 14%.) По данным Левада-центра, в декабре

2006 года «свободную критику власти» оценили как «полезную для России» 64% респондентов. (Противоположного мнения придерживалось 18%, и еще 18% затруднились сформулировать свою позицию.) Однако эффективность такой критики оценивалась низко: только 22% соглашались, что она приносит «какие-нибудь существенные результаты», а 58% полагали, что не приносит¹⁸.

Оппозиция

В массовом сознании доминирует позитивное отношение к политической оппозиции. По данным ВЦИОМ, в октябре 2000 года 49% опрошенных согласились с тем, что в настоящее время нужна оппозиция В. Путину и его правительству. Мнение о ненужности политической оппозиции получило поддержку только 29%. За время правления В. Путина, пользующегося широкой общественной поддержкой, масштабы позитивного отношения к политической оппозиции как институту увеличились. По данным Левада-центра, в октябре 2004 года 66% респондентов согласились с утверждением, что в России нужны общественные движения, партии, находящиеся в оппозиции президенту и могущие оказывать серьезное влияние на жизнь страны. Противоположного мнения придерживался 21%. Расширение поддержки общественным мнением необходимости оппозиции сочеталось с другой тенденцией: растущим осознанием отсутствия влиятельных оппозиционных движений и партий. По данным Левада-центра, в октябре 2000 года такое мнение разделяло 25% опрошенных, а в октябре 2004 года их число увеличилось до 47%. Общественное мнение все больше склонно воспринимать политическое развитие страны через призму «сдержек и противовесов» и политической конкуренции.

¹⁷ Зудин А. «Консервативная демократия»? Политическая реформа и общественные ожидания // Итоги двадцатилетия реформ (Сборник статей по материалам конференции). Отв. ред. К.Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 90–94.

¹⁸ Седов Л. Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов) [<http://www.levada.ru>] (опубликовано 15.01.2007).

В то же время процесс легитимации оппозиции нельзя считать завершенным. В обществе оппозиция воспринимается преимущественно как институт постоянной критики власти, а не как законный претендент на власть. По данным ВЦИОМ, в 2005 году утверждение, согласно которому «задача оппозиции состоит в том, чтобы указывать власти на ее ошибки», поддержали 53,8% опрошенных. С адекватной интерпретацией задач оппозиции, которая предписывает ей «вырабатывать альтернативный курс и стремиться к приходу к власти», согласились лишь 28,7%. Другими словами, массовому сознанию все еще чужда мысль, что оппозиция может прийти к власти. Оппозиция в значительной степени воспринимается инструментально: в том случае, «когда в стране нормальная политическая, социальная и экономическая ситуация» и власти не делают явных ошибок, 48,4% не видят необходимости в существовании оппозиции. (Мнение, что политическая оппозиция является обязательным атрибутом демократии, поддержали 32,9%).¹⁹ Отношение к оппозиции в значительной степени повторяет отношение к критике: она точно так же признается необходимой и оправданной и точно так же интерпретируется как неэффективная.

Протест

Началась легитимация протестных действий в массовом сознании. По данным Левада-центра, в декабре 2006 года, отвечая на вопрос о предпочтительных подходах к проблеме прав человека, с утверждением, согласно которому «люди имеют право бороться за свои

права, даже если это идет вразрез с интересами государства», согласилось 48% опрошенных²⁰. Это подтверждается и результатами других исследований. По свидетельству И. Климова, «... в этот период (2000–2004 годы. – А.З.) протестная активность как форма социального действия оказалась устойчиво легитимированной в общественном сознании: протестовать допустимо и “нормально”, участие в митингах, демонстрациях и пикетах не является поведенческим отклонением»²¹. Активное несогласие с политикой властей оценивается как крайнее, но законное средство воздействия на власть. Начавшаяся легитимация протестных действий противоречиво переплеталась с широко распространенным скептицизмом в их успешности²². По показателям полезности, оправданности и эффективности восприятие протеста обнаруживает черты сходства с массовым отношением к критике и оппозиции.

Отношения власти и общества

Центральное место в традиционалистских представлениях об отношениях власти и общества занимают концепты «патернализма» и «подданчества». В массовом сознании эти отношения сохраняют многие атрибуты «вертикального контракта». В то же время исследования «идеального» образа власти показывают, что традиционализм не является определяющим для восприятия массовым сознанием отношений между властью и обществом. Патерналистская модель «власть-отец» соседствует с технократически-легалистской моделью

¹⁹ Бызов Л. Оппозиция: особенности отсутствия // Ведомости. 2005. 15 июля. № 129 (1410).

²⁰ Седов Л. Указ. соч.

²¹ Климов И. Деньги вместо льгот. О социальной предыстории одной реформы // Социальная реальность. 2006. № 2. С. 20.

²² См.: Голов А.А. Забастовки для россиян: от 1989 к 2003 [www.wciom.ru]; Гвоздева Е. Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. 13 марта. № 10. [http://bd.fom.ru/report/map/d031032]; Климов И. 2004 год: протестные настроения российских граждан [http://bd.fom.ru/report/cat/societas/culture/science/sotsiologiya/klimov_paper/d042526]; Климов И. Деньги вместо льгот. История и значение протеста // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 25–45. О политических последствиях массовых протестов против монетизации 2005 года см.: Зудин А. Новая политическая среда. Протест против монетизации и возрождение политической оппозиции в России [http://www.politcom.ru] (опубликовано 13.09.05).

«власть-менеджер»²³ (в политическом смысле последнюю можно считать весьма консервативной, но вряд ли – традиционалистской). Разрушающийся традиционализм – не единственная причина упреков власти. Часть недовольства носит вполне «современный» характер: она связана не с тоской по опеке и государственным социальным благам, а с неспособностью власти в 1990-е годы выполнять свои элементарные функции – поддерживать общественный порядок, а также обеспечивать реализацию законных прав граждан. Другими словами, неудовлетворенность и недовольство властью имеет не только традиционалистские («патерналистско-популистские»), но и современные («гражданские») корни.

В массовых представлениях об отношениях власти и общества присутствуют и демократические ценности. Преобладающие «универсалистской» интерпретации «закона» («один для всех») свидетельствуют о том, что политическое равенство признается нормой, а это – важнейшая предпосылка демократического правления²⁴. Можно предположить, что и «универсалистская» интерпретация «закона», и высокая оценка принципа политического равенства тесно связаны с эгалитаристским идеалом, имеющим глубокие корни в российском массовом сознании (по крайней мере, не менее глубокие, чем ценности «социальной иерархии», «подданничества» и «патернализма»). Присутствует и понятие политических прав, но преимущественно на вербальном уровне: свобода самовыражения (свобода слова и право на получение информации) оценивается в целом выше, чем право избирать своих представителей²⁵. Другими словами, право на собственное, независимое мнение признается в большей степени, чем право на автономное политическое действие (даже элементарное, например голосование на выборах).

Наконец, составная часть отношений между государством и обществом – одобряемые, хотя и не совершенные и не окончательно легитимизированные институты критики, политических прав, оппозиции и протеста. В итоге можно сказать, что в массовом сознании место общества в отношениях с государством определяется сочетанием автономии и комплекса слабости. Граждане пока предпочитают «параллельное» существование с властью, ограничивая свое воздействие на нее преимущественно словом. Отношения между государством и обществом вышли за рамки традиционализма, но еще не переместились в полосу современных («гражданских») представлений.

Образ «других»

Во второй половине 1990-х годов в массовое сознание вернулся «образ врага». По данным Левада-центра, в мае–июне 2006 года на вопрос «Есть ли основания у России опасаться стран Запада, входящих в блок НАТО?» утвердительно ответили 62% респондентов (среди лиц с высшим образованием – 57%). С тем, что «США пользуются нынешней слабостью России, чтобы превратить ее во второстепенную страну, сырьевой придаток Запада», согласились 74% (среди лиц с высшим образованием – 70%). Обычно это оценивается как одно из наиболее ярких проявлений традиционализации. Но так ли это? Восстановление образа врага и враждебного окружения сочетается с устойчивой ориентацией на укрепление отношений с Западом. Это больше свидетельствует не о враждебности, а о беспокойстве, вызванном ощущением своей слабости под боком у сильных и благополучных соседей. В той мере, в которой возрождение «образа врага» выступает откликом массо-

²³ См.: ЦИРКОН. Качество и качества власти: восприятие населения // Политика. 2005. № 2 [http://www.zircon.ru/russian/publication/5_1.htm].

²⁴ См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003.

²⁵ Левинсон А. Народная демократия // Неприкосновенный запас. 2003. № 1 (27).

вого сознания на соперничество других государств с Россией, его можно рассматривать и как проявление способности к реалистическим оценкам.

Еще одним проявлением возросшей рациональности массового сознания становится утверждение дифференцированных представлений и оценок. Раньше образ Запада был более однородным. С конца 90-х – начала 2000-х годов общественное мнение начинает разделять США и Европу, оценивая их по-разному. Негативное восприятие США сочетается с положительным или нейтральным отношением к Европе. (В полной мере это новое отношение к Западу заявило о себе во время военной акции НАТО в Югославии.) Европа также воспринимается достаточно дифференцированно: сама Европа отделяется от Евросоюза, а «старая» Европа – от «новой». Дифференциация образа – не единственный показатель усложнения отношения к Западу.

Новая подозрительность соседствует с весьма прагматичными поведенческими установками. Приписывая Западу враждебные намерения и поддерживая возрождение военной мощи России, общественное мнение в то же время практически в каждой конфликтной ситуации выбирает неконфронтационную модель поведения. Более того, исследования показывают, что российское общество испытывает этнические симпатии к гражданам наиболее развитых стран и цивилизационное притяжение Запада²⁶. Вернувшийся образ врага не носит тотальный характер: чужая культура, чужие образцы не воспринимаются с заведомой предвзятостью. Настороженность и негативизм в отношении к «другим» появляется только там, где эти «другие» опознаются как соперники, источник недружелюбных действий. Сочетание реалистических и прагматических установок в восприятии внешнего мира вряд ли может свидетельствовать о том, что эта

сфера массового сознания находится под преимущественным влиянием традиционалистского комплекса превосходства/страха перед всем «чужим». Неизвестно, где было больше традиционализма: в наивной перестроечной и раннедемократической «открытости» Западу или в нынешнем более сложном отношении, преобладающем в массовом сознании.

«Империя» или «великая держава»

Стержнем традиционалистских интерпретаций образа «внешнего государства» служит концепт «империи». Как правило, обращают внимание на то, что при оценке положения страны в мире возросла субъективная ценность военной мощи. Но при этом не придают должного значения тому, что структура представлений о статусе великой державы не изменилась.

В массовых представлениях о национально-государственных приоритетах экономика занимала доминирующие позиции. По данным ФОМ, в январе 1999 года 73% опрошенных предпочли в ближайшие 5–10 лет «налаживать нормальную, стабильную жизнь». В пользу «возрождения России как великой державы» высказалось только 18%. В то же время относительно возможности достижения этих целей общество было настроено пессимистически. 49% опрошенных полагали, что в указанный срок наладить нормальную жизнь не удастся, и 58% придерживались аналогичного мнения в отношении возрождения России как великой державы (противоположную точку зрения в первом случае разделяло 40%, а во втором – 28%).

По мере укрепления нового подозрительного отношения к Западу происходит и переосмысление представлений о составляющих статуса «великой державы» (или «сверхдержавы»). Здесь, как и в большинстве подобных случаев,

²⁶ См.: Зудин А. Новая система координат. Запад в общественном мнении россиян до и после 11 сентября [http://www.politcom.ru] (опубликовано 05.02.02).

настроения также начали меняться задолго до военных действий стран НАТО в Югославии. По данным ФОМ, еще в феврале 1998 года подавляющее большинство респондентов (76%) высказывалось в пользу приоритетного значения военной мощи для сохранения статуса России как великой державы. После военных действий в Югославии доля сторонников такой точки зрения увеличилась до 86%.

Растущее признание роли «военной мощи» при оценке положения страны в мире не повляло на массовые представления о статусе «великой державы». Эти представления сохраняются в поле притяжения модернизационных образцов и продолжают оставаться вполне современными. Фактору военной мощи принадлежит здесь достаточно скромное место. По данным ВЦИОМ, в октябре 2000 года в перечне признаков «великой страны» первое место заняли «высокоразвитая промышленность» и «высокий уровень благосостояния граждан», которые были отмечены 69 и 64% опрошенных, соответственно. На втором месте с большим отрывом оказалось «соблюдение прав человека» (39%). Третье ранговое место поделили «ядерное оружие» (27%), «великое культурное наследие» (27%) и «богатые природные ресурсы» (29%). «Обширная территория» заняла скромное четвертое место (11%).

Современные «эталонные представления» о составляющих статуса «великой страны» сохранили ведущую роль в формировании массовых представлений о национально-государственных приоритетах. По данным ВЦИОМ, в феврале 2001 года 60% опрошенных на первое место ставили «развитие отечественного производства», которое, впрочем, понималось ими по-разному, в зависимости от разделяемых политических ориентаций. Второе ранговое место, с отрывом на 13 процентных пунктов, заняло «укрепление обороноспособности» (47%). Повторный опрос, проведенный в апреле 2001 года, под-

твердил устойчивость ведущих национально-государственных приоритетов.

Правда, для общественного мнения эти «эталонные представления» о «великой стране» не во всех случаях были применимы к нынешнему состоянию России и ее положению в мире. (Как уже отмечалось, более половины опрошенных не причисляет ее сегодня к разряду «великих стран».) Похоже, в своей позиции по некоторым конкретным вопросам, общество исходит из того, что России приходится решать более насущные и элементарные проблемы, связанные с восстановлением военной мощи, защитой территории и укреплением границы.

По этим причинам заметное влияние на массовые представления о приоритетных национально-государственных задачах оказывает и фактор «внешней угрозы», так, как он воспринимается в обществе. В феврале 2001 года 51,6% опрошенных высказались за то, чтобы Россия резко увеличила финансирование армии и военных разработок в связи с отказом США от договора по ПРО и намерением строить национальную систему противоракетной обороны. Только 31% респондентов заявил о необходимости отказаться от новой гонки вооружений с США, оценив потенциал российских ракетно-ядерных сил как «вполне достаточный».

«Особый» («третий») путь

Концепт «особого» (или «третьего») пути превратился в настоящую эмблему традиционализации массового политического сознания в России. Действительно, растущая популярность этого концепта совпадает – и по времени, и во многом по содержанию – с «антимодернизационной» реакцией. По данным ВЦИОМ, в 2000 году 68% опрошенных согласились с утверждением, что «за годы советской власти наши люди стали другими, чем в странах Запада, и этого уже не изменить». (Несогласие с данной точкой зрения выразил только 21% респондентов.) Массовые предпочтения

относительно пути развития страны резко отклоняются от модернизационного эталона. По данным ВЦИОМ, в марте 2000 года 60% опрошенных высказывались за то, что Россия «должна идти по своему собственному особому пути». Остальные варианты развития заняли периферийное место в массовом сознании. Сторонниками «общего для современного мира пути европейской цивилизации» объявили себя 15% респондентов, а возвращение на «советский путь развития» нашло поддержку 18%. В начале ноября 2001 года 71% опрошенных соглашался с тем, что Россия принадлежит к особой, «евроазиатской» цивилизации и поэтому ей не подходит западный путь развития. Противоположное утверждение, согласно которому Россия является частью западной цивилизации, поддержало только 13%.

В то же время есть основания полагать, что демонстрируемые общественным мнением внешнеполитическое недоверие, дистанция от западных институтов, а также предпочтение «особого пути» развития следует интерпретировать не как свидетельство «чуждости» и «неприемлемости» современных цивилизационных стандартов, а как реакцию на реалистическое в своей основе понимание большого отставания от уровня и стандартов жизни на Западе. По данным ВЦИОМ, в начале ноября 2001 года общественное мнение по этому вопросу выглядело крайне фрагментированным. Если измерять продолжительность «пути на Запад» величиной человеческой жизни, то все позиции можно объединить в четыре основных группы. «Крайние оптимисты» (10%) верили, что если Россия «пойдет путем западных стран», то ей понадобятся «считанные годы», чтобы достичь нынешнего состояния западных стран. «Умеренные оптимисты» (35%) полагали, что на это «потребуется десятки лет». Здесь привлекательность «западного пути» уже начинает слабеть. В совокупности доля «оптимистов» составила 45%.

Но наряду с ними присутствовала и значительная группа «пессимистов».

«Умеренные пессимисты» считали, что в случае, если Россия пойдет путем западных стран, ей потребуется «100 лет», чтобы достичь нынешнего состояния Запада. Удельный вес этой категории опрошенных составил 13%. «Крайних пессимистов» было почти в два раза больше – 24%. Для них «западный путь» не представлял практического интереса: поскольку они либо были убеждены, что для достижения на этом пути нынешних западных стандартов России потребуются от 200 и более лет, либо вообще отрицали саму возможность сделать это когда-либо. На долю последней группы приходилась почти половина «крайних пессимистов» (10%).

Другими словами, значительной частью общества эта дистанция воспринимается даже не как «социальная», а как «историческая», как разрыв в «разы», на преодоление которого потребуется жизнь не одного поколения. Измеренный продолжительностью человеческой жизни, «западный путь» утрачивает практическую привлекательность для значительной части российского общества: снижаются его мобилизационные возможности, включая способность определять жизненные стратегии и ориентации массовых групп, а также влиять на предпочитаемый тип отношений с Западом.

Величина разрыва в уровне и качестве жизни между Россией и США может оказывать травмирующее впечатление и порождать ощущение личной безысходности и национального тупика. Материалы качественных исследований ФОМ дают красноречивые иллюстрации на этот счет.

«У меня в свое время внучка туда [в США] летала. Она была там всего две недели, и она приехала оттуда – она была в депрессии. Она говорит: бабушка, ты не представляешь, в какой помойке мы живем».

«И все так говорят, кто оттуда [из США], поэтому я бы ни за что туда бы не уехала, потому что я бы не могла вернуться оттуда, я бы покончила с собой».

здесь [т.е. в России], приехав сюда» (дискуссионная фокус-группа, Москва).

В этих случаях продолжение «национальной самокритики» создает опасность массовой декомпенсации. Инстинктивное стремление избежать этого тягостного состояния рождает острую потребность в механизмах «защиты». Общество прибегает к различным механизмам такого рода. Это может быть стратегия «избегания», когда источник травмирующих переживаний стараются не упоминать и не обсуждать. Если «встречи» избежать не удастся, на помощь приходит демонстративное безразличие. Включается и психологическая компенсация, когда впечатление от благосостояния пытаются уравновесить или девальвировать ссылками на низкий интеллектуальный и культурный уровень («бездуховность»).

Однако использования механизмов психологической защиты для «снятия» фрустрирующей ситуации оказывается явно не достаточно для поддержания национального самоуважения на необходимом уровне. Сознание «социальной дистанции» также вполне обоснованно воспринимается как признак слабости России в качестве внешнеполитического партнера наиболее развитых стран, которая обрекает ее на несамостоятельное и зависимое положение. Последнее обстоятельство ставит под вопрос осмысленность и оправданность коллективного существования.

Поэтому появляется более масштабное обоснование различий между Россией и Западом, на этот раз идеологическое, которое надстраивается над механизмами психологической защиты. Судя по всему, таков генезис идеи «особого пути», которая в последнее время стала доминирующей в массовом сознании. «Особый путь» занимает центральное место не случайно. В своем нынешнем виде он отвечает только на один вопрос – «как?». И этот ответ построен на демонстративном отрицании уже известных исторических маршрутов: «особый» означает и «не советский», и «не западный». Таким об-

разом, идея «особого пути» позволяет части общества сохранить внутреннее равновесие после всех шоков и травм. Она помогает избежать соблазна повернуть назад, в советское прошлое, и тем самым спасает от еще больших, и не только психологических, потрясений.

В то же время вера в «особый путь» дает возможность обществу продолжать движение вперед и при этом не признавать, что такое движение происходит. Отсутствии указания на конечный пункт «пути», очевидно, не случайно. «Особый путь» в скрытой форме содержит ориентацию на западные «эталоны». Открытое признание этого факта невозможно, поскольку сразу ставит травмирующий вопрос о размерах дистанции, которая отделяет от западных эталонов. Признание Запада как пункта назначения «табуируется». Провозглашение своего пути развития «особым» снимает вопрос о конечной точке движения и тесно связанную с этим проблему дистанции.

Для значительной части опрошенных «особый путь» – это временное состояние. Среди его сторонников модернизационные образцы продолжают сохранять свою притягательность, только меняется способ их существования. По данным ВЦИОМ, в марте 2001 года лишь половина желающих видеть страну государством западного типа считала, что идти к этой цели она должна «по общему для современного мира пути европейской цивилизации». Другая половина полагала, что двигаться надо «по своему собственному, особому пути».

Факт сохранения цивилизационного притяжения Запада удостоверяется еще одним обстоятельством. Ощущение дистанции, отделяющей от цивилизационного эталона, как непреодолимой остается уделом относительного меньшинства в общественном мнении. Относительное большинство продолжает воспринимать западные эталоны как достижимые. Это становится понятным при принципиальной постановке вопроса и отсечении всех других гипотетических альтернатив развития. Как и в предыдущих случаях, об-

щественное мнение раскалывается в своем отношении к западному пути. Тем не менее оценка перспектив развития России по западному пути получается сдержанно позитивной.

По данным ВЦИОМ, в начале ноября 2001 года 45% опрошенных согласились с утверждением, что в случае, если Россия пойдет путем западных стран, она сможет «когда-нибудь» их догнать и перестанет плестись у них в «хвосте». Противоположную точку зрения поддержали 35%. Правда, удельный вес «затруднившихся с ответом» оказался значительным (20%). Несколько иная редакция вопроса в том же опросе ВЦИОМ, психологически облегчавшая восприятие западного пути, дала близкий результат. С утверждением, согласно которому Россия сможет пройти путь западных стран быстрее, чем за 300 лет, и «обойдя самые болезненные точки», согласилось 47% респондентов. Противоположное мнение собрало поддержку 38%. При этом доля «затруднившихся с ответом» сократилась до 15%.

Другими словами, для значительной части общества «особый путь» – это, скорее, не «новый эталон», а особый, «щадающий» способ признания невозможности приблизиться к эталону в желаемое время. Недостигаемость эталона травмирует, поэтому от него демонстративно отказываются и по видимости замещают «особым путем». Тем не менее подлинным эталоном для ориентированного на «особый путь» массового сознания продолжают оставаться «западные образцы». Таким образом, «особый путь» на деле означает «русский путь на Запад». Россия слишком «вросла» в траекторию своего исторического движения, чтобы выпасть из нее.

Правда, длительное нахождение в оболочке «особого пути» может быть небезопасно для западных эталонов. Их притягательность может ослабнуть в случае, если общество начнет постепенно привыкать к снижению уровня массовых притязаний. Но полная девальвация западных эталонов вряд ли возможна. Скорее

всего, она произойдет – и уже происходит – лишь для наиболее социально слабой части общества с низкой самооценкой. В остальной части общества при неблагоприятном варианте развития может произойти не столько их девальвация, сколько отчуждение. Они не утратят своих «эталонных» качеств, но превратятся в труднодостижимый идеал, лишившись адекватных поведенческих установок. В этом новом состоянии они продолжают существование в российском обществе в качестве «абстрактных образцов». Другими словами, произойдет восстановление в более или менее травматической форме сосуществования западных образцов и отечественного образа жизни, которое было характерно для позднесоветского периода.

Несколько сложнее дело обстоит с геополитическим самоопределением в рамках «особого пути». Здесь способность Запада поставлять эталонные представления значительно снижается. Россия не может поменять свое положение между Европой и Азией. Цивилизационный выбор в пользу Запада непосредственно не транслируется во внешнюю политику. Ближайшие соседи в Азии не вызывают желания подражать, но внушают опасение и побуждают к повышенной осторожности. К необходимости учета интересов потенциальных союзников в Азии и ближнем зарубежье общественное мнение подталкивают два обстоятельства: общее ощущение национально-государственной слабости, а также приобретенное за истекшее десятилетие понимание того, что во внешней политике на Запад полностью полагаться нельзя, по крайней мере до тех пор, пока в России не завершены реформы и не утвердились современные формы жизни. До этого времени Россия будет восприниматься Западом как «чужая» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но речь идет именно о балансе в системе внешнеполитических союзов России. Общественное мнение не санкционирует однозначную переориентацию внешнеполитических союзов ни на Запад, ни на

Восток. Китай, на выгоды союза с которым любят ссылаться сторонники «особого пути», оценивается весьма сдержанно. Напротив, ситуация, при которой основными союзниками России оказываются преимущественно страны «ближнего зарубежья» и государства, расположенные в Азии, вызывает в массовом сознании дискомфорт. Общественное мнение не без оснований чувствует слабость нынешних потенциальных союзников России и стремится иметь в качестве союзников передовые страны.

Вместе с тем общественное мнение опасается сильных союзников (будь то США или Китай), остро ощущая экономическую и военную слабость России. Таким образом, и по вопросу о пути развития, и по проблеме внешнеполитических союзов, общественное мнение оказывается в своеобразной «фрустрационной ловушке». В нем одновременно действуют два примерно одинаковых по своей силе, но противоположных по направленности мотива. Этнические симпатии к гражданам развитых государств и фактор «цивилизационного притяжения» подталкивают к ориентации на Запад и союзу с ним. В то же время осознание величины дистанции, отделяющей от современных стандартов жизни, и понимание собственной слабости в качестве внешнеполитического партнера Запада максимально затрудняют поддержку практических шагов в этом направлении²⁷.

Предварительные выводы

Имеющиеся в настоящее время данные и оценки позволяют утверждать, что описывать ситуацию в массовом сознании исключительно – или даже преимущественно – в терминах неотрадиционализма и «реванша» советского

прошлого – большое упрощение. Дело не только в том, что российский неотрадиционализм представляет собою внутренне противоречивое, разлагающееся и неустойчивое образование, не способное обеспечить культурную интеграцию общества²⁸. Современный этап эволюции российского массового сознания характеризуется не только традиционализацией, но и появлением новых феноменов. Наблюдаемая в последнее время «традиционализация», по крайней мере отчасти, представляет собою первичную стадию укоренения новых ценностей, представлений и институтов, импортированных в первой половине 1990-х годов. Можно выделить несколько особенностей этой стадии.

1. «Обобщенные» массовые представления о власти остаются цитаделью политического традиционализма. Принцип «разделения властей» опознается преимущественно как «непонятный» и «неправильный». Дифференциация образа власти находится в начальной стадии. (Правда, следует учитывать, что концепт «власти» – в отличие от понятий «государства» или «правительства» – сам по себе является традиционалистским.) Применительно к парламенту пока можно говорить лишь о начале первого этапа дифференциации (в форме специализации). В то же время в традиционалистском образе власти появились трещины. Их возникновение можно объяснить «диффузными» эффектами общей модернизации когнитивной сферы массового сознания и первым опытом знакомства с новыми политическими институтами²⁹.

Не переставая быть преимущественно «традиционалистским монолитом», власть одновременно воспринимается

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Гудков Л. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2. С. 25–33; он же. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 87–102.

²⁹ Масштабная модернизация массовых вербальных ценностей, проанализированная в работе И. Клямкина и Т. Кутковец «Русская самобытность» (М.: Институт социологического анализа, 2000), играет важную роль даже в тех случаях, когда лишена прямых «выходов» на массовое поведение. Она порождает «иррадирующие» эффекты, модифицирующие массовое восприятие.

и как сложная система, работа которой невозможна без внутренней специализации, а значит – и определенной автономии специализированных звеньев. Модернизация системы массовых ценностей лишила «властный монолит» самодостаточности: его существование невозможно без демократической легитимности. Политические инновации начинают прорастать в традиционалистский монолит, порождая перемены. В массовом сознании место в иерархии властных институтов определяется не близостью к ядру традиционалистского политического монолита – исполнительной власти, а мерой демократической легитимности. В полном соответствии с политической традицией президент (через свой филиал в лице администрации президента) наделяется в обществе правом контролировать Государственную думу. В то же время в противоречии с логикой традиционализма, но в соответствии с современными политическими принципами (и несмотря на неясность своего статуса) парламент наделяется правом контроля над правительством (если следовать традиционалистской логике, правильным было бы обратное).

2. Модернизация массовых политических ценностей и модернизация поведенческих моделей развиваются автономно. В одних случаях вполне современные политические представления наслаиваются на традиционалистский образ действий, в других – напротив, «отсталые» ориентации сочетаются с овладением «передовым» репертуаром действий. В последнем случае практическое знакомство с политическими инновациями опережает модернизацию политических представлений: часть тех, кто на словах выражает приверженность традиционным ценностям, на деле реализует вполне современные модели поведения. «Порядок и демократия “в России невозможны

друг без друга”, заявляет ровно половина лиц, только что ответивших интервьюеру, что для России первое нужнее второго. Так же в других вопросах, где выясняется, что такое демократия, ее не только хулят, но и приписывают ей зачастую порядок, законность и экономическое процветание как наиглавнейшие отличительные признаки. Среди видов государственного устройства россияне не всегда предпочитают советский вариант или “особый путь”, но иногда выбирают и тот, где главное – демократия и гарантии прав человека. Итак, свидетельства другого рода говорят, что реальных сторонников демократического строя сегодня больше, чем декларативных»³⁰.

3. Когнитивный блок массового сознания сам по себе также отличается асимметричностью, в значительной степени связанной с противоречиями между «генерализованными» и конкретными представлениями в массовом сознании. Довольно часто представления о «правильных» (нормальных и нормативных) принципах организации общества и государства более отчетливы и современны, чем представления о том, какие институты призваны эти принципы реализовывать. Идеологический плюрализм и многопартийность в общем признаются в качестве нормы, но их институциональное воплощение вызывает недоверие – ограниченное в случае со СМИ и большое применительно к политическим партиям. Аналогичным образом закон как ведущий регулятор отношений воспринимается в качестве нормы, а суды вызывают недоверие. В обществе весьма низко оцениваются инструменты и посредники, необходимые для практической реализации ценностей и представлений, признаваемых «правильными» или «нормативными». Для массового сознания характерен «институциональный дефицит»³¹. Как

³⁰ Левинсон А. Указ. соч.

³¹ Гудков Л., Дубин Б. Институциональные дефициты как проблема постсоветского общества. 2003 [<http://www.polit.ru/docs/620240.html>].

правило, подобная реакция оценивается как свидетельство силы политического традиционализма. Но возможна и альтернативная интерпретация: с учетом всего того, что нам известно о реальном функционировании СМИ, судов и политических партий, устойчивое массовое недоверие к этим институтам просто фиксирует их неспособность адекватно справляться с функцией реализации демократических нормативов и ценностей. Другими словами, атрибуты «традиционализма» оказываются оболочкой для реалистических оценок.

4. Способность к реалистическим оценкам несовершенных демократических институтов и практик – не единственная возможная причина внутренней раздвоенности массового сознания. Традиция не только препятствует модернизации, но и накладывает отпечаток на процесс укоренения ее атрибутов. Влияние традиции на освоение политических инноваций может проявляться в том, что массовые представления о свойствах новых (современных) институтов и ценностей оказываются явно «завышены». В постсоветской России чрезмерная идеализация возможностей политических инноваций может быть связана с тем, что знакомство с ними происходило преимущественно в абстрактной форме и было оторвано от «живого» демократического опыта. Возможно, что здесь явным или неявным образом сказались и влияние «абсолютизма» традиционалистского пласта русской культуры – устремленность к заведомо недостижимым (по крайней мере, в этом мире и в этой жизни) образцам.

5. Важная особенность первичной стадии укоренения политических инноваций – «гибридизация» ценностей. Примеров множество, но один из наиболее выразительных – проникновение ряда современных ценностей в цитадель традиционализма, ядерную «советско-ком-

мунистическую культуру» (право собственности, свобода слова), в которой в результате «гибридизации» возникла зона соприкосновения с демократической культурой. «На праве собственности, на свободе слова избиратели КПРФ, между прочим, настаивают сильнее, чем “люди прошлого” в целом, а в случае со свободой слова – сильнее, чем бедный и малообразованный класс, чьи интересы защищает эта партия. Иначе говоря, иной “демократ”, ищущий собеседника и даже единомышленника по отдельным “демократическим” вопросам, теперь найдет его скорее в избирателе КПРФ, чем просто в “обществе”»³². В «гибридных» политических представлениях нет ничего необычного. Равным образом «гибридность» не равнозначна неустойчивости или невозможности создания адекватных этим представлениям политических институтов и практик. Противоречивое сочетание признания плюрализма со страхом перед соперничеством и конфликтами не уникально для постсоветской России. Эта же особенность длительное время была характерна для стран «консоциальных» («сообщественных») демократий и различных разновидностей некорпоративизма. Она способствовала утверждению моделей политического управления, которые предусматривали вытеснение конфликта на периферию³³.

6. Основная часть политических инноваций еще не прошла полного цикла институционализации. В первом приближении можно утверждать, что по своему реальному статусу политические инновации располагаются в зоне между вербально одобряемыми и утилитарными ценностями. Одним из примеров может служить статус политической оппозиции, отношение к которой испытывает серьезное влияние утилитаристских установок. Большая часть массового сознания принимает оппозицию как политический институт. Но это принятие не носит безусловного характера

³² Левинсон А. Указ. соч.

³³ См.: Лейтхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

(в случае нормализации политической ситуации для части сторонников смысл существования оппозиции исчезает) и сопровождается «перетолковыванием» функций (не претендент на власть, а критик власти). Иными словами, для значительной части массового сознания оппозиция пока не стала «самоценной», т.е. не обрела главного свойства полноценного политического института.

7. Внутренний механизм начальной фазы укоренения политических инноваций схематично можно описать следующим образом. Российская политическая традиция (как и любая другая) неоднородна: наряду с иерархическими, авторитарными и партикуляристскими началами, она содержит и эгалитарные, демократические и универсалистские ценности. Скорее всего, поиск «избирательного сродства», который начинается после появления политических инноваций, происходит именно в этом, наиболее близком по содержанию, секторе политической традиции. Новые ценности и институты трансформируются. Они срачиваются с традиционными (наиболее близкими по принципу «избирательного сродства»), порождая ценностные, когнитивные и институциональные «гибриды». Внутри этих «гибридных» форм происходит примитивизация инноваций (примеры: выборы редуцируются до плебисцита, а институт политической оппозиции – до критики правительства). Нечто сопоставимое имеет место и тогда, когда современные ценности мимикрируют под традицию, т.е. принимают традиционалистскую оболочку («свой» или «третий путь»). Но что происходит с другой «половинкой» – с традицией,

вступившей в диалог или симбиоз с современностью? В новом контексте перестраивается структура и изменяются свойства традиции. Начинается мутация традиционалистских компонентов: в части своих характеристик они постепенно сближаются с противоположной «половинкой» гибридной формы. Традиция «перетолковывается» на новый лад. Если усвоение нового идет через редукцию, то адаптация старого осуществляется через мутацию: традиция обнаруживает новые свойства. Массовые представления о «великой державе» – наиболее рельефный пример того, как рационализация происходит внутри традиционных форм.

8. Большую часть процессов в массовом сознании следует квалифицировать с учетом их «двойного» статуса, а именно – сопричастности в различных формах инноваций и традиции. Повышение психологической значимости таких признанных атрибутов традиции, как «государство», «граница», «территория», «прошлое», в равной мере может быть оценено и как проявление неотрадиционализма³⁴, и как свидетельство продолжающейся модернизации³⁵. Можно утверждать, что традиционализация «генерализованных» политических представлений сопровождается когнитивными и ценностными приобретениями. Массовое сознание в определенной части становится более дифференцированным (образ Запада) и более реалистическим (критическая оценка места и «качества» демократических институтов, возвращение «образа врага»). Если укрупнить масштаб оценки, не окажется ли, что традиционализация подчиняется общей модернизационной логике?

³⁴ Гудков Л. Русский неотрадиционализм; *он же*. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам.

³⁵ Подробнее см.: Зудин А. Россия, 1998–2001 гг.: путь к новой идеологии.

Вертикаль власти и состояние российского федерализма в оценках региональных элит

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН № 21.

Изменения в российском федерализме привлекают внимание политологов, государствоведов, историков, социологов. Социологический ракурс рассмотрения позволяет показать, насколько эффективны преобразования с точки зрения основных социальных акторов, включенных в практические действия. В данной статье речь идет о реакции региональных элит на федеральные инициативы, направленные на рецентрализацию, об особенностях их восприятия представителями власти ресурсных регионов, активно включившихся в рыночные отношения, и регионов-реципиентов. Анализ этих оценок помогает приоткрыть завесу будущего и понять, останется ли дело Путина после окончания его второго президентского срока.

В 2000 году с приходом к власти В. Путина в России начался новый этап в отношениях федерального центра и регионов. В целях создания более эффективной системы управления глава государства приступил к осуществлению политики нового централизма, которая предусматривала сосредоточение административных, экономических, политических и иных ресурсов в руках федерального центра. Такая политика была несовместима с сохранением самостоятельных и влиятельных региональных элит, поэтому она была направлена на дезавуирование их прежнего статуса федеральных политиков. В стране восстанавливалась «властная вертикаль», создавались феде-

Леокадия Михайловна Дробизева,
доктор исторических наук,
руководитель Центра исследования
межнациональных отношений
Института социологии РАН

Алла Евгеньевна Чирикова,
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН

ральные округа (ФО) и институт полномочного представителя президента в ФО. Позднее были предприняты попытки вывести из политического пространства все региональные элитные группы, включая президентов и губернаторов, что делало федеральный центр монопольным игроком на общегосударственном политическом поле, не имеющим реальных конкурентов.

Результатом первого президентского срока В. Путина стал выстроенный в России режим контролируемого плюрализма, при котором федеральная власть укрепила свои позиции, но полностью освободиться от политического влияния региональных элит, особенно на местах, не смогла. Руководство в центре полагало, что управлять федерацией, в состав которой входит 89 субъектов, сложно и надо, в пределах возможностей, имеющих по Конституции РФ, сокращать их число¹. А для регулирования политических процессов следует существенно изменить политическую систему России. С этой целью с сентября 2004 года федеральный центр осуществлял новый этап реформирования. Его основными направлениями стали: отмена прямых выборов глав субъектов федерации и фактическое их назначение президентом РФ², реформа избирательной системы и утверждение пропорционального принципа формирования представительных органов власти, изменение полномочий субъектов федерации, завершение приведения конституций республик и законодательного пространства в других субъектах федерации в соответствие с Конституцией РФ. Многие аналитики заговорили о нарастании авторитарных тенденций в российской власти и об имитации федеративных отношений.

Давление со стороны центра заставило региональные элиты переосмыслить свои стратегии, искать новую политическую идентификацию и новые модели взаимодействия с федеральной властью с учетом тех ограничительных коридоров, в которых им теперь приходилось действовать.

Для сложной по административно-территориальному устройству и многонациональной Российской Федерации отношения федерального центра и регионов выходят за рамки взаимодействия двух уровней власти, являясь индикатором состояния политической системы, ключевой проблемой для понимания российского федерализма. При слабом развитии гражданского общества взаимодействие центра и субъектов федерации – важнейшая характеристика качества федеративных отношений.

В Послании президента Федеральному собранию РФ 10 мая 2006 года отношения между федеральным центром, субъектами федерации и местным самоуправлением отнесены к сфере совершенствования политической системы.

В научной литературе тема отношений центра и регионов последних десятилетий раскрывалась через такие понятия, как «децентрализованная федерация», «стихийная децентрализация», «асимметричная федерация», «рецентрализация» (В. Гельман, Н. Петров, Р. Туровский). Аналитики поднимали вопрос о пределах централизации (К. Мацузато и др.).

В этой статье мы постараемся проанализировать общие и особенные тенденции в развитии российского федерализма времен В. Путина, основываясь на данных, которые были получены в ходе нашего исследования «Центр – регионы:

¹ Идея укрупнения дебатруется в российских политических кругах не первый год. В конце 2003 года из научных дискуссий и подготовки в администрациях она перешла в плоскость политических решений. После референдума в Пермской области и Коми-Пермяцком АО был создан Пермский край. В настоящее время после референдумов происходит объединение Бурятского АО с Читинской областью, Усть-Ордынского Бурятского АО с Иркутской областью, Красноярского края с Эвенкийским и Таймырским АО и т.д., реализуются консенсусные решения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах, но пока они существуют и до более радикального сокращения общего числа субъектов РФ, в результате которого в России вместо 89 субъектов предполагалось оставить 45 или 30, дело не дошло.

² В соответствии с законом, принятым Государственной думой в декабре 2005 года, вводится система непрямых выборов первых лиц региона местными парламентами на основании кандидатуры, предложенной президентом РФ.

рецентрализация и ее последствия». Его отличительной чертой являлась попытка реконструировать процессы, происходящие на поле российского федерализма, путем интеграции оценок, данных этому феномену региональными элитами, скорректировав их позициями региональных и московских экспертов, занимающихся изучением федерализма в течение постперестроечных лет.

В рамках исследования в июле – ноябре 2006 года было организовано четыре «мозговых штурма»: в Казани (Республика Татарстан), Москве, Пятигорске (Ставропольский край) и Екатеринбурге (Свердловская область)³. Полученная информация дополнялась материалами глубинных интервью, проведенных в других субъектах федерации. Это позволило охватить позиции элит и экспертов из шести регионов. Пользуясь случаем, выражаем признательность всем участникам обсуждений. Кроме того, анализировались доктринальные документы, пресса, литература по теме. Вошедшие в выборку регионы различались по уровню экономического развития, силе власти и характеру политического режима.

Вертикаль власти

Интегрировав оценки региональных элит и экспертов, полученные в ходе обсуждений, можно вполне обоснованно говорить о том, что вертикаль власти видится им как важная составляющая политической реформы, оказывающая весьма неоднозначное влияние на состояние российского федерализма. Большинство участников «мозговых штурмов» сходятся во мнении, что вертикаль нельзя рассматривать только лишь в негативном или позитивном свете.

Представители региональных властей считают ее создание скорее позитивным шагом, признавая при этом, что он может восприниматься большинством в обществе как отход от демократии. В то же время эксперты предупреждают, что по-

добная конфигурация власти чревата далеко идущими последствиями, неблагоприятными и для России в целом, и для ее регионов, и для региональных элит.

Пока сложно судить о том, сколько просуществует вертикаль в том виде, в каком она сконструирована на конец первого десятилетия XXI века, однако очевидно, что одним из главных результатов ее построения стало резкое падение политической конкуренции в регионах. *«Появились у центра деньги – появилась возможность за счет финансовых ресурсов покупать лояльность регионов. Раньше была конкуренция, существовал определенный принцип неожиданности, в регионах даже формировалось гражданское общество. При выборной системе [имеются в виду выборы глав регионов], несмотря на договоренности с Кремлем, у элит не всегда получалось добиться нужного результата. В нынешней ситуации старую элиту конкуренция устраивать не может. Плюс к этому цена на нефть, которая приносит небывалые деньги. Эти деньги перераспределяются по своим законам. У федеральной власти есть возможность на этом поиграть. Вопрос в том, как долго эта ситуация продлится»,* – считает один из участников дискуссии.

Деньги, появившиеся у центра, по мнению экспертов, можно было бы потратить более эффективно. Например, постараться вписаться в глобальные тенденции, решая тем самым не тактические, а стратегические задачи. *«Все обсуждения, которые инициируются федеральным центром, крутятся вокруг частных вопросов. Не стратегических. И это опасно для будущего России. Складывается впечатление, что о нем просто никто не задумывается»,* – размышляет екатеринбургский эксперт.

Представители татарстанской элиты полагают, что произошла очень серьезная метаморфоза в экономической деятельности: *«... государство в лице цент-*

³ Исследование реализовано по инициативе и при поддержке Казанского института федерализма. Благодарим наших коллег – организаторов «круглых столов» Р. Абдрахманова, М. Аствацатурову, К. Киселева.

ральных органов власти становится прямым участником коммерческой деятельности. ... это не вызывает массового протеста со стороны населения и даже некоторых руководителей, потому что инерция в течение XX века ... сформировала у значительной части людей ... устойчивый менталитет – государство само должно управлять экономикой. ... Кремль пришел к выводу, что это можно делать. И центр использует метод сравнительных преимуществ – перемещение активов в наиболее выгодную сферу. С точки зрения тактических преимуществ – это грамотный ход. ... Он становится определяющим в судьбе 2008 года. Соскучившееся по “госзаказу” население говорит: “Ну, слава Богу”. Сейчас это для большей части населения важнее децентрализации власти. Рецентрализация будет иметь успех в краткосрочной политической перспективе, но в стратегическом плане предпринятые политические и экономические шаги будут страну ослаблять. ... Будет нарастать конфликт с собственностью, это станет тормозом для инвестиций и вхождения России в мировую экономику».

Использование политического механизма, при котором власть строится по принципу иерархии, не гарантирует главного – целостности России. «Сохранить Россию могут только горизонтальные связи. Сегодня связи устанавливаются через опосредующий центр. В результате Россия представляет собой исключительно формальное объединение регионов», – считает эксперт из уральского научного сообщества. А представитель республиканской власти из Татарстана напоминает: «Вертикаль тогда устойчива, когда у нее есть точки опоры по горизонтали. Если этого не получается – на одной точке вертикаль не построить, ... растут неформальные связи».

Что сегодня удерживает регионы от децентрализации? По мнению участников обсуждений в Казани, это сильная федеральная власть, монополизировавшая энергоресурсы. «Если бы контроль государства не был в этой

сфере так силен, можно было бы договариваться по горизонтали, договариваться с компаниями. И еще ограничение – массовое общественное мнение взято под контроль, и оно действительно настроено таким образом, что все делается центром замечательно и классно. Это влияет на экономические и политические элиты».

Эксперты полагают, что вертикаль отрицательно влияет на демократические процессы в стране, поскольку исключает население из политического пространства, превращая его из субъекта в объект властных воздействий. «Это формирует у электората убежденность в том, что от него ничего не зависит».

Особую опасность эксперты видят в том, что «вымывание» демократических процедур происходит не только на уровне региональной власти, но и на уровне местного самоуправления.

Вместе с тем нельзя не признать, что подобная политическая конструкция способствовала достижению, казалось бы, важного политического результата – снижению напряженности в отношениях центра и регионов. Однако является ли это благом для России – задается вопросом один из экспертов: «Это плохо или хорошо, когда нет напряжения в отношениях? Все молча подчиняются и стараются не перечить, чтобы денег было больше. Может быть, это опасно?»

Участники дискуссии заинтересованно обсуждали, была ли необходима вертикаль, привела ли она к повышению эффективности власти и как повлияла на взаимоотношения центра и регионов.

Экспертные оценки относительно целесообразности вертикали в управлении достаточно противоречивы. Одни настаивают на том, что иначе управлять Россией просто невозможно. Другие убеждены, что подобный шаг имел бы смысл только в одном случае – при наличии у центра модернизационного проекта: «Если бы вертикаль была выстроена под реальный модернизаторский проект, тогда она бы была оправданна. Но тако-

го проекта нет». Третьи полагают, что вертикаль нужна центру для контроля за ситуацией на местах. Но при этом построение вертикали, как это ни парадоксально, на самом деле выгодно регионам и их элитам: *«В этой ситуации вертикаль власти или ее отсутствие не имеет такого большого значения для регионов, она важна для центра, чтобы было с кого спросить за выделенные ресурсы. Если сейчас региональные лидеры высказывают полную лояльность центру, то происходит это по одной причине – это выгодно. Региональные элиты представлены сегодня достаточно старыми кадрами, которым проще продлить свои полномочия и свое влияние в неконкурентной модели отношений между центром и регионами»*.

Дискуссии еще раз подтвердили экономическую и даже политическую дифференциацию российских регионов. Предложенная политическая модель власти лучше работает в сильных и конкурентоспособных регионах с диверсифицированной экономикой и практически не действует в слабых регионах. В последних ведущую роль продолжают играть крупные корпорации, а вертикаль существует лишь номинально, как это было и раньше, что позволяет некоторым экспертам говорить об отсутствии порой в таких регионах государственной власти как таковой. *«Может быть, вертикаль не так и страшна, даже, возможно, работает хорошо, но только в конкурентоспособных регионах»*, – звучало в дискуссиях.

Среди региональных элит появились сторонники вертикали, которые постепенно научились извлекать из нее экономическую и политическую выгоду для своих регионов. Например, некоторые из участников дискуссии из ресурсных регионов заявили о том, что эта схема привела к наведению порядка и сделала власть на местах более эффективной, способствовала притоку дополнительных финансовых средств, в частности на реализацию национальных и других дорогостоящих проектов.

По мнению представителей элит Северного Кавказа, для населения властная вертикаль символизирует собой безопасность, и они даже согласны отказаться от принципов демократии ради достижения должного уровня спокойствия в своем взрывоопасном регионе: *«Говоря о диалоге центра и региона, о построении вертикали власти, надо помнить, что это, ко всему прочему, вопрос национальной безопасности. Население, по опросам, воспринимает упрочение вертикали власти как некую гарантию безопасности. На фоне угрозы безопасности реализация конституционных прав становится не столь важной. Поэтому идея вертикали близка населению. Как она близка и властям предрежащим»*.

Не совпадают и оценки последствий реформирования власти по вертикальной модели. Наиболее серьезным негативным результатом элиты в разных регионах считают отсутствие механизма обратной связи. Эксперты же обеспокоены в первую очередь ростом численности аппарата при одновременном снижении эффективности его деятельности, сужением каналов рекрутирования во власть, благодаря чему чиновничество становится все более закрытой и привилегированной кастой в России.

Сужение каналов рекрутирования и доминирование неформальных связей при назначении происходят на фоне кадрового дефицита, заставляющего власть нередко идти на использование нелегитимных практик ради формирования своего кадрового состава, что снижает устойчивость вертикали. *«Есть деньги, чтобы финансировать ее функционирование, – вертикаль действует, нет денег – вертикаль парализуется. Исчезают деньги, а вслед за ними исчезает целоположение удержания власти. Вертикаль может рассыпаться моментально. Она ничем не цементируется, кроме административных рычагов»*, – убежден один из екатеринбургских экспертов.

Сохраняется ли сегодня в регионах потенциал децентрализации? Похоже, что

однозначного ответа на этот вопрос нет. Оценки, полученные в ходе исследования, позволяют заключить, что в данный момент вряд ли можно говорить о выраженном стремлении региональных элит «перетянуть на себя» политические и экономические ресурсы ради отстаивания своих прав у центра. Не только потому, что центр «выкупил» у элит вертикаль власти, но и потому, что уровень поддержки действий президента РФ населением регионов достаточно высок. Это заставляет элиты действовать «с оглядкой», хотя нельзя утверждать, что их лояльность по отношению к центру не имеет пределов. Просто они видят, как уже говорилось, экономические и политические ограничители.

Ожидать, что потенциал децентрализации будет нарастать стремительно, вряд ли стоит. Ведь для реализации своих политических решений центр предпринимает достаточно грамотные экономические шаги, которые встречают поддержку у большинства населения. *«Федералы использовали в выборе политики чисто экономический метод управления – метод сравнительных преимуществ, который предполагает ежеминутное перемещение активов в наиболее выгодную сферу. Для чего это делается? Для сохранения преимущества власти»*, – убежден один из участников дискуссии в Казани.

Во время обсуждений в регионах высказывалось сомнение в том, что политика дальнейшей централизации принесет успех России в долгосрочной перспективе. Такой точке зрения давалось не только политическое, но и экономическое объяснение: *«Начавшаяся рецентрализация – ни что иное, как наложение старых советских правил повсеместного контроля на рыночную ситуацию. Что важно, государство становится главным менеджером тогда, когда экономика находится на стадии инвестиционного роста. Но это не вечно. С точки зрения стратегических интересов это ослабляет страну и не имеет никаких перспектив»*.

Участники дискуссии склоняются к тому, что вероятность дальнейшего усиления централизации достаточно высока, поскольку у этой идеи довольно много сторонников как среди элит, так и среди населения. *«Силы, которые стремятся подтолкнуть к этому Россию, есть. И это главное. Я не так оптимистичен в ожиданиях, что политика единоначалия сменится многообразием. Скорее существует опасность усиления тенденции централизации, мобилизационных подходов ради усиления военной составляющей и др. Поборников такой идеи немало. И она ложится на неплохую почву в обществе»*, – считает один из экспертов, и с ним трудно не согласиться.

Итак, анализ высказанных мнений относительно последствий предпринятой рецентрализации позволил убедиться в том, что элиты признают во многом позитивное влияние вертикали на региональную ситуацию. Однако эксперты предупреждают, что в долгосрочной перспективе такая конструкция власти несет России угрозы, в том числе и ее целостности.

Современный российский федерализм

Большинство представителей региональных элит и экспертов, участвовавших в дискуссиях, сходятся во мнении, что в путинское время произошло не только сворачивание федерализма, но и качественное изменение его принципов в нужную для центра сторону. С этой целью была включена пропагандистская машина, благодаря чему население страны восприняло отказ от ряда принципов федерализма как необходимый и закономерный шаг.

Однако нарастание авторитарных тенденций по отношению к республикам и регионам не обязательно спасет Россию от дезинтеграции. Скорее наоборот, вертикаль власти и отход от федерализма создают дополнительные угрозы для государственной целостности. *«Вертикаль сегодня не решает главной задачи – она не сплавливает страну и приводит*

к возрастанию угрозы ее распада. Интеграция может происходить только тогда, когда реализуются принципы федерализма. Тогда интеграция идет на добровольных началах, а это совсем другая политическая реальность, нежели та, которую мы имеем сегодня», – считает эксперт из Екатеринбурга.

Весьма важно, что идеология отказа от федерализма не только продуцируется федеральной властью, но и становится выгодной для других субъектов регионального пространства, таких как бизнес и партия власти.

Крупный бизнес, представленный в первую очередь федеральными компаниями, заинтересован в исчезновении региональных экономических и политических границ: *«Все серьезные экономические структуры, прежде всего федеральные, сегодня вертикально интегрированы. Но и местный бизнес также выходит на федеральный уровень. Очень мало остается отраслей, где нет четкой локальной привязки. Элиты при этом функционально интегрируются. Таким образом, они структурируют и территориальное пространство страны. Именно такие компании порождают доминирование центра».*

Почему корпорации устраивает наличие сильного центра? Ответ достаточно прост: *«Центр является наиболее эффективным инструментом реализации интересов таких корпораций. Им проще иметь дело не с 3–5 губернаторами, а с одним корреспондирующим органом власти в центре. Фактически реализуется принцип “одного окна”. Договариваться с пятью губернаторами труднее, чем с одним центром».*

Многие эксперты убеждены, что сворачиванию федерализма способствует и партия власти: *«Партия власти сегодня выполняет роль “растворителя” федерализма. Почему? Кандидатуру главы субъекта будет теперь предлагать победившая партия. Но победившая партия – это сегмент все той же федеральной власти».*

По мнению же других экспертов, об исчезновении федерализма говорить труд-

но, потому что федерализма в России как некоей стратегической цели у власти не было и раньше. Некоторые из них напрямую связывают цены на нефть и развитие федерализма. Причем существующая здесь зависимость носит обратный характер – чем ниже цены на нефть, тем больше центральная власть начинает следовать принципам федерализма.

Специалисты в области изучения федерализма подчеркивают, что попытки размышлять о нем как о статичной категории вряд ли оправданы. Скорее федерализм надо воспринимать как динамическую систему, которая развивается во времени и имеет свою специфику в разных странах и регионах. Подобный подход позволяет заключить, что сегодня российский федерализм не исчезает, а принимает другие формы. Именно так считает один из екатеринбургских экспертов: *«В глобальном пространстве будет работать столько моделей федерализма, сколько существует стран и периодов конкретного времени, когда эти отношения качественно не меняются. Можно говорить о том, что в России реализовывались различные модели федерализма на протяжении даже небольших исторических отрезков времени. Поэтому заявлять сегодня о том, что федерализм исчезает или растворяется, вряд ли правомерно. Он принимает ту форму, которая адекватна настоящему политическому периоду».* О том же говорили и эксперты из Москвы, называя современный российский федерализм имитационным, скорее символическим. Тем не менее для социального самочувствия в регионах и он имеет значение.

Участник дискуссии из Екатеринбурга напрямую связывает федерализм с особенностями элитной структуры, которая в свою очередь зависит от интересов входящих в нее лиц. Характеризуя элитные структуры, эксперт предлагает различать автономные и сращенные элиты. Именно сращенные элиты заинтересованы в централизации, и они проводят ее последовательно и успешно, реализуя свои интересы: *«Модель*

федерализма жестко привязана к элитным структурам. Если модель соответствует той конфигурации элит, которая сложилась в данной конкретной политической системе, то тогда элиты будут устойчивы и просуществуют долго. Но как только изменяются интересы элит, тотчас меняется и политика федеративных отношений. Автономные элиты порождают федеративные отношения, при которых уровни управления тоже автономны. Если элита – административная, экономическая и партийная – сращивается на функциональном уровне в единую группу, тогда наступает централизация. Это именно то, что мы наблюдаем сейчас в России». Процесс сращивания элит открывает возможности для административного контроля, заменяя политические каналы коммуникации на иерархические.

Что будет происходить с российским федерализмом в краткосрочной и среднесрочной перспективе? Судя по полученным оценкам, элиты согласны признать, что проблема сохранения федерализма в России существует. Централизация власти идет, и пока непонятно, кто и что может ее остановить. Слабые надежды региональных элит связаны с приближающимся выборным циклом – с тем, что на гребне политической конъюнктуры им удастся отвоевать новые преференции для своих территорий.

Существуют ли у регионов способы защиты федерализма? По мнению самих региональных элит, отстоять его под силу только регионам, имеющим достаточные экономические и политические ресурсы. Последние могут быть весьма разнообразными: это и уровень электоральной поддержки региональной власти, и авторитет политического лидера, и связи на федеральном уровне. Важными для сохранения федерализма могут являться партийные связи федерального уровня, а также «запасные аэродромы» в виде региональных партий, которые позволяют поддерживать феде-

рализм «снизу». «У нас существуют политические механизмы демпфирования ситуации в случае угрозы федерализму. Например, “Единая Россия” (в нее входят региональные лидеры). Но если объявят: все, республики закрывать, хватит, губернии объединить, то такой защиты будет мало», – поясняет один из казанских экспертов.

Не менее важным инструментом восстановления федерализма в традиционном понимании является, по мнению экспертов, горизонтальная интеграция регионального пространства России и функционирование гражданских институтов, которые должны помочь подготовить общество к жизни по демократическим правилам. «Федерализм и демократия – это действительно наше будущее. Но как к ним подойти реально? Нам нужно свести в единое целое распадающиеся представления о федерализме и сделать его понимание одинаковым для всех. Чтобы этого добиться, необходимы политические институты в лице гражданского общества», – считает московский эксперт.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что современные формы существования федерализма и его будущие контуры определяются не только действиями центра, но также поведением крупного бизнеса и населения. Именно поэтому для России столь важно развитие гражданского общества, которое бы поддерживало федерализм «снизу». Ведь проблема участия во власти в том числе и во имя общероссийских интересов осознается в регионах. Конечно, у них разные экономические и политические возможности. Но со временем элиты регионов-реципиентов поймут важность использования собственных ресурсов и горизонтальной солидарности. Чем скорее это произойдет, тем меньше региональным элитам придется беспокоиться об исчезновении федерализма из российской политической действительности.

*Татьяна Вилевна Сохранева,
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии естественных
факультетов философского факуль-
тета МГУ*

Развитие корпоративного образования как аспект российской модернизации

Как бы мы ни трактовали понятие «модернизация» – предельно широко, как изменения соответственно требованиям современности, или более конкретно, как повышение конкурентоспособности экономики или трансформацию определенных социальных структур, – есть все основания рассматривать образование как фактор и аспект российской модернизации. Состояние и уровень образования – один из важнейших показателей развития общества¹. В любой стране грамотная образовательная политика служит инструментом модернизации, особенно если ее целью является трансформация экономических и социальных структур в соответствии со стандартами и нормами общества «экономики знаний». Однако эффективным этот инструмент становится при условии его соответствия духу времени, при определенной внутренней динамике образовательной системы, и актуальность развития в нашей стране разнообразных и гибких форм дополнительного, в том числе корпоративного, образования обусловлена целями модернизационных процессов.

Задачей данной статьи является анализ развития корпоративного образования в современной России как следствия реформирования социально-

---

¹ В концепции человеческого потенциала (Human Development Program), разрабатываемой в течение последних 20 лет ООН, образование выступает одним из оснований для выведения индекса развития человеческого потенциала, своеобразного количественного критерия развития общества. Наряду с уровнем образования показателями для расчета индекса являются ожидаемая продолжительность жизни и уровень жизни, измеряемый на базе реального ВВП на душу населения [<http://www.undp.org>].

экономической сферы и как фактора «модернизации» человеческого ресурса, его качественного роста. Говорить о модернизации в России, связывая с этим понятием положительные эффекты, можно с большими оговорками, так как негативных последствий преобразований последних 20 лет очень много. Тем не менее рассуждать о положительной динамике в корпоративном образовании в связи с модернизацией все же уместно, так как крупный бизнес, под патронажем которого формировались корпоративные образовательные структуры, устойчиво развивался в эти годы и частные корпорации были активными действующими лицами в российской экономике и политике.

Результаты многочисленных исследований (сначала западных, а в последние годы – и российских) показывают роль неэкономических составляющих богатства и процветания, выражающихся понятиями «интеллектуальный капитал», «человеческий капитал», «социальный капитал». В обширной научной литературе, посвященной этой проблеме, интеллектуальный капитал рассматривается как стержневой элемент, как «геном» современного производства, а в его структуре выделяют такие составляющие, как человеческий, организационный (или структурный) и потребительский капитал. Человеческий капитал характеризуется знаниями, навыками, творческими способностями, культурой труда и моральными ценностями участников производства; структурный капитал определяется технологиями и системами управления, техническим и программным обеспечением производственных и административных процессов, корпоративной культурой организации; потребительский капитал становится результатом связей и устойчивых отношений компании с клиентами и потребителями, основанных на доверии к брэнду, качеству продукции и услуг.

Несмотря на то, что интеллектуальный капитал связан с нематериальными активами производства, существует формальный показатель для выражения значения этих «неосязаемых», «мягких» ресурсов. Для стоимостной оценки величины интеллектуального капитала применяется коэффициент Тобина – отношение рыночной цены компании к цене замещения ее реальных активов: зданий, оборудования, запасов. Если коэффициент Тобина существенно больше 1 – то есть рыночная цена компании значительно превышает цену ее материальных активов, – можно делать выводы, что в ней эффективно используются нематериальные активы: знания, умения и талант персонала, управленческие структуры и решения, имидж или брэнд компании и пр.

Для компаний экономически развитых стран характерны стабильно высокие показатели коэффициента Тобина. Сравнительные исследования показывают, что его среднее значение для 30 крупных компаний США, входящих в индекс Доу-Джонса, по результатам 2004 года составляет 1556, для 30 аналогичных предприятий Западной Европы – 1176, для 15 компаний азиатского рынка (преимущественно японских и корейских) – 1565. Причем для большинства компаний наблюдается положительная тенденция – постоянное увеличение значения коэффициента Тобина. Так, если в 1999 году для компании «Майкрософт» он составлял 300, то в 2004 году – уже 4046. Для компаний США, Западной Европы и Японии коэффициент Тобина имеет приблизительно одинаковое значение, что, по мнению специалистов, закономерно в условиях экономической интеграции и перетекания капитала. Это позволяет говорить о том, что создается общий международный рынок, в котором ключевым фактором прироста стоимости компании является наличие конкурентного преимущества в виде интеллектуального капитала².

² Арабян К.К. Учет и анализ интеллектуального капитала при формировании стоимости предприятия // Автореферат диссертации ...кандидата экономических наук. М., 2007; Измерение человеческого капитала // Российское предпринимательство. 2007. № 4.

Развитие каждого его структурного элемента имеет большое значение для организации или производства, но мы сделаем акцент на человеческом капитале, поскольку главным инновационным ресурсом является человек. Нетворческий труд не создает и не расходует интеллектуальный капитал. Работник и личность инновационного типа отличаются такими характеристиками, как самомотивация и постоянная готовность к саморазвитию, поэтому в формировании работника такого типа важны не столько материально-экономические, сколько социокультурные составляющие. В последнее десятилетие специалисты говорят о появлении нового типа потребителя (прежде всего в высокоразвитых странах), для которого характерен интерес к качеству, а не количеству предлагаемых услуг и товаров. Такой потребитель все чаще делает выбор в пользу нематериальной продукции – получения образования, заботы о здоровье и других социальных услуг. В условиях высокоразвитой экономики становится все более очевидным, что в противовес приземленным и весьма утилитарным стандартам так называемого «общества потребления» формируется новая система ценностей, определяющая «качество жизни»: экологический комфорт, здравоохранение, здоровый образ жизни, образование и культура, доступность информации, возможности творческого саморазвития³.

Исследования также показывают⁴, что постоянное повышение квалификации и самообучение работников являются характерными чертами современного высокотехнологичного производства, одним из факторов роста капитализации человеческого ресурса, обязательной составной частью общественной модернизации. Новые модели карьеры

базируются на понятиях многостороннего развития работника, поскольку в обществе инновационного типа в течение коротких промежутков времени могут существенно меняться производственные и социальные роли индивидов и соответствующие им модели компетентности – умения, знания, навыки, деловые качества и ценностные ориентации, необходимые для выполнения той или иной социальной роли. Изменение моделей компетентности влечет за собой изменение образовательных потребностей индивидов, которые, как правило, расширяются и удовлетворяются средствами не столько базового, сколько дополнительного, в том числе корпоративного, образования. Поэтому в развитых странах дополнительное образование рассматривается как обязательный элемент экономической и социальной стратегии, а получившая широкое распространение идея тесной взаимосвязи всех форм образования, их преемственности и дополняемости («bottom-up-approach») нацеливает практиков системы образования на расширение спектра его видов и стимулов к обучению в течение всей жизни.

В таком контексте в государствах постиндустриального мира решается проблема образования взрослых. Оно рассматривается как результативный способ повышения человеческого потенциала общества, причем подчеркивается не только экономическая выгода, связанная с преодолением функциональной неграмотности населения⁵ и обретением рабочей силой необходимой квалификации, но и социальная эффективность такого образования, позволяющего людям вносить новшества в свою жизнь и работу, грамотно строить взаимоотношения с другими людьми, активнее участвовать в принятии решений, влияющих на

³ Консьюмеризм // Глобалистика. М., 2003.

⁴ Туруоу Л. Будущее капитализма. М., 1998.

⁵ Потенциальные риски, связанные с функциональной безграмотностью, являются очень серьезной проблемой даже для таких экономически развитых стран, как США, Великобритания, Швеция и др. [http://en.wikipedia.org/wiki/Functional_illiteracy]

собственное будущее. Создание в ходе обучения установки активизма, стимулирующей взрослого человека к осуществлению новых проекций своей личности на среду, мыслится фактором развития не только человеческого, но и социального капитала.

Корпоративное образование является одним из вариантов дополнительного, непрерывного (lifelong) образования, и в этом смысле может возникнуть вопрос о целесообразности акцентирования его роли. По моему мнению, особое место корпоративного образования обусловлено все более активным вмешательством деловых кругов в процесс образования, что вызвано развитием нового способа производства знаний, при котором пользователь знания играет не менее важную роль в определении природы знания, чем тот, кто его производит. В современных условиях образование из социального института, составляющего часть государственного устройства, все более превращается в сферу услуг, ориентированную на заказчиков разного уровня и масштаба – государство, корпорации, социальные группы, отдельных индивидов. Влияние корпоративного заказа на сферу образовательных услуг неуклонно возрастает, так как бизнес заинтересован в обеспечении непрерывной подготовки ресурсов к рентабельному использованию в постоянно меняющихся условиях.

Корпоративное образование – это целенаправленное обучение кадров в соответствии с потребностями компании и рынка. Если в рамках любого другого вида дополнительного образования может реализовываться индивидуальная жизненная стратегия человека, в рамках корпоративного – обязательно осуществляется стратегия компании. Корпоративное образование должно приобщать человека к определенной культуре и идеологии компании, вовлекая его в формирование социального капитала корпорации. Это

является очень важной задачей, так как, во-первых, сами по себе вложения в интеллектуальный и человеческий капитал таят потенциальные риски для компаний – чем больше вложения в человеческий капитал, тем более независим его носитель и тем больше у него возможностей для маневра на рынке труда. Следовательно, надо постоянно заботиться о закреплении работников в компаниях, используя нематериальные стимулы, ведь материальные – на определенном уровне теряют свою эффективность. А во-вторых, успешность компании в значительной мере определяется субъективными факторами – общим стремлением к поставленным целям, духом социального партнерства, корпоративной культурой и пр.

Таким образом, кроме решения чисто экономических задач, связанных с подготовкой трудового ресурса, корпоративное образование посредством развития организационного капитала компании выполняет важную социальную функцию – формирует социальный капитал общества на уровне корпорации. Понятие «социальный капитал» не является еще вполне устоявшимся, поэтому отметим, что оно охватывает широкий круг явлений – это сочетание социальных институтов, норм, ценностей, сетей и организаций, которые образуют формы взаимодействия внутри общества и являются его активом, необходимым для создания индивидуального и коллективного богатства. Социальный капитал формируется на основе стремления людей проявлять инициативу, думать, прикладывать усилия, договариваться, создавая новые формы взаимодействия⁶. Корпоративное образование в крупных компаниях мыслится в контексте концепции социальной ответственности бизнеса. Развивая у сотрудников навыки принятия коллективных решений, совершения коллективных действий, культуру обмена информацией, корпорация формирует элементы социального капитала всего

⁶ *Тюрин Г.* Корпорации, социальный капитал и модернизация страны // Неприкосновенный запас. 2006. № 48–49 (4–5); Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год (На пути к обществу, основанному на знаниях). М., 2004.

общества, а не только определенного бизнес-сообщества.

Естественно, возникает вопрос, применимы ли и в какой мере перечисленные характеристики корпоративного образования к российской ситуации? Каковы его особенности в современной России? Решению каких задач, стоящих перед страной, оно может способствовать?

Целенаправленная подготовка и переподготовка профессиональных кадров не являются чем-то абсолютно новым для нашей страны. В Советском Союзе эти функции выполняли отраслевые институты повышения квалификации, и организационно корпоративные образовательные структуры возникли на базе отраслевых учебных центров, пришедших в упадок в ходе реформ⁷. Но названные отраслевые институты никогда не рассматривали процесс профессионального обучения как фактор модернизации производства – этого не требовали ни идеология, ни экстенсивный характер экономики. В ходе реформ задачи технической модернизации и даже просто сохранения производственных мощностей выявили необходимость обучения персонала, формирования навыков управления в новой рыночной системе координат. По результатам опроса 38 крупных российских компаний, более чем в трети случаев (16 из 38) их корпоративные образовательные подразделения создавались в период реорганизации, выработки стратегии или нахождения компании в кризисе⁸. Если на Западе возникновение корпоративных образовательных структур было связано, в первую очередь, с возрастающей конкуренцией в условиях глобализации, то в России оно во многом диктуется явным отставанием отечественных компаний от мировых стандартов развития интеллектуального капитала. Первоочередные задачи определяются

необходимостью структурных изменений производства, а не просто совершенствования уже готового адекватного механизма с целью повышения конкурентоспособности.

Для большинства российских компаний величина рыночной капитализации меньше балансовой стоимости (коэффициент Тобина меньше 1), что свидетельствует о неэффективном управлении своими активами, о направлении инвестиций в основном в материальные активы. Только самые успешные конкурентоспособные компании, использующие современные системы менеджмента, ИТ-технологии, создавшие узнаваемый и вызывающий доверие брэнд, имеют на этом фоне сравнительно высокий коэффициент Тобина. Так, например, в 2003 году он составил для компаний: «Росбизнесконсалтинг» – 9,9, «Вимм-Билль-Данн» – 3,9, «Вымпелком» – 2,7, «Балтика» – 2,5, «Приморское морское пароходство» – 2,3, «Норильский никель» – 1,6, МГТС – 1,1, «Ростелеком» – 1,1⁹. И хотя с 2003 года наблюдается тенденция роста этого индикатора в российских компаниях, разрыв с показателями западных компаний огромен.

В таком контексте задача стимулирования развития интеллектуального потенциала является стратегической не только для отдельного предприятия или корпорации, но и в государственном масштабе. Это весомый аргумент в пользу распространения корпоративного образования, поскольку оно может быть очень эффективным для увеличения организационного капитала российских компаний.

Необходимость развития корпоративного образования диктуется также динамикой российского рынка труда и изменения в структуре занятости. В современных условиях традиционная система профессиональной подготовки час-

⁷ Силин Н.Н. Исторический экскурс: как и почему возникли корпоративные университеты // Корпоративные университеты. 2006. № 1.

⁸ Корпоративные университеты в российской практике: актуальные примеры реализации. М., 2003. С. 9.

⁹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. С. 120.

то оказывается неэффективной, не гарантирующей работодателям притока требуемой рабочей силы, а обучающимся – стабильного социального статуса. Переход из сферы образования в сферу занятости чреват неопределенностью для людей даже в очень благополучных странах: рискованная «серая зона незанятости» возникает по причине растущей информационной насыщенности общества, стремительных технологических и социальных изменений, в результате которых меняется профессиональная структура общества и могут быть «девальвированы» полученные знания. При всех оговорках о том, что знание не сводимо к определенному набору информации или профессиональных сведений, что квалификация специалиста определяется прежде всего его способностью к интеллектуальному поиску, а не объемом фактических данных, проблема очевидна. В нашей стране наблюдаются явные изменения в профессиональной структуре общества и сфере занятости, но объясняется это не столько еще положительной динамикой экономики, когда постоянные изменения рынка труда означают не деградацию, а перераспределение трудового ресурса¹⁰, сколько реакцией российского рынка труда на проявления системного экономического кризиса. К тому же надо учитывать неравномерность развития российских регионов и (как следствие) несоответствие спроса и предложения рабочей силы. И здесь модернизирующая функция корпоративного образования может проявляться в том, что учебные корпоративные центры создаются в тех регионах России, где есть рабочий ресурс, но ему не хватает определенной квалификации.

Следует учитывать и то, что Россия уже испытывает дефицит рабочей силы, и, по прогнозам специалистов, в ближайшей перспективе он будет нарастать. Российским работодателям придется привлекать к решению производственных задач иммигрантов, при-

чем вряд ли стоит ожидать въезда в страну высококвалифицированной рабочей силы. В этой ситуации корпоративное образование будет решать задачу обучения персонала с разным уровнем подготовки с целью «выравнивания» этого уровня в соответствии с требованиями производства.

В ряду причин, актуализирующих проблему развития корпоративного образования, следует обозначить и несовершенство системы получения базового образования. Если говорить о начальном и среднем профессиональном образовании, то оно оказалось практически разрушенным за годы экономических реформ. «Гримасой» российских реформ оказывается сегодняшняя острая нехватка профессиональных рабочих кадров в энергетике, судостроении, нефтедобыче и других сферах экономики на фоне переизбытка секретарей, бухгалтеров, делопроизводителей, которых выпускали средние специальные учебные заведения, «откликаясь» с целью выживания на запросы массового неспециализированного рынка 90-х годов. В сфере высшего образования к числу негативных тенденций, приводящих к разрыву между подготовкой специалистов и потребностями производства, можно отнести, например, то, что выбор вуза часто не связан ни с личными склонностями, ни с профессиональными планами поступающих. При выборе абитуриентами вуза сказываются такие ограничения, как денежные ресурсы, возможности территориальной мобильности, убежденность в коррумпированности приемных комиссий элитарных учебных заведений, перспектива призыва в армию в случае неудачи при поступлении. Это приводит в дальнейшем к низкой мотивации студентов в обучении. Отрицательными факторами являются также слабая материальная база (лабораторное оборудование, тренажеры) многих российских вузов, низкое качество образования в некоторых из них, недостаточная корреляция образователь-

¹⁰ См.: *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал: новый источник богатства организаций. М., 2007.

ных и профессиональных стандартов и пр. Справедливости ради надо отметить – динамика современного производства такова, что компетенции реально действующего специалиста (например, специалиста по конкурсным торгам в области энергетики) предусмотреть образовательным стандартом невозможно в принципе. Подобные разрывы можно ликвидировать только через систему дополнительного и/или корпоративного образования.

В настоящее время корпоративное образование является важным и расширяющимся направлением деятельности большинства российских компаний. Косвенным показателем его возрастающего значения можно считать постоянный спрос на специалистов в области организации корпоративного образования и менеджмента знания. Но если первый период развития корпоративного образования в России характеризовался стихийностью, то на сегодняшний день, во-первых, осознана и артикулирована потребность в усилении его системности (и в смысле содержания, и в смысле организации) как факторе повышения эффективности. А во-вторых, корпоративное образование все чаще рассматривают во взаимосвязи с идеями формирования и наращивания социального капитала общества. Особенностью социального капитала является то, что он не может развиваться изолированно на каком-то одном уровне общества; эффективным он становится в консолидированном (с точки зрения ценностных установок и схем взаимодействия) обществе. Внедрение через систему корпоративного образования на срединном уровне (между уровнем государства и уровнем домохозяйства или микрорайона) в систему ценностей российского общества установок активности, инициативности, ответственности является важным условием того, что модернизация состоится не только в «отдельно взятом»

благополучном регионе и не только как экономические преобразования.

Такое понимание задач корпоративного образования влечет за собой, во-первых, развитие теоретической составляющей проблемы – проведение форумов, «круглых столов», написание диссертационных исследований и учреждение специализированных журналов¹¹, в рамках которых анализируется практика корпоративного образования, а также разрабатываются модели и принципы организации корпоративных образовательных структур различных уровней.

Во-вторых, появляются организации, которые своей деятельностью способствуют своеобразному «сетевому эффекту» и системности корпоративного образования. Например, весной текущего года в России была создана структура, призванная регулировать взаимодействие бизнеса с органами власти и провайдерами образовательных услуг, – Международная ассоциация корпоративного образования (МАКО). Эта организация, учрежденная по инициативе Корпоративного энергетического университета РАО «ЕЭС России», объединяет представителей крупных российских корпораций. Задачами МАКО являются разработка профессиональных стандартов корпоративного обучения в промышленных компаниях, организация взаимодействия учебных центров компаний с образовательными структурами, создание образовательного холдинга и управление им, формирование согласованных подходов к вопросам управления карьерой сотрудников, разработка общей методологии и механизмов управления знаниями в компаниях, сотрудничество с западными корпоративными университетами и др.

Много лет успешно работает и вносит большой вклад в развитие российского корпоративного образования Ассоциация менеджеров (АМР) – независимая общественная организация национального масштаба, членами которой

¹¹ Например, журнал «Корпоративные университеты». См.: [www.corporate-education.ru].

являются представители крупного российского бизнеса. Ее деятельность направлена на всестороннее содействие переходу российского делового сообщества к международным стандартам и этическим нормам ведения бизнеса, интеграции России в мировое экономическое пространство, формированию позитивного отношения к отечественному бизнесу в России и за рубежом. Аналитические документы по проблемам корпоративного образования, издаваемые Ассоциацией, содержат большой материал теоретического и фактического характера, позволяющий воспринимать и использовать отечественный и зарубежный опыт¹².

В-третьих, развиваются корпоративные университеты как наиболее эффективные и системные формы корпоративного образования. В России пройден путь от организации корпоративных учебных центров, тяготеющих к проведению фрагментарного, децентрализованного и, как правило, «реактивного» обучения, основанного на заявках отдельных подразделений компании, до создания крупных образовательных структур, призванных соединить теорию и практику обучения с потребностями бизнеса.

Сегодня корпоративный университет мыслится как выстроенная система внутрифирменного обучения, объединенная единой концепцией и методологией, разработанная для всех уровней руководителей и специалистов в рамках идеологии и стратегии развития компании, а также задач, стоящих перед ее отдельными подразделениями¹³.

Несмотря на различия конкретных образовательных структур и программ, можно обозначить типичные стратегические задачи корпоративного университета: управление корпоративными знаниями; создание в компании инновационной среды; формирование и реализация стратегии развития персонала;

стандартизация программ корпоративного образования; выработка нормативной базы. В отличие от учебного центра университет является важным элементом корпоративного менеджмента и фактором роста рыночной стоимости компании, а не просто предлагает набор обучающих процедур.

История корпоративных университетов за рубежом насчитывает более 40 лет. В первую очередь они создавались крупными транснациональными компаниями, в частности компанией McDonald's, организовавшей в 1961 году корпоративный университет с целью унифицированной подготовки персонала. Бюджеты корпоративных университетов, превышающие порой бюджеты ведущих национальных учебных заведений, – бесспорное свидетельство заинтересованности бизнеса в их развитии. Так, еще в 1977 году бюджет университета AT&T в три раза превышал бюджет Массачусетского технологического института, и в последующие годы названная тенденция в финансировании не ослабевала. На сегодняшний день в мире насчитывается свыше 5 тыс. корпоративных университетов, самые крупные из которых имеют огромные бюджеты, десятки филиалов в разных странах, большой штат сотрудников. Наиболее ярким в этом отношении примером является университет Motorola U. с годовым бюджетом около 100 млн долл., 99 подразделениями в 21 стране, 400 постоянными сотрудниками.

В России корпоративные университеты появились в начале 90-х годов, но первое время, по мнению специалистов, они были не столько бизнес-, сколько имидж-составляющей российских корпораций. Сегодня ситуация изменилась, и университеты крупных компаний активно участвуют в решении ключевых проблем развития корпораций: подготовке персонала, оптимизации систем управления

¹² Корпоративные университеты в российской и зарубежной практике. М., 2002.; Корпоративные университеты в российской практике: актуальные примеры реализации. М., 2003.

¹³ Гольшенкова О. Корпоративные университеты как инструмент создания корпоративной идеологии и культуры. Эволюция и тенденции развития корпоративных университетов [<http://www.corporate-education.ru>].

компаниями, реализации молодежных программ, создании брэнда, разработке профессиональных стандартов, сопоставлении опыта корпорации с передовым опытом в отрасли (бэнчмаркинг). Самые известные корпоративные университеты связаны с такими динамично развивающимися компаниями, как «Северсталь», «Вымпелком», «Вимм-Билль-Данн», «Норильский никель», «ПРОТЕК», «Сибнефть», «РУСАЛ», РАО «ЕЭС России», ОАО «РЖД» и др. Российские корпоративные университеты еще не достигли уровня самостоятельных образовательных учреждений, альтернативных государственным вузам с точки зрения базовой профессиональной подготовки. Но определенно можно говорить о существовании крупных менеджерских структур, организующих образовательную среду корпорации путем кооперации с государственными образовательными учреждениями.

Примером такого успешного менеджмента является Корпоративный энергетический университет РАО «ЕЭС России» (далее КЭУ), консолидированно представляющий интересы и потребности энергокомпаний на рынке образовательных услуг. В последние годы в КЭУ создается новая система корпоративного образования, особенностью которой является формирование институциональной структуры, построенной с участием множества образовательных государственных и корпоративных организаций, действующих на единой основе¹⁴. Головной центр КЭУ выполняет функцию управляющей компании по отношению к региональным центрам, расположенным в зонах спроса энергокомпаний на обучение: Центр, Северо-Запад, Юг, Урал, Сибирь и Дальний Восток. В регионах формируются своеобразные «образовательные кусты», включающие в себя региональный центр, технический и финансово-экономический вузы, ряд техникумов, ПТУ и лицеев энергетичес-

кого профиля. Региональные центры создаются на базе единой типовой модели и единого формата структуры управления. Создание КЭУ позволяет решать задачу системного и качественного обучения персонала холдинга РАО «ЕЭС» всех уровней – от низовых рабочих позиций до руководителей высшего звена – и формирования единого образовательного пространства для нужд энергетики. При этом Университет все в большей мере становится самокупаемой, а не дотируемой со стороны учредителей структурой.

Очевидным достоинством образовательной практики крупных корпоративных университетов являются развитые системы дистанционного образования (СДО) с использованием современных информационных технологий. Системы электронного обучения (E-learning) призваны решать задачи формирования информационной культуры и управленческих навыков персонала, консультирования обучающихся. Также они являются средством создания единого виртуального пространства пользователей в больших компаниях, многочисленные подразделения которых находятся в разных регионах России или даже мира. В СДО корпоративного университета «РУСАЛ» ежемесячно проходят обучение более 2 тыс. человек, доступ к системе обучения имеет каждый сотрудник компании со своего рабочего места или из компьютерных классов предприятий корпорации¹⁵.

В России реализуется и другой сценарий развития корпоративного университета – как структурного подразделения традиционного университета. Такая форма сотрудничества бизнеса и образования является взаимовыгодной. Бизнес заинтересован в повышении статуса и уровня корпоративного образования. Оно должно быть системным и соответствовать современным требованиям профессионального сообщества, что трудно обеспечить без привлечения академического исследовательского ресур-

¹⁴ Петриков М.М. Корпоративный энергетический университет как инновационный проект // Инновации. 2007. № 3.

¹⁵ [www.rusal.ru]

са. Взаимодействие с традиционными университетами привлекательно с точки зрения укрепления бренда корпораций (т.е. увеличения их потребительского капитала), сотрудники которых могут быть аттестованы ведущими традиционными университетами.

Университеты, в свою очередь, сотрудничество с бизнесом тоже считают важной и актуальной задачей. По мнению их руководителей, создание корпоративных университетов на базе российских вузов поможет решить проблему несоответствия уровня и направлений подготовки специалистов требованиям работодателей и развитию рынка труда¹⁶. Высказано предложение разработать программу «Кадры XXI» с участием Союза ректоров России и предпринимательского сообщества. Точками пересечения интересов образовательных и бизнес-структур являются вопросы разработки образовательных стандартов с учетом современных профессиональных требований, финансирования научных исследований, поддержки талантливой молодежи и пр.

В качестве примера корпоративного университета такого типа можно привести опыт создания в МГУ имени М.В. Ломоносова Высшей школы управления и инноваций по инициативе ректора МГУ академика В.А. Садовниченко и председателя совета директоров АФК «Система» В.П. Евтушенкова. Основная задача Школы – подготовка высококвалифицированных конкурентоспособных специалистов для бизнес-

структур, ориентированных прежде всего на экономику идей¹⁷.

Говоря о значении корпоративных университетов, следует подчеркнуть и их роль в расширении международного сотрудничества в сфере образования, т.к. многие из них тесно связаны с ведущими зарубежными корпоративными университетами, транслируют западный опыт и технологии обучения.

Итак, корпоративное образование в России возникло в результате радикальных изменений в экономике и социальной сфере. Его развитие было продиктовано потребностями крупных корпораций готовить персонал и формировать руководящие структуры на основе западного и отечественного опыта с целью реорганизации прежних производств или организации новых. Однако корпоративное образование является не только следствием реформ, но и их условием. Фактором модернизации корпоративное образование становится в той мере, в какой 1) помогает увеличивать интеллектуальный потенциал корпораций и их рыночную стоимость; 2) способствует устранению диспропорций на рынке труда, более динамичному социально-экономическому развитию тех регионов, которые являются «зонами присутствия» корпораций; 3) формирует социальный капитал корпорации, а отчасти и всего общества; 4) облегчает интеграцию России в мировое экономическое и культурное пространство; 5) содействует диалогу бизнеса, государства и образования, дает инновационные импульсы для развития государственного сектора образования.

¹⁶ Об этом В. Садовнический заявил на заседании совета Союза ректоров России в январе 2007 года [<http://www.rsr-online.ru/doc/norm/21.doc>].

¹⁷ [<http://www.hsmi.msu.ru>]

Миграционные процессы в современном мире: уроки для Украины

Создание независимого Украинского государства высветило проблему, с которой раньше нашему обществу сталкиваться не приходилось: сотни тысяч сограждан двинулись за пределы страны и одновременно на ее некогда закрытых «железным занавесом» просторах появились группы представителей народов, далеких территориально и культурно. В настоящее время нам все еще тяжело осознать процессы, которые происходят в этой сфере на территории нашего государства, и необходимость разобраться в них побуждает к изучению чужого опыта.

Общеизвестно, что миграция – неотъемлемая, постоянная и чрезвычайно важная составляющая развития человечества. Суть ее заключается в освоении новых территорий с целью улучшения условий собственного проживания. Перемещение и смешивание больших человеческих масс, исчезновение одних народов и появление других, которые впоследствии разделялись, мигрировали и давали жизнь новым национальным образованиям, происходили всегда, а потому миграционный компонент неизменно каким-то образом влиял на эволюцию человечества¹.

Наряду с улучшением уровня жизни людей миграционные процессы довольно часто сопровождались негативными последствиями для окружающей среды – становились основной причиной деградации естественных ландшафтов, изменений климата, загрязнения зе-

Ярослав Николаевич Пилинский,
кандидат филологических наук,
директор Киевского представительства
Института Кеннана

¹ *Норманн Д.* Европа, історія. Київ: Основи, 2000. С. 65–67.

мель и вод. В то же время миграция всегда была основным источником обновления культуры и нередко являлась главным двигателем научного и технического прогресса, как в региональном, так и в глобальном масштабе. Учитывая это, связь миграции и безопасности дальнейшего развития человечества нуждается в новом, не эмпирическом, а рациональном осмыслении, ведь неконтролируемые и не до конца понятные общественные процессы скрывают значительные вызовы и опасности и для отдельного общества, и для планеты в целом.

Требуют тщательного анализа как общемировые миграционные тенденции, так и те причины, которые заставляют граждан разных государств (и нашего тоже) в одиночку и группами оставлять свои дома, родину. Необходимо представить, какие последствия в краткосрочной и долгосрочной перспективе ожидают нас и как возможную страну-реципиента, и как страну-донора. Все это должно стать главной составляющей формирования внутренней и внешней государственной политики. Квалифицированные ответы на эти вопросы в значительной мере будут определять последующее экономическое развитие, уровень национальной безопасности, даже национальное бытие Украины.

Согласно последним данным ООН, в настоящее время в мире насчитывается около 200 млн иммигрантов первого поколения, что составляет, вроде бы, не так и много – всего 3,5% от общей численности населения Земли. Однако если учесть, что подавляющее большинство их сосредоточено в странах Европы, США, Канаде и Австралии и что оно существенно превышает количество жителей такой страны, как Бразилия, то следует согласиться, что влияние иммигрантов на процессы, происходящие

в мире, значительно весомее, чем может показаться исходя из их доли в мировом населении.

Современные исследователи полагают, что миграция, как правило, возникает как следствие экономических и политических кризисов, которые и вынуждают людей оставлять родину. Кроме того, для принятия решения об эмиграции и, соответственно, иммиграции важной является политическая и экономическая ситуация в стране, которую мигранты рассматривают как место своего переселения. Ведь никто не переезжает из бедной и экономически отсталой, политически нестабильной страны в еще более бедную и нестабильную. Однако фактором риска, особенно в некоторых европейских государствах, служит то, что несмотря на в целом высокий уровень жизни и безопасности в странах-реципиентах мигранты достаточно часто останавливаются в больших городах, где, как правило, пополняют люмпенизированную прослойку населения, которая используется местными работодателями в первую очередь в сфере неквалифицированного, зачастую подпольного труда². Тут происходит и торговля людьми, а также принудительная проституция³.

Не менее серьезными причинами миграции являются природные катастрофы – наводнения, землетрясения, пожары, извержения вулканов, которые сопровождаются значительными человеческими жертвами, разрушают привычный образ жизни. Кроме того, войны, революции, преследования по религиозному признаку, расовые и межэтнические конфликты сгоняют людей с насиженных мест, вынуждают искать другое пристанище. Если причины, которые заставили их оставить свои дома, достаточно быстро ликвидируются, то беженцы возвращаются домой. Однако иногда их лагеря существуют годами,

² *Bigo D. Securite et immigration: vers une gouvernamentalite par l'inquietude? // Cultures & Conflits. 1998. № 31–32. P. 13–38.*

³ *United Nations. International Migration Report: 2005. New York: United Nations, 2005. P. 418–421.*

а то и десятилетиями, там рождается и умирает несколько поколений. На перемещение больших масс людей, временами целых народов, влияют и политические решения, принятые правительствами. Такой является, в частности, не до конца изученная история принудительных перемещений народов в Советском Союзе или Китае в XX столетии⁴.

Бегство, связанное с религиозными преследованиями, всегда было важным мотивом переселения в Соединенные Штаты последователей многих религиозных верований и сект. Например, квакеры и представители других христианских сект, которые откололись от англиканской церкви в XVIII веке, именно в Новом Свете искали религиозную терпимость, которой были лишены в Великобритании. По мнению многих исследователей, еврейские погромы в России в конце XIX – начале XX столетия были первопричиной эмиграции российских евреев в США. Притеснения евреев по национальному признаку в Советском Союзе повлекли массовый их выезд в Израиль, Германию и США в 80–90-е годы прошлого века. Немецкие беглецы после неудачных революций 1848 года, кубинцы, которые оставляли свою страну в начале 1960-х, спасаясь от режима Кастро, – все они нашли себе прибежище в США.

Учитывая масштабность процессов миграции, исследователи все большее значение придают изучению предпосылок этого явления – причин и обстоятельств, которые побуждают людей оставлять свои дома, менять привычный

образ жизни в знакомой с детства языковой и культурной среде. Прежде всего, принимаются во внимание так называемые факторы толчка, а также факторы притягивания.

Многие экономисты считают, что миграция это – «нормальный» ответ на несоответствие и неравномерность размещения в пространстве людей и возможностей⁵. А свободная трудовая мобильность так же логична, как и свобода торговли. Иные полагают, что наплыв мигрантов в определенную страну снижает в ней общий уровень оплаты труда, уменьшает количество рабочих мест, которые должны принадлежать местным жителям⁶. Некоторые критически настроенные исследователи заявляют, что миграция наносит вред прежде всего стране-донору. Ведь иммигрируют преимущественно молодые, самые мобильные и сообразительные члены общества, то есть происходит так называемое «вымывание мозгов», что дополнительно ухудшает перспективы социально-экономического развития страны-донора⁷.

Однако в силу своей сложности и разновекторности миграционные процессы, которые, несомненно, уже приобрели глобальный характер, все еще трудно поддаются объяснению, а тем более оценке. В связи с этим существуют разные подходы к поиску рекомендаций относительно решения проблем, порождаемых миграцией. Так, в США практически все время достаточно широко дискутируют, какой должна быть иммиграционная политика государства – либеральной или запретительной⁸.

⁴ Polian P. *Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR*. Budapest and New York: CEU Press, 2004.

⁵ Maurice D. Van Arsdol, Jr. *Demographic Changes in Northeast Asia and their Implications for Regional Stability* // Tsuneo Akaha (ed.). *Politics and Economics in Northeast Asia*. New York: St. Martins, 1999. P. 279–309.

⁶ Smith J.P., Edmonston B. (eds.) *The New Americans: Economic, Demographic, and Fiscal Effects of Immigration*. Washington, D.C.: National Academy Press, 1997.

⁷ Carrington W.J., Detragiache E. *How Extensive Is the Brain Drain?* // *Finance and Development*. 1999. Vol. 36. No 2. P. 325–357; Barro R.J., Lee J.-W. *International Comparisons of Educational Attainment* // *Journal of Monetary Economics*. 1993. Vol. 32. March. P. 363–394.

⁸ Bouvier L.F. *Peaceful Invasions: Immigration and Changing America*. Center for Immigration Studies, 1991. О последних планах администрации США см. на: [<http://www.newsbatch.com/immigration.html>].

Именно из-за сложности предмета изучения необходимо рассматривать его как на микроуровне (воздействие миграции на жизнь отдельных граждан), так и на макроуровне (влияние миграции на развитие тех обществ и государств, которые теряют население в результате этого процесса, и тех, которые приобретают новых граждан). На наш взгляд, последствия миграции, которые зависят от времени и места, количественных параметров, этнических и возрастных признаков, могут быть неоднозначными. Потому любые выводы можно делать лишь на основе достоверных эмпирических данных, собранных в определенное время в определенном месте.

Если обратиться к абсолютным цифрам, то они свидетельствуют, что такое количество людей, как в настоящее время, еще никогда вынужденно не изменяло своего места проживания: ООН насчитывает около 16 млн беженцев по всему миру⁹. Согласно данным, опубликованным на сайте этой организации, беженцы направляются прежде всего в экономически развитые страны. В последние десятилетия Соединенные Штаты и Канада испытывают чрезвычайно мощное миграционное давление со стороны стран Латинской Америки и Азии. В то же время европейские страны, которые на протяжении многих веков были основными миграционными донорами американского континента, сами в послевоенный период превратились в реципиентов миграционных потоков из разных уголков мира¹⁰.

Сразу после Второй мировой войны миграционные потоки направлялись с территории Балкан и Турции преимущественно в Северо-Западную Европу. Позже в Европу устремились и переселенцы из стран Азии, Африки и государств, которые образовались в результате распада Советского Союза. Например, украинцы в настоящее время

достаточно широко представлены в Италии, Испании, Португалии, а также в России, Чехии, Польше, Германии, Великобритании. Практически нет ни одной страны в Западной Европе, где бы не проживали и не работали (к сожалению, зачастую нелегально) наши земляки. В последние годы миграционные процессы коснулись самых закрытых в прошлом стран. Даже Япония приняла достаточно значительное количество бразильцев японского происхождения и продолжает принимать на длительное пребывание рабочих – выходцев из соседних стран Юго-Восточной Азии.

Однако международная миграция – это не только движение людей из развивающихся стран в развитые. Свыше 40% тех, кто пересек международные границы в последнее десятилетие, родились в развитых странах. Ближний Восток также привлекает миллионы временных трудовых мигрантов из стран Южной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, сотни тысяч индонезийцев работают в Малайзии, а десятки тысяч бирманцев – в соседнем Таиланде. Сингапур, Гонконг и Япония привлекают филиппинцев, которые выполняют там малоквалифицированную работу преимущественно в сфере обслуживания.

Изменения количественного и качественного состава населения в прошлом редко происходили в результате целенаправленной государственной политики. Ведь до возникновения национализма в XVIII–XIX веках главной формой государственного правления была монархия. В мире, разделенном между несколькими большими империями, центрами королевств или империй становились полиэтнические города, притягивающие к себе представителей разных слоев и этнических групп из разных уголков государства. Однако достаточно высокая смертность в городах часто влекла изменение количества населения, его этнического состава.

⁹ United Nations. International Migration Report: 2005. New York: United Nations, 2005. P. 399. Table 23-5.

¹⁰ Castles S., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Second edition. New York: The Guilford Press, 1998.

Кроме того, из-за нехватки рабочих рук города заселялись не только добровольно, нередко значительную часть людей завозили из очень отдаленных регионов. Такое формирование городского населения стало особенно актуальным после завоевания колоний европейскими странами.

В конце XIX – XX веке пришли в упадок большие колониальные образования, возникло много новых государств, основанных преимущественно на принципах единства нации, языка и культуры. Оказалось, что национализм в современном мире является мощнейшим фактором, способным не только создавать государства, но и взрывать и уничтожать многоэтнические государственные образования, существовавшие длительное время¹¹. Судьба Советского Союза и Югославии – последнее и едва ли не самое яркое тому подтверждение.

Интересным источником для изучения комплекса проблем, связанных с иммиграцией, безусловно, являются Соединенные Штаты Америки. В отличие от большинства европейских государств до начала XX века они практически никак не ограничивали иммиграцию за исключением короткого периода в конце XVIII столетия, когда действовали так называемые «Акты против иностранцев и мятежников». Однако заметим, что миллионы африканцев насильственно были привезены в Северную Америку и на острова Карибского архипелага, где десятилетиями находились в рабстве¹². После гражданской войны (1861–1865) и к началу ограничения иммиграции в XX веке в США въехало свыше 50 млн европейцев. В этот период вновь прибывших радостно встречали в Новом Свете, где требовали освоения практически нео-

граниченные территории, чья бурно растущая экономика постоянно нуждалась в новых рабочих руках для увеличения сельскохозяйственного и промышленного производства¹³. В те времена Американское государство всячески поощряло иммиграцию. Бесплатный надел земель, предоставление льгот и субсидий, вербовка с выплатой первого жалования – все это использовалось десятилетиями с целью сделать переезд в США максимально привлекательным.

Однако уже в начале XIX века стали давать о себе знать отличия между представителями разных иммигрантских обществ, что порождало антагонизм и даже вражду. Еще за несколько десятилетий до начала гражданской войны в некоторых американских штатах наметилось движение против иммигрантов-католиков, особенно из Ирландии. В начале 1870-х годов на Западном побережье началось движение за ограничение иммиграции китайцев¹⁴. К 1882 году антикитайские настроения стали настолько сильными, что Конгресс был вынужден принять закон, который вошел в историю как «Акт о недопущении китайцев»¹⁵.

Конец XIX – начало XX века прошли в ожесточенной борьбе между сторонниками и противниками неограниченной иммиграции. Представители большого бизнеса защищали свободную иммиграцию и даже поощряли переселение рабочих с семьями с целью последующего расширения производства. Представители же сельских округов выступали за ограничение иммиграции, пытаясь таким образом предотвратить усиливающуюся конкуренцию. В последние годы Конгресс принимал акты, которые по разным поводам ограничи-

¹¹ См. подробнее: *Андерсен Б.* Уявлені спільноти. Київ: Критика, 2001. С. 271.

¹² *Klein H.S.* The Atlantic Slave Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

¹³ *Massey D.S.* Economic Development and International Migration in Comparative Perspective // Population and Development Review. 1988. No. 14. P. 383–413.

¹⁴ *Saxton A.* The Indispensable Enemy: Labor and the Anti-Chinese Movement in California. Berkeley: University of California Press, 1971.

¹⁵ *Hutchinson E.P.* Legislative History of American Immigration Policy: 1798–1965. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. P. 77–84.

вали иммиграцию, однако реально она сократилась только с наступлением Большой депрессии в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века.

При этом следует отметить, что квоты распределялись неравномерно. Например, с приходом к власти нацистов в Германии лишь немногим представителям еврейского сообщества было разрешено переехать в Соединенные Штаты. В то же время квота для британцев так и не была полностью использована, что лишний раз подтверждает дискриминационный характер изменений иммиграционного законодательства того периода.

После Второй мировой войны американская политика, направленная на мировое лидерство, вошла в жесткое противоречие с действующим иммиграционным законодательством. Дискриминационный характер национальных квот существенно подрывал формирование американского идеала свободы и его влияние в мире.

Кардинальные изменения произошли в 1965 году, когда был принят Закон об иммиграции, рассчитанный в частности на увеличение притока иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы, ограничения для которых раньше были особенно суровыми. Однако благодаря введению этого закона вместо ожидаемого наплыва граждан из европейских стран, существенно увеличился приток переселенцев из Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и стран Карибского бассейна, особенно из Мексики и Кубы.

Сокращение ограничений на иммиграцию в Соединенные Штаты Америки сопровождалось либерализацией иммиграционного законодательства в других государствах. В начале 1970-х годов Австралия отменила свою политику «Белая Австралия», что дало возможность большому количеству выходцев из Азии иммигрировать в эту страну¹⁶. В начале

90-х годов страны ЕС также уменьшили ограничения на межгосударственные перемещения. В настоящее время граждане всех стран – членов ЕС могут жить, работать или учиться в любой из них наравне с местным населением. Изменение миграционного законодательства и более толерантное отношение к иммигрантам свидетельствуют о том, что в последние десятилетия принципы национализма, в соответствии с которыми во многих странах пытались ограничить иммиграцию, в современном мире постепенно либерализуются. Это в свою очередь открывает более широкие возможности для тех, кто хочет изменить страну проживания. В то же время перед обществами, откуда происходит отток населения, неизбежно встает вопрос: почему они выезжают?

Если экономическая выгода – это главное побуждение к миграции, то самые бедные люди из самых бедных стран должны быть самыми мобильными и иметь наибольшую склонность мигрировать на далекие расстояния. Однако доказано, что бедность, которая, как правило, сопровождается низким уровнем образования, является скорее препятствием для миграции, а не побуждением¹⁷.

Как показывают исследования последних лет, в частности проведенные под эгидой ООН, большинство мигрантов, включая и международных, преимущественно проживают в городах и принадлежат к среднему классу своего государства или, по крайней мере, имеют высокую рабочую квалификацию¹⁸. Среди иммигрантов часто встречаются и дети крестьян, которые в перспективе не могут унаследовать родительскую землю, но либо сами владеют минимальными средствами, необходимыми для переезда, либо могут одолжить их на длительный срок. При этом крестьяне в традиционных обществах, как правило, имеют свой, пусть и незначительный до-

¹⁶ Price Ch.A. The Great White Walls Are Built: Restrictive Immigration to North America and Australasia 1836–1888. Canberra: Australian National University Press, 1974.

¹⁷ Portes A., Rumbaut R. Immigrant America: A Portrait. Berkeley: University of California, 1996. Ch. 1.

¹⁸ United Nations. International Migration Report: 2005. New York: United Nations, 2005. P. 400. Table 23-8.

ход, который дает им возможность выживать, невзирая на постоянные лишения. Замечено, что большинство мигрантов принадлежат к «младшей» возрастной группе, которой присуща сравнительно высокая амбициозность и настойчивость. В то же время граждане, которые занимают верхние ступени иерархии, имеют низкую мотивацию к перемещению.

Изучение процессов миграции свидетельствует о том, что это явление характерно для обществ, которые переживают значительные изменения и находятся в переходном состоянии. Например, массовая миграция из Англии, Шотландии и Ирландии в Соединенные Штаты началась в XVIII и продолжалась в XIX веке, поскольку крестьяне теряли свои земли в результате огораживания и их коммерциализации, а городские рабочие и ремесленники сталкивались с падением спроса на свою продукцию вследствие бурного роста промышленного производства и связанного с этим расширения торговли. Однако в этот исторический период почти не было миграции из намного более отсталых в экономическом отношении стран Южной и Восточной Европы.

В последней четверти XIX – начале XX века началось массовое перемещение трудовых мигрантов из Восточной и Южной Европы в США и другие страны, так как государства этих регионов переживали существенные экономические и политические изменения. И хотя объективно бурное развитие американской экономики и сельского хозяйства породили соответствующее «притяжение» намного раньше, однако в странах-донорах экономические и политические предпосылки, необходимые для «толчка», сложились именно в этот период. Развитие промышленности и сельского хозяйства, подъем капиталистической экономики – все это повлекло за собой упадок традиционных социальных институтов, которые обеспечивали и поддерживали экономическое существование граждан в этих странах. Кроме миграции за океан, происходило значительное перемещение крестьян и рабо-

чих в города, где они пытались найти рабочие места, что также изменило и их демографическое поведение. В конце XX века подобное давление чувствуется в Латинской Америке, Азии и некоторых африканских странах, где наблюдается существенный прирост населения, разрушаются одни секторы экономики, а другие модернизируются недостаточно быстро, чтобы поглотить всех тех, кто ищет работу. Самым ярким примером такого процесса является ситуация в современной Мексике и на Филиппинах.

Подобным образом на стремительные экономические изменения отреагировало и население Восточной Европы и стран, образовавшихся после распада Советского Союза. Экономический кризис вытолкнул из этих государств сотни тысяч, а из некоторых и миллионы трудовых мигрантов, значительная часть которых уже никогда не возвратится на свою родину.

Эмиграция характерна для тех стран, которые находятся на ранних стадиях модернизации. Распространение образования, перемещение больших масс населения в города, связанная с этим отсрочка брака и рождения детей, а также формирование политических движений – вот те обстоятельства, которые сопровождают социальные изменения в обществах. Впоследствии, когда экономика государства приобретает стабильность и условия жизни более-менее равномерно улучшаются по всей его территории, причины для массового перемещения населения исчезают. Но пока в стране-доноре наступит период равновесия, в странах-реципиентах поселяется достаточно большое количество иммигрантов, которые, как правило, сосредоточиваются в крупных городах. Поскольку иммигрантские общества поселяются достаточно компактно и существуют длительное время, создается впечатление, что ассимиляция приезжих происходит крайне медленно, а возможно, и не происходит совсем. Например, посетители чайна-тауна в Нью-Йорке или Сан-Франциско на

протяжении десятилетий видят почти одинаковую картину. В действительности в этих кварталах происходит регулярная ротация населения. Дети мигрантов, став взрослыми, редко остаются жить в пределах своего этнического сообщества. Даже большинство эмигрантов первого поколения, как правило, со временем перемещаются жить в пригород, освобождая места для следующих волн эмиграции. Следовательно, этническая среда сохраняется стабильной прежде всего за счет вновь прибывших. Как только иммиграционный поток уменьшается, этнические кварталы меняют свое лицо, там появляются новые жители: эти кварталы или консервируются как туристический объект (Маленькая Италия в Нью-Йорке или район северного побережья в Сан-Франциско), или же прекращают свое существование.

Этнические кварталы были характерным явлением в городах Соединенных Штатов Америки в первые десятилетия XX века. Считалось, что население этих кварталов (по происхождению преимущественно из Италии, Греции, Польши, Украины, а также евреи из стран Восточной Европы и Российской империи) не поддается ассимиляции и образует бедное, опасно замкнутое сообщество. В это время не только на страницах популярных журналов, но и в сенатских комитетах разглагольствовали о «низших» расах из Южной и Восточной Европы, против переселения которых необходимо создать специальные барьеры, которые остановили бы поток мигрантов еще до того, как они разрушат государство.

Однако дети и внуки этих эмигрантов продемонстрировали высокую социально-экономическую мобильность¹⁹. За несколько десятилетий после Второй мировой войны их образовательные и профессиональные достижения не

только уравнились с показателями американцев, но отчасти и превзошли их. Параллельно происходило и увеличение количества смешанных браков. Если в начале века такие браки среди выходцев из Европы были редким явлением, то в послевоенный период они стали привычными. Согласно данным последних переписей, большинство американских граждан имеют среди своих предков представителей трех и более народов.

Экономическая теория и практика свидетельствуют, что появление на рынке труда множества малоквалифицированных рабочих-иммигрантов вначале приводит к активизации конкуренции в этом сегменте для местных рабочих и даже к их вытеснению. Однако впоследствии под воздействием наплыва иммигрантов рынок труда, как правило, расширяется и количество рабочих мест для местного населения увеличивается. Своим появлением вновь прибывшие стимулируют рост производства и снабжения продуктами питания и потребительскими товарами, строительство жилья, совершенствование транспортной сети и сферы услуг. Широко занятые в сельском хозяйстве, строительстве, ресторанном бизнесе, выполняющие работу по уходу за детьми и больными гражданами приезжие тем самым способствуют развитию этих сфер. В то же время образованные иммигранты вносят свой вклад в деятельность высокотехнологичных фирм. Наплыв иммигрантов может также «вытолкнуть» местных менеджеров и рабочих на более высокие должности. В Майями (штат Флорида), куда за короткий период в начале 90-х переселилось около 100 тыс. иммигрантов преимущественно с Кубы, на протяжении последующих лет не было отмечено их негативного воздействия на развитие экономики ни в самом городе, ни на прилегающей к нему территории²⁰.

¹⁹ *Lieberson S.* A Piece of the Pie: Blacks and White Immigrants Since 1880. Berkeley: University of California Press, 1980; *Alba R., Nee V.* Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge: Harvard University Press, 2003.

²⁰ *Card D.* The Impact of the Mariel Boatlift on the Miami Labor Market // *Industrial and Labor Relations Review*. 1990. No. 43. P. 245–257.

***

После распада Советского Союза в 1991 году Украина стала независимым государством, а ее граждане получили право на свободное передвижение по всему миру. За прошедшие 16 лет новая волна украинской эмиграции докатилась не только до большинства европейских стран, США и Канады, которые уже принимали переселенцев из Украины в прошлом веке. В настоящее время практически нет ни одной более-менее развитой страны, где бы не проживали наши соотечественники в качестве временных работников и, конечно, потенциальных граждан.

С момента провозглашения независимости на Украине даже среди тех, кто никогда не сомневался в европейскости украинцев, не стихают дискуссии относительно того, являемся ли мы частью Европы, или нет, а если нет, то когда ею станем. Не только политики, но и рядовые граждане спрашивают: будем ли мы считаться Европой, войдя в ЕС? Нужно ли нам становиться членом НАТО? А может, лучше строить Европу на Украине, а уже потом думать, куда и зачем вступать? Этот перечень вопросов и сомнений можно было бы продолжать, если бы не одно «но»: значительная часть украинцев уже давно в Европе и стали ее неотъемлемой составляющей. Наши граждане строят дороги где-то в Португалии, собирают маслины и апельсины в Греции и Испании, работают няньками и гувернантками, присматривают за стариками и немощными в Италии и т.д.

Согласно данным, опубликованным в последнем издании Мирового банка «Миграция и денежные переводы», Украина занимает почетное второе место среди стран со средним уровнем мигра-

ционной активности, и, только по официальным сведениям, наши трудовые мигранты перевели на родину в 2004 году 411 млн долл.²¹ Как утверждает А. Гайдуцкий, в настоящее время за пределами Украины находится приблизительно 4,5 млн граждан²². Несколько более реалистичные, по нашему мнению, данные приводит Е. Либанова, которая констатирует, «что, по разным оценкам, 2,5–3 млн человек в среднем на протяжении шести месяцев работают за рубежом»²³. Так или иначе, изучение миграции украинцев в Европу – а именно там преимущественно находят себе трудоустройство наши сограждане – является своевременным и необходимым. Об этом, в частности, свидетельствует и появление в газете «Зеркало недели»²⁴ (в нескольких номерах подряд) статей, посвященных разным аспектам развития трудовых ресурсов. Кроме того, нужно отметить, что довольно много граждан Украины работают в Российской Федерации²⁵.

К сожалению, те пока еще немногочисленные исследователи, которые отдают себе отчет в серьезности проблемы, сходятся в одном: значительная часть нашего трудового потенциала уже сосредоточена за пределами государства. Кто эти люди, почему они выехали и как представляют себе дальнейшую перспективу своего существования? Попробуем разобраться в этом на примере украинской трудовой эмиграции в Италию.

На протяжении последних 15 лет в Италии сформировалось стойкое украинское иммигрантское сообщество. По неофициальным данным, одновременно здесь находится около 250 тыс. наших сограждан. Это преимущественно женщины в возрасте от 40 до 60 лет,

²¹ Mansoor A., Quillin B. (eds.) Migration and Remittances. Eastern Europe and Former Soviet Union. The World Bank. Europe and Central Asia Region. 2006. P. 125.

²² Гайдуцкий А. Міграційний капітал в Україні: прихована реальність // Дзеркало тижня. 2007. № 644. С. 8.

²³ Либанова Е. Кому вигідна дешева робоча сила? // Дзеркало тижня. 2007. № 645–646. С. 10.

²⁴ «Зеркало недели» – наиболее влиятельная и читаемая украинская еженедельная газета.

²⁵ Мукомель В.И., Паши Э.А. (ред.) Нужны ли иммигранты российскому обществу? М., 2006. С. 24.

которые занимаются домашним хозяйством, присматривают за пожилыми людьми в основном в больших городах. Условно этих мигрантов можно разделить на несколько категорий. Например, на тех, кто живет в семье и ведет все домашнее хозяйство, и тех, кто работает в семьях за почасовую оплату. Позитивным в первом виде трудоустройства является то, что не нужно платить за проживание и питание. Негативным – что мигранты имеют, как правило, лишь полдня в неделю для отдыха, а также более низкий заработок по сравнению с теми, кто предпочитает почасовую форму оплаты и живет отдельно от работодателей. Ведь почасовики могут за неделю охватить несколько домохозяйств и, соответственно, заработать больше денег, но расходы на проживание, транспорт и питание – это их личные хлопоты.

Как свидетельствует проведенный нами в январе–марте 2007 года пилотный опрос в Риме и Неаполе, к первому виду трудоустройства больше склонны вновь прибывшие работники, которые плохо знают язык и чаще всего еще не получили надлежащих документов, или женщины старшего возраста, которые уже не имеют сил и желания курсировать по городу в поисках дополнительных евро.

В то же время, по свидетельству наших респондентов, выигрыш почасовиков в зарплате частично нивелируется их самостоятельными расходами на проживание и питание. Однако при таких условиях человек имеет больше свободы и выбора, распределяя усилия в течение своего трудового дня, а также изыскивая время, необходимое для отдыха.

Количество мужчин, работающих в Италии, значительно уступает количеству женщин. Ведь на итальянском рынке труда существует достаточно жесткая конкуренция не только среди

местного населения, но и среди представителей разных иммигрантских обществ. Украинцы в настоящее время преимущественно занимают нишу, которая традиционно принадлежала полякам, – неквалифицированная, подсобная работа на стройках, по ремонту квартир и домов. Сегодня происходит значительный отток польских рабочих в страны с более высоким, чем в Италии, уровнем оплаты труда (Великобритания, Ирландия), и на их место постепенно приходят украинцы. Нередко они работают на польского менеджера, что значительно упрощает общение с работодателем и понимание того, что от них требуется, но никоим образом не облегчает жизнь. Если брать в среднем, то заработок украинских мужчин в Италии не слишком превышает заработок женщин.

Подавляющее большинство украинцев в Италии получают от 700 до 1000 евро в месяц. Заработанные деньги почти все мигранты, за исключением тех, кто перевез в Италию семью, отсылают на родину. По данным опроса, они пользуются учреждениями наподобие Western Union лишь в случае крайней необходимости²⁶. Несложные подсчеты показывают, что только из Западной Европы украинские рабочие пересылают на родину сумму, которая достигает почти 10% от прошлогоднего ВВП страны²⁷. Эти деньги тратятся семьями трудовых мигрантов на ежедневное потребление, обучение детей, строительство жилья и т.п. Таким образом, количество жителей Украины, зависимых от работающих за границей, дополнительно возрастает. Именно поэтому определение влияния зарплаток трудовых мигрантов на экономическую ситуацию в нашем государстве уже не кажется простым арифметическим заданием, которым можно и пренебречь.

²⁶ Подробнее о пребывании украинских трудовых мигрантов в Италии см.: *Кривульченко О.А.* Проблемы нелегальных иммигрантів громадян України в Італії: умови праці та соціальне становище // Вісник Дипломатичної академії України. 2004. Вип. 10. Частина 1. С. 277–285.

²⁷ Согласно данным Госкомстата Украины, в 2006 году объем ВВП в фактических ценах достиг 535,86 млрд грн. [<http://news.liga.net/news/N0715670.html>]

Закономерно возникают вопросы. Насколько нынешние активные поколения граждан настроены отправиться на работу за пределы нашего государства? Какими негативными последствиями для Украины чревато безразличие власти к проблеме миграции трудовых ресурсов? Являются ли эти люди потенциально «потерянным населением»?

На основании опроса, проведенного недавно в г. Львове, исследовательница Л. Козак выделила четыре основных миграционных типа работоспособного населения: «потенциально активный», «реально активный», «пассивный» и «вынужденно активный». По ее мнению, к потенциально активному типу относятся лица, которые сейчас не хотят ничего менять, хотя признают возможным для себя эмигрировать (27,2%). Пассивный миграционный тип – это «разочарованные» (3,9%), граждане, которые достаточно длительное время не могут найти работу в своем регионе. В мотивационной сфере «разочарованных» имеются мотивы, близкие к активным миграционным действиям, однако их реализация нуждается в соответствующих обстоятельствах, и в первую очередь в желании. К реально активному типу прежде всего принадлежат лица, которые имеют разрешение на труд, визу, постоянную работу и т.п. (14,1%). Вынужденно активный тип миграционного поведения присущ населению, которое изменило место работы и территорию проживания из-за увольнения, потери основного места работы, семейных обстоятельств и пр. (17,9%). Кроме того, существует еще «фактически стабильное» население, которое довольно тем, что имеет (работа, место проживания, уровень жизни), и не хочет ничего менять (37,3%).

В соответствии с данными опроса, на постоянное проживание за границу реально стремятся выехать молодые люди в возрасте 18–30 лет, среди которых преобладают мужчины с техническим образованием и лица работоспособного возраста, которые имеют ученую

степень. На долговременное трудоустройство с целью получения высоких заработков за рубежом настроены также лица 40–49 лет, преимущественно мужского пола. На сезонные работы в страны дальнего зарубежья поехало бы 10,7% мужчин и 10,6% женщин в возрасте 30–39 лет. Это квалифицированные рабочие с техническим образованием и молодежь с высшим и незавершенным высшим образованием. Однако из Украины намереваются эмигрировать в ближайшие пять лет лишь 5,9% опрошенных, по большей части женщины 18–29 лет. Не собираются переселяться с Украины 68,3% респондентов. Таким образом, можно считать, что хотя реально нацеленных на эмиграцию относительно немного, однако потенциально временно, а возможно, и навсегда уехать из страны готова фактически треть активных граждан.

Показательной является также география устремлений потенциальных мигрантов. Большинство опрошенных граждан (55%) ответили, что среди членов их семей, знакомых, друзей есть лица, которые выехали за границу на постоянное проживание. Под влиянием исторических традиций эмиграции они отправились в основном в США – 37,73%, Италию – 15,04%, Канаду – 14%, Грецию – 13,72%, Англию и Германию – по 6,33%, Израиль – 6,6%, Голландию – 6,07 %, Польшу – 3,7%, Португалию – 3,17 %, Россию – 3,43%, Францию – 0,5%, Чехию – 0,3%.

Для временной трудовой миграции наиболее привлекательными, по мнению опрошенных, являются Италия (63,4%), США (37,9%), Португалия (34,4%), Испания (18,3%), Канада (17,3%), Англия и Греция (по 11,9%), Израиль (8,7%), Польша (7,8%). Менее всего привлекают население региона опроса Чехия (3,7%), Голландия (3,1%), Франция (2,9%) и Аргентина (0,5%).

Результаты исследования показывают существенное отличие в направлениях миграции с целью трудоустройства и с целью постоянного

проживання. В Америку выезжают для того, чтобы остаться навсегда, а в Италию и Португалию – преимущественно, руководствуясь желанием заработать и вернуться²⁸.

Сможет ли Украина в условиях демографического кризиса и массовой миграции рабочей силы наиболее трудоспособного возраста модернизировать свою экономику и стать привлекательной для собственных граждан не только как место их рождения, но и как страна с достойным уровнем жизни? На этот вопрос мы получим ответ уже в скором будущем. Ведь не секрет, что за исключением Киева и Одессы в украинских городах уже намечилось, а кое-где и стало ощутимым сокращение населения. В условиях растущей депопуляции некоторым нашим регионам будет трудно выдерживать конкурентную борьбу за население не только с ближним или дальним зарубежьем, но и с другими регионами Украины. В отличие от соседней России ее территорию можно пересечь с одного конца до другого за одни сутки, потому транспортная проблема не может быть сдерживающим фактором. Кстати, от Львова до Рима ехать почти столько же, сколько от Львова до Луганска. Депопуляция неизбежно приведет к тому, что не только в селах, но и в небольших городах квартиры и дома будут стоять пустыми, то есть появится значительный излишек жилищного фонда, который уже существует в некоторых городах Донбасса и на Днепропетровщине. Для того чтобы эти населенные пункты не ушли в небытие, городские власти должны всячески привлекать граждан из других регионов бесплатным или льготным жильем, субсидиями для переезда, выгодным трудоустройством, бесплатным переобучением или повышением квалификации, а также общим ростом благоустройства и безопасности городской среды. Парал-

лельно неминуемо должно начаться и повышение уровня оплаты труда. Лишь тогда Украине удастся не только вернуть «временно одолженный» рабочий потенциал из-за границы, но и приумножить его за счет внешней миграции. При выполнении этих условий в страну неизбежно начнут массово прибывать иммигранты из других стран, за которых будет вестись конкурентная борьба. При этом всем гражданам Украины придется в полной мере осваивать навыки совместного проживания с представителями других культур и обычаев, и потому лучше начинать готовиться к этому заранее, тщательно продумав, какую модель иммиграционной политики должно выстраивать украинское государство.

Между тем нынешнее национальное законодательство, невзирая на «европейскую» риторику властей предрекающих, откровенно антиевропейское. Оно, в частности, уравнивает всех иммигрантов независимо от уровня квалификации и необходимости их профессии для дальнейшего развития украинской экономики. В результате европейцу, для того чтобы трудоустроиться на Украине, нужно пройти чрезвычайно сложный бюрократический путь. Предъявляемые суровые требования ни на чем не основываются, ведь невозможно представить французов или англичан, которые торгуют секонд-хендом где-нибудь в Лубнах на оптовом базаре, или голландцев, которые нелегально трудятся на стройках чернорабочими в Киеве или Донецке. Не изменив законодательство в этой части, украинское государство, по сути, не допускает европейских специалистов высокой квалификации в сфере менеджмента, инженеров, банковских служащих, которые многое могли бы сделать для модернизации нашей повседневной жизни и ее европеизации.

²⁸ Подробнее см.: Козак Л.В. Причини та наслідки трудових міграцій населення у соціологічному вимірі (на прикладі Львівського регіону) // Матеріали IV Всеукраїнської конференції «Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні» 21 травня, 2004. Київ. Соціологічна асоціація України. Данніе опроса цитуються с согласия автора.

Проблема миграции из Украины имеет еще один видимый, но вряд ли осознаваемый обществом аспект. Из страны выезжают квалифицированные кадры, которые при нынешней деградации системы образования просто некому заменить. Почему-то никто не задумывается, что у нас нет безграничного ресурса электриков, атомщиков, инженеров, токарей, слесарей, агрономов, врачей, дантистов и т.д. и что на место каждого вышедшего то ли по естественным причинам, то ли из-за эмиграции, как правило, приходят хуже подготовленные и менее квалифицированные. Техногенные аварии, которые случаются на Украине в последнее время, происходят прежде всего из-за некомпетентности управленческих кадров.

В современной научной литературе есть такое понятие – «государства к югу от Сахары»²⁹. Это понятие скорее не географическое, а политологическое и экономическое. Его применяют для определения государств, которые после получения независимости не только не смогли модернизироваться и повысить жизненный уровень своего населения, но и потеряли даже то сомнительно хорошее, что оставили им в наследство колонизаторы. Это государства, которые имеют крайне коррумпированную бюрократию, способную лишь присваивать международную финансовую помощь и облагать избыточными налогами собственный народ. Хочется, чтобы Украину никогда не причислили к группе таких стран, потому что иначе наши дети и дальше будут спорить, скоро ли мы попадем в Европу, забыв, что

географический центр материка расположен на нашей территории.

Судя по опыту Украины, можно с уверенностью сказать, что отсутствие у властей предрержащих желания и умения осуществлять модернизацию экономики и проводить реальные, а не фиктивные реформы во всех сферах жизни в современном мире влечет за собой «голосование ногами». А понимание того, что самая большая ценность государства – его граждане, трудовые ресурсы, в конечном счете, является основным показателем его демократического и социального развития. Для многих стран уже давно стало очевидным, что квалифицированные и здоровые граждане намного важнее нефти, газа и прочих природных ресурсов. XXI столетие вновь будет столетием борьбы за людей. Успехи США и других стран во второй половине XX века в значительной мере связаны с политикой открытости, которая не только способствовала распространению демократических ценностей, но и обеспечивала обмен идеями и достижениями в различных отраслях науки и производства, их быстрое заимствование и внедрение, привлечение необходимой рабочей силы извне, которая со временем пополняла ряды граждан.

Политические дебаты относительно того, насколько открытым для иммиграции должно быть государство, будут длиться до тех пор, пока будет существовать этот институт упорядочения человеческого сосуществования. Ясно одно – необходимо взвешенно оценивать риски и преимущества открытого общества. Минимизируя риски, в полной мере пользоваться преимуществами.

²⁹ Подробнее см.: *Fukuyama F. State-Building. Governance and World Order in the 21st Century. Cornell University Press, 2004.*

*Людмила Васильевна Андриченко,
доктор юридических наук,
заведующая отделом правовых
проблем федерализма Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации*

Проблемы государственно- правового регулирувания миграции в России в контексте обеспечения национальной безопасности

Миграция населения представляет собой неотъемлемый признак любого цивилизованного общества, обеспечивающего реализацию основных прав человека, включая право на свободу передвижения. Глобализация усиливает процессы миграции, делая ее не только национальной, но и международной проблемой, требующей принятия решений на межгосударственном уровне.

Как и многие другие социальные явления, миграция оказывает неоднозначное влияние на развитие государств. В целом она позитивно воздействует на социально-экономические и политические отношения в них, способствует совершенствованию производительных сил, интеграции международного сообщества, культурному сближению народов и национальных групп. В то же время при неконтролируемом характере миграции уровень обеспечения безопасности государств резко снижается. Это особенно необходимо учитывать в настоящий период, когда мировое сообщество столкнулось с небывалым ростом террористических угроз и насилия.

В том числе и под влиянием миграции происходит «размывание» национальных границ, национально-культурной идентичности отдельных народов, а иногда и полная утрата ими своей национально-культурной самобытности,

что нередко сопровождается серьезными межнациональными конфликтами. Однако рассматривать эти проблемы только лишь в аспекте миграции едва ли было бы правильно, поскольку они являются скорее результатом в целом глобализации, сопровождающейся массовой унификацией.

Россия активно вовлечена в динамику мировой миграции населения и за прошедшее десятилетие вышла на второе место в мире после США среди принимающих стран¹. Ее привлекательность для мигрантов обусловлена многими причинами, главные из которых: окружение России странами с более низким уровнем социально-экономического развития и доходов граждан при массовой безработице; относительно благоприятная визовая политика России, а также наличие безвизового режима со многими странами, прежде всего СНГ; сохраняющиеся недостатки в системе иммиграционного контроля; геополитическое положение, позволяющее использовать территорию России в качестве плацдарма для транзитного проезда в западные страны, и др. Одни из этих причин носят объективный характер, другие – обусловлены недостатками государственно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации.

Особую обеспокоенность вызывает незаконная миграция из так называемых «стран риска», в первую очередь – азиатского и ближневосточного регионов, в которых сильны позиции террористических организаций, связанных с незаконной торговлей людьми, оружием и наркотиками. Специалисты прослеживают тенденцию к превращению России в евразийский транзитный «коридор», используемый мигрантами из Азии и Африки, стремящимися попасть в Западную Европу и другие развитые страны мира.

«Транзитная» миграция управляется хорошо организованными криминальными структурами, специализирующимися на переправке нелегальным путем людей через границу, а нередко и работорговле. Деятельность многочисленных фирм, оказывающих посреднические услуги по легализации незаконно въехавших или пребывающих на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, стимулирует тем самым незаконную миграцию.

Все это актуализирует проблему усиления контрольно-надзорных функций государства в указанной сфере. Не случайно контроль над миграционными процессами, пресечение нелегальной миграции названы президентом РФ одной из ключевых задач государства². Точно так же и во многих других странах (например, США, Франции, Великобритании, Германии, Италии) контроль над миграционными потоками входит в число приоритетных направлений концепций внутренней безопасности этих государств.

В России неоднократно ставился вопрос о необходимости разработки и утверждения критериев и параметров (пороговых значений) национальной безопасности в сфере трудовой миграции, особенно ее нелегальной составляющей, а также последующего их включения в перечень показателей национальной безопасности. В настоящее время такие пороговые значения разрабатываются и используются в ряде стран Америки и Западной Европы. Представляется, однако, что разработка и применение этих показателей не должны приводить к нарушению прав человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, поэтому они должны проходить строгую экспертизу на предмет соответствия их нормам и принципам международного права и Конституции государства.

¹ См.: Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад Глобальной комиссии по международной миграции / 1 K REF / 05/ 01. 2006. С. 85.

² См.: Интернет-конференция президента России В.В. Путина 12 июля 2006 года [http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/12/1724_type63376_108539.shtml].

Наибольший поток мигрантов в Россию в настоящее время составляет трудовая, или социально-экономическая миграция. Часть перемещений связана с воссоединением семей, возвращением на историческую родину, а также иными индивидуальными мотивами. Сохраняется, хотя и в гораздо меньших масштабах по сравнению с началом и серединой 1990-х годов, вынужденная миграция. Среди вынужденных мигрантов – очень незначительная доля беженцев, однако как остаточное явление имеются проблемы, связанные с социально-экономическим обеспечением уже признанных вынужденных переселенцев³. При этом из-за недостатков в контроле со стороны государства каждый из названных видов миграционных процессов сопровождается нелегальной миграцией, которая все еще продолжает составлять достаточно большой поток⁴. Таким образом, все перечисленные виды миграции являются компонентами проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации⁵.

Существующая парадигма исследуемой проблемы позволяет рассматривать миграцию в различных аспектах обеспечения безопасности – военном, экономическом, международном, социальном, демографическом, культурном, этническом, эпидемиологическом и др. Это объясняется значительной детерминированностью миграции направлениями развития общества и государства в целом, причем нередко не одного государства, а сразу нескольких. Кроме того, связь миграции и безопасности изначально носит двусторонний характер: это не только безопасность общества,

государства и его граждан, затрагиваемых миграционными процессами, но и безопасность самих мигрантов, которая во многом зависит от видов совершаемых ими перемещений и их оснований.

Вопросы национальной безопасности в сфере миграции возникают в связи с теми угрозами, которые она может нести при отсутствии надлежащего контроля со стороны государства. В большинстве своем эти угрозы очевидны: рост преступности, в том числе коррупции в действиях должностных лиц; нарушение сложившегося этнического баланса населения и подавление прав и интересов отдельных этнических общностей; нарушение стабильного социально-экономического развития территорий; значительные финансовые потери бюджетов, наносящие урон экономической стабильности; нарушение санитарно-эпидемиологической обстановки; экспансия граждан иностранных государств в приграничные регионы, приводящая к конфликтам во взаимоотношениях с этими государствами, и др.

Так, по информации МВД России, иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается около 3% преступлений в стране. Нелегальные мигранты создают неконтролируемый рынок товаров и услуг, который деформирует официальный рынок труда, уклоняются от уплаты налогов, ведут незаконную коммерческую деятельность. По приблизительным оценкам, прямые убытки, наносимые нелегальными мигрантами, в виде неуплаченных налогов составляет 200 млрд руб. в год. Формируется значительный теневой оборот финансовых средств, которые использу-

³ В настоящее время остаются необустроенными более 34 тыс. семей вынужденных переселенцев. Для решения этой проблемы требуется около 32 млрд руб. средств федерального бюджета.

⁴ По данным ФМС, на конец 2006 года в стране продолжало находиться свыше 10,2 млн мигрантов с неурегулированным статусом, то есть не имеющих законных оснований для пребывания и осуществления трудовой и иной деятельности на территории РФ.

⁵ Хотя миграция извне квалифицируется как низкоинтенсивная угроза, она в то же время рассматривается как системный компонент почти всех прочих угроз, в том числе и более опасных, а ее возможное отрицательное воздействие фиксируется на всех уровнях. См. об этом: *Подшивалов В.* Незаконная миграция: международно-правовой подход // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2002. № 4. С. 190.

ются для обеспечения преступной деятельности, а также легализуются путем приобретения наиболее рентабельных предприятий, что создает угрозу экономической безопасности страны⁶.

Учитывая многообразие угроз, их можно рассматривать в зависимости от того, какие виды отношений, связанных с реализацией национальных интересов в области миграции, они затрагивают. Это могут быть угрозы, возникающие в сфере обеспечения государственной целостности, единства системы государственной власти, целостности и неприкосновенности территории; в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина; в экономической, этнокультурной, демографической сфере, и другие.

Безусловно, чаще всего данные угрозы являются следствием незаконной или неконтролируемой миграции. Однако важно заметить, что негативные последствия могут возникать даже при законных формах миграции, если нет четкой стратегии национального развития в миграционной сфере, учитывающей долгосрочные интересы государства.

Так, отсутствие продуманной политики расселения мигрантов, их интеграции в принимающие сообщества может привести к формированию в отдельных регионах устойчивых этнических общин выходцев из других стран. Последнее, в свою очередь, может стать основанием для вмешательства этих стран во внутреннюю политику России под предлогом поддержки своих соотечественников. Другой, более тяжелый для государства вариант – когда подобные анклав мигрантов создаются вблизи границ. В случае вытеснения российских граждан с данных территорий возможен их постепенный захват с после-

дующей утратой над ними суверенитета Российской Федерации. Угрозы демографической экспансии может усиливать экономическая экспансия со стороны приграничного государства. В связи с этим особое значение приобретает планирование расселения мигрантов по территории России, в том числе с точки зрения их этнического, конфессионального состава. Такое планирование должно осуществляться в целях предотвращения масштабного заселения приграничных территорий мигрантами из соседних государств, исключения чрезмерной концентрации населения в одних регионах и запустения в других.

На сегодняшний день эта проблема наиболее актуальна для Сибири и Дальнего Востока, где наблюдается отток постоянного населения и перемещение его в западные и центральные регионы⁷. Вместе с тем проблема расселения существует и на юге России. Например, если проанализировать плотность населения на территории Южного федерального округа (ЮФО), то окажется, что разница в количестве жителей на квадратный километр здесь, в зависимости от региона, колеблется в сотни раз. Так, в Ингушетии средняя плотность населения составляет 127 человек на км², при этом почти три четверти его проживает на 10% территории республики – в Сунженской долине и прилегающих участках, где плотность населения составляет свыше 600 человек на км² (это максимальный показатель для России), еще 15% – в верхней части Алханчурской долины и 5% – в долине Ачалука. На остальных 85% территории республики проживает менее 5% населения Ингушетии. Миграция в перечисленные густозаселенные регионы приведет к переизбытку трудо-

⁶ См. об этом: Рекомендации «круглого стола» на тему «Незаконная миграция, ее влияние на криминогенную обстановку в Российской Федерации. Проблемы законодательного обеспечения борьбы с незаконной миграцией», проведенного Комитетом по безопасности Государственной думы Федерального собрания РФ 4 декабря 2006 года. М., 2006.

⁷ См.: Воробьева О. Миграция населения. Вып. 6. Миграционная политика. М., 2001. С. 120–121. К сожалению, не принимаются меры и по поддержанию социально-экономического благополучия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, что также ведет к ослаблению позиций России на данных территориях.

вых ресурсов, усложнит и без того тяжелое положение в области занятости, снизит уровень жизни населения, может спровоцировать конфликты на этнической почве. В то же время в северо-восточной части ЮФО более половины территории имеет минимальную плотность населения (как в Сибири). Так, на северо-западе Дагестана она составляет в некоторых районах до 2 человек на км².

Несмотря на наличие названных проблем государство уделяет недостаточно внимания вопросам внутренней миграции населения. К сожалению, в последние полтора десятилетия произошел отказ от ее регулирования. Дальнейшая пассивная политика государства в отношении заселения указанных регионов может нанести существенный вред геополитическим и социально-экономическим стратегическим интересам России, не только из-за невозможности реализации на данных территориях крупных инвестиционных проектов, но и других, более тяжелых последствий. Внутренняя миграция играет важную роль в экономическом развитии, так как благодаря ей повышается эффективность пространственного размещения ресурсов и сглаживаются региональные различия в доходах и занятости. В связи с этим политика расселения мигрантов, которая является частью общей политики государства в области народонаселения, должна формироваться в первую очередь на федеральном уровне, хотя ее реализация будет обеспечиваться как федеральными, так и региональными органами.

В недавнем прошлом слабость и непродуманность политики расселения мигрантов приводила к созданию устойчивых этнических общин в отдельных населенных пунктах и разделению труда в них на основе этнонациональной сегрегации работников, захвату мигрантами определенных секторов экономи-

ки с вытеснением из них постоянного населения, нарушению прав граждан России, прав отечественных товаропроизводителей, а в ряде случаев и к межнациональным конфликтам. Подобные примеры не раз освещались в средствах массовой информации. Реакцией государства на указанную проблему стало принятие 30 декабря 2006 года Федерального закона № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», требующего привести общее количество работников, являющихся иностранцами или лицами без гражданства, в соответствие с допустимой долей таких работников, установленной федеральным правительством для работодателей, осуществляющих на территории России определенные виды экономической деятельности.

Вместе с тем предпринимаемые меры направлены в основном на ограничение прав мигрантов, в то время как политики их расселения, адаптации и интеграции в российское общество пока не существует. Мигранты (так называемые новые меньшинства) часто являются представителями иной культуры, нежели принимающее их общество, привносят в него свои традиции и обычаи, иногда не просто чуждые постоянному населению, но и угрожающие его национальной идентичности. Это порождает сложнейшую задачу: сохранить единство нации (социальное, культурное, правовое), не нарушив прав человека (прав мигрантов на сохранение своей культуры и самобытности). Нередко мигранты, особенно вынужденные, не желают включаться в принимающее их общество. Стремясь сохранить этническую идентичность, они пытаются опираться на свои традиции и обычаи. Стереотипы поведения, не свойственные постоянно-му населению России, в свою очередь, стимулируют возрождение этнического самосознания ее народов⁸. В связи

⁸ См.: Кочетыгова Н. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2007. С. 5.

с этим необходима институционализация и правовое обеспечение вопросов расселения и адаптации мигрантов в деятельности многих органов, в том числе территориальных органов ФМС, региональных служб занятости и социальной поддержки населения, органов образования, культуры и массовых коммуникаций. Задача государства, не нарушая прав приезжих, путем правового регулирования таким образом интегрировать их в общество, чтобы культурные особенности, не соответствующие не только закону, но и нравственным ценностям местного населения, не провоцировали конфликты между представителями различных этносов. Суть такого подхода заключается в создании благоприятных возможностей для развития тех элементов самобытной культуры мигрантов, которые не нарушают прав и законных интересов местного населения, и в пресечении всего несовместимого с правом и моралью принимающего общества.

Определенную угрозу, прежде всего экономической и демографической составляющим национальной безопасности, несет за собой эмиграция из России квалифицированных трудовых ресурсов. Как известно, ее пик пришелся на начало и середину 1990-х годов, чему способствовала сложная социально-экономическая ситуация в стране. Если до середины 80-х годов численность выезжающих на постоянное жительство за границу ежегодно составляла 3 тыс. человек, то в 1990 году она превысила 100 тыс. человек и в последующие полтора десятилетия удерживалась на этом уровне. В настоящее время эмиграционная активность населения несколько снизилась и стабилизировалась.

При общем недостатке квалифицированных специалистов и кризисе демографической ситуации отток профессиональных кадров негативным образом отразился на развитии экономического, научного и культурного потенциала страны. К сожалению, точные потери от такого оттока нигде систематически не

отслеживались и не отслеживаются, поэтому уровень угроз национальной безопасности, связанных, в том числе, с определением их пороговых значений для интересов общества и государства, не отработан. Кроме того, необходимо учитывать, что к потерям для государства и общества ведет в основном постоянная эмиграция. Что касается временной эмиграции, носящей возвратный характер, то далеко не всегда она наносит урон безопасности страны. Как правило, в таких случаях речь идет о приобретении специалистами нового опыта, обмене кадрами между странами, что ведет к интеграции государств и сближению культур различных народов.

Острота и значимость описанных проблем требуют существенной активизации действий государства в регулировании процессов миграции, создания государственной миграционной политики, направленной, с одной стороны, на предотвращение нелегальной миграции в страну, а с другой – на привлечение квалифицированных легальных трудовых ресурсов из-за рубежа. Важным аспектом остается регулирование внутренней миграции, направленное на рациональное размещение демографических ресурсов с учетом интересов экономического развития и национальной безопасности.

Необходима выработка качественно, отвечающего задачам обеспечения национальной безопасности законодательства как основного инструментария в области осуществления государственной миграционной политики. Правовое регулирование отношений в сфере миграции в России в настоящее время развивается достаточно динамично. Однако не всегда удается избежать ошибок и просчетов, связанных с появлением коллизий правовых норм, пробелов правового регулирования отдельных отношений, его неполным соответствием международным стандартам и др. Не во всех случаях, правда во многом по объективным социально-экономическим причинам (низкий уро-

вень оплаты труда в бюджетной сфере, дорогой рынок жилья, слабая обеспеченность социальными услугами, нередко негативное отношение к мигрантам в обществе и др.), законодательство Российской Федерации способствует повышению конкурентоспособности страны на мировом рынке рабочей силы. Активная иммиграционная политика осуществляется преимущественно за счет низкоквалифицированной рабочей силы. В конкуренции же за качественную рабочую силу Россия проигрывает западным странам.

Такая ситуация в развитии миграционного законодательства обусловлена рядом причин. Прежде всего, нельзя не учитывать, что Россия не могла опираться на предшествующий опыт законодательного регулирования миграционных отношений в советский период, поскольку СССР был закрытым государством в плане внешней миграции, и законодательное регулирование в миграционной сфере почти не развивалось. России, признавшей международные стандарты свободы передвижения, приходилось формировать правовое регулирование миграционных отношений фактически «с нуля». Использование зарубежного опыта в указанной сфере было не всегда возможным, учитывая различия в социально-экономических условиях жизни населения.

Следует принять во внимание и тот факт, что за относительно короткий период в России произошло качественное изменение структуры миграционных потоков: в начале 1990-х годов основной их состав формировался вынужденными мигрантами (беженцами и вынужденными переселенцами), в то время как в настоящее время – трудовыми мигрантами. Это требует достаточно быстрой смены миграционной политики и законодательной базы, которая не всегда успевает за развитием соответствующих отношений.

Наконец, существенно изменился уровень и характер угроз безопасности, в том числе вызванных глобализацией

и развитием международной миграции, что требует постоянной актуализации законодательной основы регулирования миграционных отношений.

Последние несколько лет были достаточно продуктивными в плане развития законодательства в области миграции, а также законодательства, тесно связанного с решением данных вопросов. Это особенно заметно на фоне существовавшей в начале и середине 1990-х годов индифферентной политики государства по отношению к добровольной миграции. С начала 2000-х годов приняты и вступили в действие федеральные законы «О гражданстве» (2002), «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (2002), «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (2006), «О персональных данных» (2006) и др. Помимо этого, были внесены изменения в Уголовный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях РФ в связи с установлением мер уголовной и административной ответственности за нелегальную миграцию и привлечение иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе незаконно находящихся на территории государства, к трудовой деятельности в нарушение установленных правил.

Принятые законы непосредственно затрагивают вопросы определения правового статуса мигрантов, обеспечивая установление паспортно-визового режима, упорядочение системы регистрации и учета иностранных граждан и лиц без гражданства, закрепление ответственности за нарушение миграционного законодательства. Ими предусматривается различный режим пребывания и проживания, а также занятия трудовой деятельностью для иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России.

Помимо этого, в области миграции накопилась значительная по количеству актов нормативная правовая база на подзаконном уровне. Она касается регулирования введения иммиграционных

карт; утверждения правил расходования средств федерального бюджета на мероприятия по депортации либо административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации при невозможности установления приглашающей стороны; утверждения порядка выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на работу; утверждения положения о выдаче разрешений на временное проживание в России и определения объема соответствующих квот; порядка выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство; установления порядка предоставления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранного гражданина на период пребывания в Российской Федерации; создания и ведения центрального банка данных по учету иностранных граждан, временно пребывающих и проживающих в России, и установления порядка использования информации указанного банка данных и др.

Достаточно высокий удельный вес подзаконных актов в миграционном законодательстве во многом объективен и связан с наличием в данной сфере значительного количества административных процедур (таких как квотирование, выдача разрешений, регистрация, выдворение, депортация, учет и др.) и установлением на этой основе порядка реализации государственных полномочий исполнительными органами власти. Однако в определенной степени такое положение обусловлено и «ущербным» содержанием действующих законов, стремлением законодателя уйти от регламентации конкретных вопросов обеспечения и защиты прав мигрантов.

Чрезмерное использование в законах норм отсылочного характера к актам подзаконного уровня нарушает принцип прямого действия закона, поскольку

создает ситуацию зависимости его действия от сроков принятия, а иногда и содержания текста подзаконных актов. Это означает, что само по себе принятие закона является недостаточным для правового регулирования миграционных отношений и, пока не создана соответствующая закону подзаконная база, он фактически не будет работать, даже если юридически вступил в силу. Примеры законодательного регулирования в области миграции свидетельствуют, что к моменту вступления закона в силу подзаконная база зачастую бывает не только не принята, но даже и не подготовлена. В связи с этим период реального вступления закона в силу иногда растягивается на довольно длительный срок. Так, подзаконная база по Федеральному закону «О беженцах» (в редакции 1997 года) создавалась на протяжении более чем шести лет.

Нередко действие одного закона требует принятия десятка актов подзаконного уровня. Например, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержит более 15 отсылок к актам Правительства РФ. Таким образом, наблюдается устойчивая тенденция нарастания подзаконного регулирования в ущерб законодательному. В настоящее время в сфере миграции действует свыше 57 федеральных законов, из них непосредственно направлено на регулирование миграционных отношений лишь около 18. В то же время постановлений Правительства РФ и иных нормативных правовых актов – свыше 180, не считая тех, принятие которых предусмотрено федеральными законами, но еще не осуществлено на практике⁹.

Более того, регулирование отдельных видов отношений в сфере миграции в настоящее время вообще осуществляется в основном на подзаконном уровне. В качестве примера можно сослаться на регламентацию отношений

⁹ См.: Хабриева Т. О совершенствовании правовых основ противодействия незаконной миграции в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. Вып. 4 (№ 7). С. 8.

в сфере добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников из-за рубежа. Так, утвержденная Указом президента РФ от 22 июня 2006 года № 637 Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, включает План мероприятий по правовому обеспечению Программы, в котором содержится указание на подготовку актов только подзаконного уровня¹⁰. Какие-либо меры, касающиеся принятия специальных законов, направленных на регулирование процесса добровольного переселения и обеспечения прав переселенцев в Российскую Федерацию из числа российских соотечественников, не предусматриваются. Это может быть допустимо с точки зрения обеспечения оперативности правового реагирования, но при этом должны неукоснительно соблюдаться требования к пределам и предмету правового регулирования в соответствии с действующей иерархией нормативных правовых актов в Российской Федерации. Поскольку указанные отношения касаются сфер конституционного регулирования, предусмотренных статьями 71 и 72 Конституции РФ, так как затрагивают права человека, они требуют прежде всего их регламентации на уровне федеральных законов.

Таким образом, законодательная база регулирования миграционных отношений в количественном и качественном отношении все еще явно недостаточна. Она не в полной мере отвечает потребностям правоприменительной практики. Не всегда обоснованно разграничиваются полномочия между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, вследствие чего основная нагрузка по регулированию миграционных процессов и обеспечению прав миг-

рантов ложится на федеральные органы государственной власти и федеральный бюджет; органы государственной власти субъектов РФ оказываются отстраненными от решения многих проблем в области миграции населения, в том числе непосредственно затрагивающих их региональные интересы.

Отрицательно характеризует законодательство в сфере миграции его неполнота, пробельность, отсутствие стабильности правовых установлений. На сегодняшний день оно относится к наиболее изменчивой части правовой системы государства. Многие из принятых федеральных законов («О гражданстве Российской Федерации», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и др.) в течение периода их действия подвергались неоднократной доработке, прежде всего в связи с изменениями социально-экономических условий, но также и из-за выявленных пробелов правового регулирования. В ряде случаев такие изменения носили концептуальный характер. Это снижает гарантии правового регулирования, создавая ситуацию неуверенности в его прочности для потенциальных мигрантов, затрудняет налаживание устойчивой работы органов государственной власти.

Негативными моментами следует признать также хаотичность нарастания миграционного законодательства, отсутствие системного и комплексного подхода к его развитию, что приводит к фрагментарности в регулировании отдельных направлений и видов миграции. Во многом это обусловлено тем, что не существует четкой государственной миграционной политики. Проект Концепции государственной миграционной политики уже на протяжении нескольких лет находится на разработке в Правительстве РФ, однако

¹⁰ См.: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 года № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820.

его принятие неоправданно затягивается. Между тем принятие такой Концепции на уровне указа президента РФ позволило бы четко определить стратегию развития государства в указанной сфере, обозначить цели, приоритетные направления, механизмы, а также ожидаемые результаты решения основных задач. Таким образом, Концепция явилась бы общим ориентиром деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в области регулирования миграционных процессов.

Ее отсутствие частично восполняет одобренная распоряжением Правительства РФ от 1 марта 2003 года Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (№ 256-р). К сожалению, конкретные вопросы совершенствования государственного регулирования вопросов миграции излагаются в ней в весьма общем виде, без указания этапов и сроков их реализации в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе¹¹.

Такой подход в некоторой степени отражен в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы) и Плане действий Правительства Российской Федерации по реализации положений Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы), утвержденных распоряжением Правительства РФ от 19 января 2006 года № 38-р. Вместе с тем в названных документах, посвященных общим вопросам социально-экономического развития страны, недостаточное внимание уделяется многим специфическим миграцион-

ным проблемам, которые требуют дополнительного регулирования на уровне отдельного программного правительственного документа.

В миграционной политике, к сожалению, не получил должного развития программно-целевой метод регулирования. Он мог бы оказать существенную помощь в решении проблемы добровольного переселения в малонаселенные места, регулирования рынка труда, поддержки социально незащищенных категорий мигрантов, распределения материальных и финансовых средств, направляемых из бюджета на цели миграционной политики, налаживания контроля за их реализацией. Только принятием нормативных актов без использования иных ресурсов невозможно достичь необходимых результатов. В этой связи представляется ошибочным решение Правительства РФ 2001 года об исключении из перечня государственных программ федеральной миграционной программы, которая позволяла обеспечивать скоординированную работу органов государственной власти и местного самоуправления по регулированию миграционных процессов.

За последние годы в стране на федеральном уровне в миграционной сфере принята только одна, уже названная Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹². Ранее в России опыт принятия федеральных целевых программ в сфере миграции существовал¹³. Однако они, как правило, определяли общие направления развития миграционной ситуации в стране. В отличие от них Государственная про-

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 10. Ст. 923.

¹² В определенной мере программный характер носит Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации, утвержденная постановлением Правительства РФ от 5 апреля 1999 года № 370. Вместе с тем этот документ лишь опосредованно можно рассматривать как один из источников регулирования миграционных отношений.

¹³ Так, Правительство РФ своим Постановлением от 18 мая 1992 года № 327 утвердило первую республиканскую долговременную программу «Миграция». Затем Указом президента РФ от 9 августа 1994 года № 1668 (в ред. Указа президента РФ от 13.06.1996 № 881) была утверждена вторая Федеральная миграционная программа. Впоследствии Постановлением Правительства РФ от 10 ноября 1997 года № 1414 была утверждена еще одна Федеральная миграционная программа на 1998–2000 годы. В ноябре 1994 года Правительством РФ была утверждена Межведомственная программа мер по регулированию миграции научных и научно-технических кадров.

грамма имеет четкую направленность – она нацелена на стимулирование и организацию процесса переселения соотечественников на основе повышения миграционной привлекательности регионов России.

Программы содействия добровольному переселению и обустройству соотечественников принимаются также в субъектах федерации¹⁴. В некоторых из них действуют и общие программы в сфере миграции¹⁵. Однако так дело обстоит далеко не везде, причем нередко таких программ нет даже в тех субъектах федерации, социально-экономическое развитие которых оказывается под сильным влиянием миграционных потоков. К тому же в отсутствие четкого разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ в сфере регулирования миграционных процессов и обеспечения прав мигрантов региональные программы нередко дублируют нормы соответствующих федеральных правовых актов либо содержат значительное количество декларативных положений.

Принятие федеральных целевых программ в области миграции населения позволило бы сконцентрировать усилия государства в данном направлении. В связи с этим можно обратить внимание на то, что во исполнение поручений Правительства РФ от 26 декабря 2005 года № АЖ-П12-6458 и от 6 февраля 2006 года № АЖ-П12-391 Министерством внутренних дел РФ был разработан и согласован с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти (МИД, Минздравсоцразвития, Минрегион, Минобрнауки, Минфин, Минюст, ФСБ) План мероприятий по противодействию нелегаль-

ной миграции на 2006–2008 годы. На его основании федеральные органы исполнительной власти разработали собственные планы. Учитывая, что задачи по противодействию незаконной миграции должны решаться разными ведомствами, применение программно-целевого метода регулирования позволяет сделать их деятельность комплексной, системной и эффективной. Наряду с формированием федеральной целевой программы в сфере регулирования миграции более широкое развитие должны получить и ведомственные целевые программы.

К сожалению, в России не ведется всестороннее текущее и долгосрочное прогнозирование миграции по единой для всех регионов методологии. Данная функция должна осуществляться на базе мониторинга, проводимого под руководством ФМС. Очевидно, что только благодаря установлению такой системы прогнозирования и мониторинга можно будет четко определять потребности в иностранной рабочей силе как в территориальном разрезе, так и по профессиям, специальностям, уровню квалификации, что обеспечит селективный характер миграционной политики. В последнее время определенные шаги в этом направлении стали предприниматься. Так, Правительством РФ 22 декабря 2006 года было принято Постановление № 783 «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации»¹⁶.

Потребности в привлечении иностранных работников и формирование

¹⁴ Например, в Амурской, Калужской, Липецкой, Новосибирской, Калининградской, Иркутской, Тамбовской, Тверской, Тюменской областях, Приморском, Хабаровском, Красноярском краях и ряде других субъектов РФ.

¹⁵ См., например: Московская городская миграционная программа на 2005–2007 годы, утвержденная постановлением Правительства Москвы от 28 июня 2005 года № 491-ПП. Региональные программы регулирования миграционных процессов приняты в Мурманской, Оренбургской, Свердловской, Пензенской, Курганской областях и ряде других субъектов федерации.

¹⁶ См.: Российская газета. 2006. 31 декабря. № 297.

квот определяются в целях поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов в субъектах федерации с учетом видов экономической деятельности, профессий, специальностей и квалификации, а также страны происхождения (государства гражданской принадлежности) иностранных работников. При этом сохраняется основное требование необходимости содействия трудоустройству в приоритетном порядке граждан РФ.

Вместе с тем значительный нелегальный сектор использования иностранной рабочей силы во многом затрудняет оценку и прогнозирование потребностей работодателей в иностранных рабочих. Поэтому обеспечить точное прогнозирование станет возможным только тогда, когда будет устранено это препятствие.

В указанном Постановлении речь идет лишь о краткосрочном планировании (на один год) привлечения и использования иностранной рабочей силы. Между тем необходимо также среднесрочное и долгосрочное планирование на основе прогнозов социально-экономического и демографического развития территорий (численности безработных граждан, ожидаемого высвобождения работников, перспектив изменения спроса на рабочую силу в связи с появлением новых крупных инвестиционных проектов и т.д.).

Следует отметить также, что в настоящее время к деятельности по определению потребности территорий в иностранных рабочих практически не привлекаются органы местного самоуправления. Это наглядно проявляется в содержании названного Постановления. В нем упоминается только, что уполномоченные органы субъектов РФ с участием органов местного самоуправления и трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений субъектов РФ информируют

работодателей о порядке подготовки предложений о потребности в привлечении иностранных работников. При этом суть такого участия органов местного самоуправления в решении названных вопросов не раскрывается. Это обусловлено в целом отсутствием в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» каких-либо положений, которые бы предоставляли органам местного самоуправления право на участие в регулировании миграционных отношений.

Важным направлением государственной деятельности в сфере миграции является создание государственной информационной системы миграционного учета. К сожалению, несовершенство этой системы до сих пор остается одной из наиболее существенных проблем противодействия незаконной миграции. Положительную лепту в ее решение должен внести принятый летом 2006 года и вступивший в силу с 15 января 2007 года Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹⁷. Он регулирует отношения, возникающие при учете перемещений иностранных граждан и лиц без гражданства, связанных с их въездом в Российскую Федерацию, транзитным проездом через ее территорию, передвижением по ней при выборе и изменении места пребывания или жительства в пределах России либо выездом из страны. Кроме того, отношения, связанные с обеспечением учета временно и постоянно проживающих на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, регламентируются Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (пункт 9 статьи 6 и пункт 6 статьи 8). В целях реализации этого Закона Правительство РФ своим Поста-

¹⁷ См.: Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.

новлением от 17 января 2007 года № 21 утвердило Правила подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства уведомления о подтверждении своего проживания в Российской Федерации¹⁸. Таким образом, идет поэтапная замена разрешительного порядка привлечения иностранных работников на уведомительный.

Вместе с тем в контексте противодействия незаконной миграции и обеспечения национальной безопасности необходим также полный учет правонарушителей из числа иностранных граждан и апатридов, въезжающих, находящихся или покидающих территорию России. Такой учет должен вестись с указанием состава, места, времени, количества и иных обстоятельств совершенных ими правонарушений, включая материалы, не вошедшие в административное или уголовное дело, либо по которым не была собрана достаточная доказательственная база. Формирование такого рода «черных списков» иностранных граждан и лиц без гражданства практикуется в некоторых зарубежных странах, что позволяет эффективно выявлять лиц, чей въезд на территорию государства нежелателен, и, как следствие, отказывать им в предоставлении визы или иного разрешения на въезд. Частично указанные вопросы регламентируются на подзаконном уровне, а также имеется упоминание об этом в статье 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Однако следует более четко отразить соответствующие нормы на уровне федерального закона, поскольку это сфера обеспечения прав человека.

До сих пор отсутствует законодательное регулирование процедур административного выдворения и депортации иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации. Депортация является административно-восстановительной мерой, и для ее применения не требуется принятие судебного решения. Таким образом, она могла бы более широко использоваться как оперативный инструмент пресечения незаконной миграции. Однако неполнота законодательной основы регулирования данной административной процедуры приводит к тому, что она, в отличие от выдворения, почти не используется.

Названные и другие проблемы развития миграционного законодательства свидетельствуют о том, что государство пока полностью не овладело всеми механизмами и рычагами, способными превратить миграцию в фактор модернизации и развития отечественной экономики и социальной сферы в соответствии с национальными интересами России¹⁹.

Остается актуальной задача формирования адекватного законодательства, направленного на преодоление негативных последствий миграции и обеспечение безопасности государства. При этом нужно учитывать, что обеспечение прав мигрантов и регулирование миграции в интересах национальной безопасности – это два взаимосвязанных, а не взаимоисключающих друг друга процесса²⁰. Интересы мигрантов должны совпадать с интересами безопасности государства – только тогда можно будет говорить об эффективной государственной стратегии в этой сфере.

Необходимо дальнейшее развитие законодательства в области иммиграции

¹⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 17 января 2007 года № 21 «Об утверждении правил подачи иностранным гражданином или лицом без гражданства уведомления о подтверждении своего проживания в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 4. Ст. 526.

¹⁹ См.: Юсуфовский А. Современные миграционные процессы в Российской Федерации и их законодательное регулирование // Аналитический вестник Федерального собрания Российской Федерации. Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе. Серия: Проблемы национальной безопасности. 2004. № 1 (221).

²⁰ См.: Немытина М. Тенденции формирования правовой миграционной политики России // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 75.

в Российскую Федерацию; пресечения незаконной иммиграции и обеспечения действенных процедур выдворения из страны; совершенствования уголовной, административной и материальной ответственности за правонарушения в области миграции, учета и регистрации населения; противодействия миграции, связанной с международным терроризмом, торговлей и похищением людей, незаконным оборотом наркотиков и другими проявлениями транснациональной организованной преступности; разработки правовых условий трудовой внутренней миграции; регулируемого расселения переселенцев и др. Важное внимание должно быть уделено четкому разграничению полномочий федеральных и региональных органов власти, а также определению пределов участия местного самоуправления в регулировании миграционных процессов. Кроме того, требуется разработка критериев привлечения экономических мигрантов с учетом их профессиональных, личностных характеристик (например, знания языка и культуры народов России); специальных программ по привлечению высококвалифицированных зарубежных специалистов, в том числе на основе предоставления грантов; мер соци-

альной защиты иностранных работников.

Серьезные задачи стоят и в области теоретико-правовых основ развития миграционного законодательства, без которых его дальнейшее совершенствование будет затруднено. Речь идет прежде всего о разработке категориально-понятийного аппарата миграционного законодательства, а также о необходимости систематизации законодательства в указанной сфере, его более четкого позиционирования с другими отраслями законодательства РФ, приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами России.

Государственная политика в сфере миграции должна быть четко увязана с внутренней социально-экономической политикой. Для своевременного реагирования на изменения социально-экономической ситуации и потребности рынка труда необходимо отладить информационную систему, содержащую полные банки данных о количестве иностранных работников и качестве их профессионального потенциала. Только это обеспечит твердую основу и широкие возможности для развития миграционной политики государства.

Вячеслав Дмитриевич Попков,
доктор социологических наук,
профессор кафедры организационной
и социальной психологии Калужского
государственного педагогического
университета им. К.Э. Циолковского

Особенности формирования идентичности азербайджанцев в городах российской провинции (на примере Калуги)

Распад Советского Союза и глобальная трансформация общества послужили причиной усиления миграционных потоков на территории Российской Федерации и за ее пределами. За период с 1990 по 2000 год Россия увеличила свое население за счет миграции на 4,2 млн человек¹. Однако этот позитивный тренд лишь позволил смягчить демографические потери России, которые, к сожалению, будут возрастать в ближайшие годы. Негативная демографическая ситуация не может быть устранена только воспроизводством российского населения, хотя активная политика в этом направлении уже начала проводиться Правительством РФ. Важнейшим условием развития национальной экономики является привлечение в страну трудоспособных мигрантов и содействие их интеграции в российское общество. Это, в свою очередь, предполагает серьезные мероприятия по формированию не просто межэтнической толерантности, но и российской национальной (гражданственной) идентичности, что будет способствовать достижению необходимого уровня взаимопонимания в обществе.

Важность постановки такого вопроса обусловлена актуальными тенденция-

¹ *Зайончковская Ж.* Миграционный кризис и миграционный взрыв в России в 1980-е и в 1990-е годы // *Россия и ее регионы в XX веке. Территория – расселение – миграция.* Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 383–412.

ми развития этносоциальной структуры общества под влиянием процессов миграции и глобализации, когда этническая идентичность становится значимым фактором при формировании отношений в различных группах и в обществе в целом.

Интенсивный обмен культурными ценностями и расширившееся взаимодействие представителей разных культур явились причиной возникновения качественно новой ситуации, когда мигранты могут долгое время сохранять семью, жилье, связи, профессиональные и личные контакты как в стране исхода, так и в стране поселения. Интенсивность таких контактов благодаря современным средствам передвижения и массовой коммуникации может быть очень высока. По сути, это делает возможным проживание сразу в двух культурах, способствует глобализации таких этнических анклавов, которые получили название транснациональных (трансгосударственных) пространств или сообществ.

Существование многочисленных транснациональных сообществ мигрантов лишь подтверждает то, что индивиды гораздо легче адаптируются с помощью группы, во многих случаях совмещая индивидуальные и групповые стратегии адаптации. Это означает, что люди привыкают к новой среде, удовлетворяют свои потребности, занимаются какой-либо деятельностью не сами по себе (как индивиды), а как члены определенной культурной группы – этнической общины. И статус отдельных индивидов определяется в том числе и статусом общины как таковой. Таким образом, речь нужно вести не о совокупности «одинаковых» людей, следующих той или иной стратегии адаптации, а о целостном социальном феномене – диаспорной общине. Именно диаспорная община фигурирует в качестве реальной групповой страте-

гии адаптации, которой сегодня предпочитают придерживаться большинство мигрантов.

Для получения достоверной информации о диаспорных общинах необходимо учитывать множество факторов. К ним относится все многообразие волн миграции, степень ассимиляции, политика миграции в странах поселения и происхождения, особенности процессов изменения идентичности в стране проживания и многие другие характеристики. Процессы трансформации идентичности здесь особенно важны, поскольку степень вовлеченности членов диаспоры в политику страны исхода и страны поселения во многом зависит от возможности управления идентичностью, характера и особенностей ее динамики. Управление идентичностью означает способность усиливать, скрывать или манипулировать собственными этнорелигиозными признаками, чтобы создавать определенные впечатления, настроения и действия, которые должны приносить преимущества группе или минимизировать вред в ходе ее взаимодействия с другими группами. Иными словами, управление идентичностью направлено на то, чтобы защитить свои интересы и собственный стиль жизни. В случае диаспоры этот вопрос носит особенно сложный характер, поскольку стиль жизни и видение собственной группы постоянно изменяются².

В этой связи возникает необходимость подробного исследования динамики идентичностей, которыми обладают (и которые приобретают) непосредственные участники перемещений – члены диаспорных общин и транснациональных пространств.

В первой части настоящей статьи я попытаюсь изложить некоторые теоретические предпосылки к анализу диаспорной идентичности, а во второй – применить данный подход к анализу ма-

² Hettlage R. Diaspora: Umrisse zu einer soziologischen Theorie // M. Dabag und K. Platt (Hg.). Identität in der Fremde. Universitätsverlag, Bochum, 1993. S. 75–105.

териалов полевого исследования, проведенного в 2001–2002 годах в Калуге³.

К вопросу об идентичности диаспорных групп

В рамках данного проекта под диаспорными общинами понимались наиболее организованные части диаспоры, члены которых обладают выраженной культурной идентификацией, связаны между собой, а также с другими частями диаспоры сетью устойчивых коммуникаций и образуют внутри себя «группы влияния». Кроме того, существование людей, которых ученые относят к диаспоре, предполагает не только наличие множества устойчивых общин, объединенных сетью коммуникаций, но и способность к сохранению и воспроизведению новых единиц-общин и постоянному обновлению коммуникативных сетей. В этом случае уместно говорить об организации между общинами диаспоры, в смысле определенной упорядоченности и рациональности отношений, что позволяет максимально быстро и эффективно реагировать на множество внешних воздействий⁴.

Я исхожу из гипотезы, что условия диаспоры, связанные с реалиями как минимум двух культур, способствуют развитию множественной идентичности. Она включает в себя не только разнобразное членство индивидов в разных группах согласно полу, религии, профессии и т.д., но и единые пространства в социальных, экономических и культурных сферах, характерных как для страны проживания, так и для стра-

ны происхождения. Другими словами, современные диаспорные сообщества предлагают своим членам сразу несколько социальных идентичностей⁵.

Существует достаточно много подходов, авторы которых придерживаются подобной позиции⁶. Однако в них опускается объяснение того факта, как формируется та основа, с помощью которой индивид может отнести себя к достаточно ограниченному кругу этнических сообществ (чаще всего – только к одному). И едва ли не единственно приемлемое объяснение этому факту мы находим у примордиалистов, которые рассматривают этническую идентичность как «врожденную» категорию.

Действительно, объяснить феномен «устойчивости» этничности, который во многих случаях наблюдается не одно столетие, кажется весьма сложным, не прибегая к помощи примордиалистского подхода. В то же время можно привести массу примеров, когда этничность имеет совершенно «свежее» происхождение, формируясь прямо «на глазах». Этот факт, в свою очередь, ставит примордиалистов в тупик, заставляя прислушиваться к конструктивистскому и инструменталистскому объяснениям этничности.

Ведь, следуя логике примордиалистов, формирование диаспорной идентичности обречено на неудачу, поскольку она является вторичной по отношению к «врожденной» этнической привязанности. Вопрос о том, что делать с диаспорами и другими видами транснациональных сообществ, члены

³ Исследование проводилось при поддержке Фонда Дж. Д. и Кэтрин К. Макаруров.

⁴ Более подробно см.: Попков В. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития. Дисс. докт. соц. наук, М.: ИС РАН, 2003; *оп. же.* Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003.

⁵ См., напр.: Dabag M., Platt K. Diasporas und kollektive Gedachtnis. Zur Konstruktion kollektiver Identitäten in der Diaspora // M. Dabag und K. Platt (Hg.). Identität in der Fremde. Bochum, 1993. S. 117–145.

⁶ См., напр.: Дробужева Л. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М., 1994. С. 16–47; Солдатова Г. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi, 1991; Der-Karabetian A. Vielfältige soziale Identität als Reflektion der Moderne // Identität in der Fremde. (Hg.) von Mihran Dabag und Kristin Platt. Bochum, 1993; Roth K. “Bilder in den Köpfen”. Stereotypen, Mythen, Identitäten aus ethnologischer Sicht // Das Bild vom Anderen. Identitäten, Mentalitäten und Stereotypen in multiethnischen europäischen Regionen. (Hg.) von V. Heuberger, A. Suppan, E. Vyslonzil. 1998. S. 21–43.

которых в лучшем случае сохраняют лишь некоторые элементы «врожденной» этнической привязанности, а то и теряют ее совсем, примордиалисты оставляют открытым.

В то же время нельзя не заметить приверженность людей, которых относят к диаспорам, неким «базовым» этническим (и не только!) корням, что, на первый взгляд, соответствует логике сторонников примордиалистского понимания этничности.

Однако в рамках конструктивистского подхода это можно объяснить и тем, что первичные основы этничности приобретаются в процессе различных этапов социализации, а не являются «врожденными». Это, в свою очередь, заставляет нас обратить внимание на формирование т.н. «базовых» основ социальной идентичности; точнее говоря, на процессы самокатегоризации и образования «базовых» (или «первичных») элементов этнической идентичности. Согласно Г. Тэджфелу, под социальной идентичностью понимается вся сумма знаний индивида о его принадлежности к какой-либо социальной группе, а также связанные с ними эмоциональное значение и ценность, придаваемые этому групповому членству. Подобное «прикрепление» к определенной группе выполняет функцию организации и упорядочивания деятельности индивида, содержащую потребность в определении своей социальной принадлежности⁷.

В рамках данного подхода базовую идентичность можно представить как набор нерелексивно усвоенных, связанных между собой завершенных систем знаний и представлений индивида о мыслительных моделях, образцах поведения, мировоззрениях, истории «своей» и других групп, языке(ах), социальном окружении и т.д., которые считаются «правильными», «полезными» или даже «единственно верными» в рамках воспринимаемой социокультурной тради-

ции (традиций), а также способы усвоения таких знаний и представлений.

Завершенная система знаний и представлений – это набор ориентаций, содержащий ответы на все возникающие у индивида вопросы относительно «устройства» окружающего мира и общества. Вопросы, не находящие ответа средствами данной системы, изменяют, дополняют или разрушают ее.

Базовая идентичность может распознаваться (определяться) по внешней системе символов и внутренних ценностных оснований, выступающих в качестве системы координат и ориентаций в повседневном поведении индивидов.

Символами могут служить внешне видимые элементы поведения индивидов, такие как язык, продукты питания, одежда, проявления религиозных обрядов, позитивное (негативное) отношение к реальным или вымышленным историческим событиям (личностям), особенности социальных взаимодействий и т.д. Внутренние ценностные основания подразумевают иррациональное, эмоционально окрашенное понимание таких категорий, как «добро» и «зло», «истина» и «ложь», «красиво» и «уродливо», «весело» и «скучно», «значимо» и «незначимо», и т.д.

Базовая идентичность приобретает на самой ранней стадии социализации индивида, начиная с его рождения до 10–11 лет. Согласно подходу Ж. Пиаже, формирование этнической идентичности должно проходить три основных этапа. На первом этапе (6–7 лет) ребенок получает первые фрагментарные знания о своей этнической принадлежности; на втором этапе (8–9 лет) он уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой; и на третьем этапе (10–11 лет) идентичность формируется в полном объеме⁸. Этот процесс можно назвать «обучением» социальным (и личностным) характеристикам идентичности.

⁷ Tajfel H. Human groups and social categorization. Cambridge: University Press, 1981.

⁸ Стефаненко Т. Психология межэтнических отношений // Этнопсихология. М., Екатеринбург, 2000.

Формирование базовой идентичности возможно только на самых начальных этапах социализации, то есть тогда, когда знания об окружающей социальной действительности, а также формы и способы их усвоения у индивида либо отсутствуют вовсе, либо еще не достаточно закреплены. В данном процессе определяющими являются три фактора: во-первых, неосознанный характер «обучения идентичности» и усвоения знаний и представлений, предлагаемых ребенку родителями и ближайшим окружением; во-вторых, безальтернативность получения информации, поскольку у индивида отсутствует возможность выбирать, «как думать», «как действовать», «на каком языке говорить» и т.д. (одним словом, ребенок поставлен в жесткие культурные рамки и не может самостоятельно выбирать базовую идентичность); и, наконец, в-третьих, то, что индивид не имеет возможности сравнивать получаемую информацию с какой-либо еще ввиду отсутствия у него последней. По сути, базовая идентичность всегда «навязывается» ребенку его ближайшим окружением на ранних стадиях социализации (родители, друзья детства, родственники и т.д.).

Сформированная базовая идентичность (символы и ценностные основания) является раз и навсегда фиксированной, законченной, завершенной. Все последующие изменения идентичности и присвоение новых идентичностей происходят в соотнесении (частичном или полном признании или отрицании, корректировке) с базовой идентичностью. Это и создает иллюзию «врожденности», примордиальности идентичности в целом, когда считается, что русским или азербайджанцем (и т.д.) «надо родиться».

Базовая идентичность является основой для обучения новым идентичностям, которые могут выстраиваться только в сравнении с усвоенной базовой идентичностью и представляют собой своего рода наслоения на нее. Эти вновь выученные идентичности могут уже изменяться в зависимости от последую-

щей коррекции полученных знаний и представлений и новых присваиваемых или навязанных идентичностей.

Таким образом, к исходной базовой идентичности, которая формируется на первом этапе социализации и присуща всем членам общин диаспоры, прикрепляются другие идентичности, личностные и социальные, отражающие особенности региона, культуры принимающего общества, социального слоя, профессии, возраста, пола и т.д. В качестве связующего элемента выступает базовая идентичность, но совсем не обязательно, что для общины диаспоры она всегда будет ведущей. Бывают случаи, когда на ее месте оказывается одна из идентичностей принимающей страны, страны рождения или, например, профессиональная идентичность. Такая возможность смены идентичностей определяет «мозаичный» характер идентичности. Но в силу того, что для каждой общины в спектре возможного выбора идентичностей всегда присутствует «базовая», в основе этой «мозаики» чаще всего преобладают «цвета базовой идентичности».

Согласно этой логике, идентичность людей, которых мы относим к диаспорам, представляет собой конструкт разнообразных идентичностей на основе идентификационного базиса (первичной идентичности), на который позднее накладываются идентичности регионов, принимающих общины диаспоры. Таким образом, речь идет не о двойной идентичности, а о целом наборе идентичностей, среди которых образующую роль чаще всего играет базовая. Значимость остальных идентичностей варьируется в зависимости от социокультурного контекста.

Особенности идентичности азербайджанцев в Калуге

При рассмотрении вопроса об идентичности азербайджанцев в Калуге преследовались две главные цели: выявить характерные особенности восприятия респондентами самих себя как азербайджанцев, проживающих в Калуге, и проанализировать значимые отличия калуж-

ских азербайджанцев от коренного населения города. Таким образом, в первом случае речь шла об исследовании спектра различных идентичностей внутри этнических групп (включая базовую) и о выявлении процессов конструирования объединяющей идентичности. Здесь же рассматривался вопрос о способах поддержания и функционирования объединяющей идентичности. Во втором случае акцент ставился на изучении механизмов отграничения этнической общины как целого от коренного населения города и способах создания этнических границ⁹.

В качестве «точек отсчета», относительно которых анализировались идентичности азербайджанцев, выступали сравнения респондентов с азербайджанцами других российских городов, других стран, а также со своими земляками, проживающими в стране исхода. Особо рассматривались этнические маркеры, создающие этнические границы с коренным населением, а также восприятие представителей диаспорной группы самих себя как целостного организма.

В случае с азербайджанцами, проживающими в Калуге, следует говорить о доминировании единой идентичности, связанной с изначальной страной исхода и с опытом миграции. Это касается не только мигрантов из Азербайджана, но и тех людей, которые долгое время жили в других республиках бывшего Союза, например в Грузии. В качестве основного признака, отличающего различные группы азербайджанцев в Калуге, фигурирует выраженность, или яркость идентичности «азербайджанцев рассеяния». По критерию выраженности идентичности рассеяния калужских азербайджанцев можно условно разделить на три группы (схема № 1).

К первой группе следует отнести относительно недавно прибывших мигрантов, которые проживают в Калуге не

более 5–7 лет, «почти» осели в городе и почти не стремятся к дальнейшей миграции. Последнее условие представляется достаточно важным, поскольку во многом определяет соотношение между идентичностью «азербайджанцев рассеяния», которая, видимо, характерна для большинства азербайджанцев, проживающих в российских городах, и региональной идентичностью.

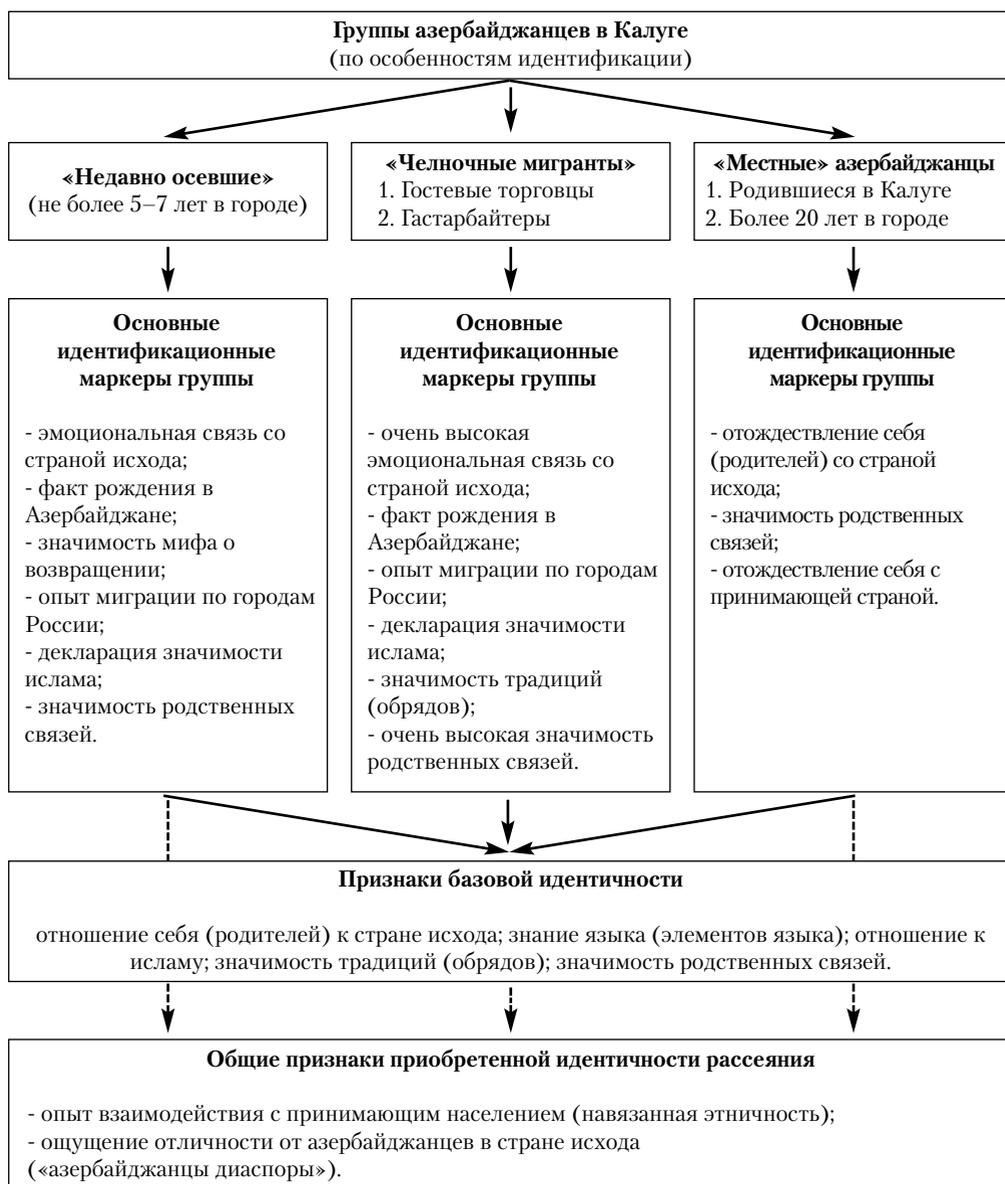
Группу «недавно осевших» представляют в основном выходцы из сельских районов Азербайджана. Они сохраняют яркую эмоциональную связь со страной исхода, в которую когда-нибудь собираются вернуться, и придают важное значение собственно рождению в Азербайджане. Это, по мнению многих опрошенных, наряду со знанием языка и традиций, является главным признаком, позволяющим считать себя азербайджанцем.

«Если ты родился азербайджанцем, то ты им и умрешь, независимо от того, где ты живешь сейчас. Я родился в Азербайджане и рано или поздно опять туда вернуться, когда условия жизни и работы будут приемлемые. Я мечтаю, как и большая часть азербайджанцев, умереть на родине, лежать рядом с могилами моих предков».

Характерным признаком данной группы является опыт миграции по разным городам России. Перед тем как приехать в Калугу, большинство недавно осевших проживало в других городах России, в основном мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург. В силу различных причин, главным образом экономического характера, принималось решение о продолжении миграции. Общий опыт миграции в Россию и по России, а также взаимодействия с принимающим населением стимулировал создание единого поля идентичности для членов данной группы. Одним из основных критериев принадлежности

⁹ В основе исследования лежали качественные методы получения информации. Выборка формировалась методом «снежного кома», поэтому речь не идет о репрезентативности – в силу специфики объекта исследования это требование невыполнимо. Следовательно, полученные данные не отражают в полном объеме всех свойств генеральной совокупности. В рамках проекта группа опрошенных азербайджанцев представлена 23 респондентами в возрасте от 20 до 64 лет; группа принимающего населения – 22 респондентами в возрасте от 19 до 63 лет.

Схема № 1. Классификация азербайджанских групп в Калуге

к ней считается знание родного языка и приверженность исламу.

«Мы празднуем наши национальные и мусульманские праздники. Справляем свадьбы по-своему. Приглашаем муллу. Женщины стремятся с рождения общаться с ребенком на родном языке, чтобы дети хотя бы говорить могли».

Действительно, значимость религии и религиозных обрядов очень велика в данной группе, поскольку считается, что настоящий азербайджанец обяза-

тельно должен иметь хоть какое-то отношение к исламу. Даже в случае отказа от соблюдения религиозных обрядов следует подчеркивать факт рождения в мусульманской семье.

Кроме того, необходимо отметить сильное влияние принимающего населения на формирование общей идентичности членов данной группы. Можно сказать, что схожая идентичность сложилась во многом «благодаря» позиции коренного населения российских городов, через

которые шла миграция. Выраженное негативное отношение и отторжение азербайджанцев (как, впрочем, и многих кавказцев) образует мощную базу для объединения по признаку ощущения общей отверженности и дискриминации на основании более широкой этнической принадлежности, чем регион исхода. Поэтому несмотря на то, что многие мигранты изначально выехали из разных частей Азербайджана или же других республик бывшего Союза, ощущение себя азербайджанцем, чувство принадлежности к большому целому, явно доминирует над более узкими идентичностями изначальных регионов исхода.

Вторая группа представлена временными, или челночными мигрантами. Ее можно разбить на подгруппы гастарбайтеров и «гостевых торговцев». В основном это те люди, которые непрерывно мигрируют между Азербайджаном и Россией и могут временно остановиться в нескольких городах России, в зависимости от имеющихся возможностей и сложившейся конъюнктуры. Существенное отличие между двумя подгруппами заключается в том, что гастарбайтеры являются наемными рабочими, тогда как к категории гостевых торговцев относятся те, кто пытается вести собственный бизнес. Отсутствие регистрации во время пребывания на территории России – не редкость для представителей обеих подгрупп. Длительность проживания в городе для представителей данной группы в среднем не превышает полгода. Как и в случае с недавно осевшими, большинство челночных мигрантов совершенно отчетливо ощущают себя азербайджанцами в силу своего рождения и непосредственной связи со страной исхода. Так же сильно выражена роль религии и соблюдения культурных традиций, которые, по мнению некоторых респондентов, существенно изменяются или вовсе забываются в городах России.

«Там, в Азербайджане, такой открытой жизни нет. Здесь азербайджанцы более свободны, что ли. Смотришь, а сын с отцом сидят вместе курят. А там такое невозможно представить. Я даже

перед своим старшим братом никогда не курю. Это не значит, что я его боюсь. Это просто уважение. В Азербайджане с этим строго».

Основная особенность, присущая гастарбайтерам и гостевым торговцам, заключается в том, что у них более ярко, чем в группе недавно осевших, выражено подчеркивание своей принадлежности к Азербайджану и азербайджанцам, а также стремление иметь финансовый успех. Считается, что временных мигрантов отличает «предпринимательский дух».

«У нас как: человек без денег – никто. Кто бы он ни был. Без денег он никто. Поэтому у нас говорят, что если ты зарабатываешь деньги чем угодно, ты сам себе хозяин. Но не у всех есть возможность ездить в Россию».

Именно высокая мобильность данной группы, ощущение себя «между» двумя культурами, русской и азербайджанской, дает ее членам ощущение своей исключительности. В особенности это касается гастарбайтеров, которые, по видимому, несколько теснее связаны с Азербайджаном, чем гостевые торговцы. В ряде случаев последние не покидают пределы России – Украины, хотя для обеих категорий челночных мигрантов ориентация на страну исхода выражена очень сильно.

Представители групп челночных мигрантов и недавно осевших обладают очень схожей идентичностью. Это и неудивительно: ведь вторая группа пополняется в основном за счет гастарбайтеров и гостевых торговцев. Наиболее явным отличием между двумя группами является заметно большая лояльность недавно осевших мигрантов по отношению к принимающей культуре. Что же касается выраженности идентичности азербайджанцев рассеяния, то на сегодняшний день можно говорить лишь о слабом отличии между двумя группами. В обеих группах идентичность рассеивания проявляется очень ярко, с той лишь разницей, что челночные мигранты несколько острее ощущают свою принадлежность к азербайджан-

жанцам, оставшимся на родине. Вероятно, это происходит в силу более частых контактов со страной исхода. Можно предположить, что челночные мигранты являются основным связующим звеном между страной исхода и своими земляками, постоянно проживающими в российских городах, поддерживая тем самым их идентичность.

К третьей группе следует отнести азербайджанцев, родившихся в Калуге или долгое время (20 лет и более) проживающих в городе. Как и в двух других группах, «местные» азербайджанцы отождествляют себя со своей страной исхода или страной исхода своих родителей. Многие родившиеся в Калуге респонденты сохраняют связи с Азербайджаном и в той или иной степени владеют азербайджанским языком. Однако здесь нельзя говорить о такой же отчетливо очерченной идентичности азербайджанцев диаспоры, как в группах челночных и недавно осевших мигрантов. Многие представители данной группы ощущают себя ближе к русскому населению города, чем к новоприбывшим землякам. Более того, многие местные азербайджанцы сознательно стремятся избежать общения с недавно приехавшими земляками, считая, что такие контакты могут быть небезопасны или, по крайней мере, обременительны. Такая позиция обусловлена попытками челночных мигрантов найти кров, создать подходящую базу для размещения товара и т.д. Кроме того, местные азербайджанцы отчетливо осознают свое отличие от недавно осевших и в особенности от челночных мигрантов, что также является причиной образования своего, достаточно узкого коммуникативного пространства.

«Я не хожу на рынок и не общаюсь с теми, кто торгует. Моя семья и знакомые тоже избегают такого общения. Мало ли что земляки...»

Такое отдаление происходит несмотря на достаточно четкое ощущение себя азербайджанцами рассеяния, которое, правда, проявляется в меньшей степени, чем в группах недавно осевших и челночных мигрантов. Кроме того, многие местные азербайджанцы уже давно являются гражданами России, демонстрируют пророссийскую ориентацию и выраженные интеграционные устремления. Тем не менее ощущение себя азербайджанцем рассеяния весьма заметно и может конкурировать либо дополнять новый конструкт идентичности, связанный со страной и регионом поселения.

«Я горжусь, что я азербайджанец. Даже если у людей российское гражданство, они все равно остаются азербайджанцами. И когда надо, они готовы помочь друг другу».

В качестве наиболее весомой причины, заставляющей чувствовать себя азербайджанцами, большинство респондентов называют позицию принимающего населения, которое «намеренно выделяет азербайджанцев». Местные азербайджанцы чувствуют это особенно остро, поскольку многие предпочитают придерживаться личных ассимиляционных стратегий. О. Бредникова и О. Паченков называют этот процесс «навязыванием» этничности¹⁰, полагая, что «ксенофобия со стороны местных жителей также определяет 'чужих' в терминах этничности, что ведет к выстраиванию жесткой внешней границы»¹¹.

В то же время, как полагают члены данной группы, не только принимающее население, но и две другие группы их земляков, в особенности челночные мигранты, являются «виновниками» такой ситуации. «Финансовый успех любой ценой» – своеобразный девиз гастарбайтеров и гостевых торговцев, что часто вызывает раздражение.

«Те, кто живет здесь давно, стараются, чтобы о них мнение было хорошее».

¹⁰ Ср. также: Драгунский Д. Навязанная этничность // Политические исследования. 1993. № 5. С. 24–30.

¹¹ Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: Между «воображаемыми сообществами и первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131–147.

А тем, кто приезжает на время, товар продать, – им все равно. Они не понимают. Им надо сиюминутную выгоду. Они карман nabили и ушли. А те, кто живет постоянно, из-за них страдают».

Кроме того, вследствие непрекращающейся миграции из Азербайджана в Россию и обратно гастарбайтеры и гостевые торговцы вынуждены постоянно адаптироваться и реадаптироваться к условиям другой культуры, что требует дополнительных временных затрат. В силу этой, а также ряда других причин (например, того, что подавляющая часть челночных мигрантов не являются выходцами из городской среды) гастарбайтеры и гостевые торговцы резко контрастируют на фоне коренного населения, в то время как местные азербайджанцы во многом сливаются с ним. Такие различные стратегии поведения и построения отношений в принимающей культуре нередко приводят к непониманию и, как следствие, к стремлению ограничить контакты с вновь прибывшими земляками.

В то же время многие местные и недавно осевшие азербайджанцы считают себя обязанными принимать земляков из Азербайджана, поскольку пренебрежение традицией гостеприимства может негативно отразиться на их родственниках, оставшихся в стране исхода. Проще говоря, недостаточное гостеприимство и помощь в России в случае огласки в Азербайджане автоматически приводят к падению социального статуса родственников отказавшего в помощи, которые проживают в Азербайджане¹². Приемлемого выхода из этого замкнутого круга не находится, поскольку для недавно осевших и местных азербайджанцев связь со страной исхода настолько важна, что они могут лишь пассивно сопротивляться, стараясь избежать, как им кажется, ненужного общения с челночными мигрантами. По-видимому, именно этим объясняется отдаление местных

азербайджанцев от других групп и связанные с этим попытки выстраивания собственной идентичности, которые пока не увенчались успехом.

Важным моментом, характерным для всех трех групп, является их четкое отделение от азербайджанцев, проживающих в стране исхода. Это касается как бытовых условий, которые, по мнению респондентов, «меняют людей», так и изменения самой структуры взаимодействий между людьми.

«С азербайджанцами, живущими в Азербайджане, есть очень большие отличия. Там люди добрее, что ли, доверчивее. Да, там больше доверяют друг другу. Здесь уже никто никому не доверяет. В Азербайджане к обычаям очень трепетно относятся. А здесь как бы мимоходом. Здесь их можно вообще не соблюдать. А там – раз надо, значит надо. А здесь как хочешь, так и веди себя».

Можно предположить, что местные азербайджанцы в меньшей степени отождествляют себя с азербайджанцами страны исхода и являются наиболее обособленной группой по сравнению с двумя предыдущими.

Примечательным кажется и отсутствие у калужских азербайджанцев какого-либо отождествления себя с нынешним регионом проживания. Респонденты всех трех групп не склонны замечать видимых отличий между калужскими и другими азербайджанцами, проживающими в других городах России или в других странах. Следует, правда, отметить, что контакты респондентов в основном ограничиваются странами СНГ, с явным доминированием российских городов. В случаях с группами челночных или даже недавно осевших мигрантов это неудивительно, поскольку многие города России для них оказываются «на одно лицо» и «отношение русских везде одинаково».

«В других городах России азербайджанцы так же работают, как и мы. Они так

¹² Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге) // Неформальная экономика. Россия и мир. Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 138–155.

же, как и мы, приехали зарабатывать деньги. Нас объединяет то, что мы все земляки. Люди одной веры, одной культуры и к тому же мы все являемся отбросами в России, независимо от того, где мы живем: в Калуге, Москве или где-то еще».

Позиция групп недавно осевших и челночных мигрантов не кажется удивительной по сравнению с реакцией местных азербайджанцев, которые точно так же не склонны видеть никаких заметных различий между собой и азербайджанцами других городов России и так же отмечают негативизм принимающего населения относительно азербайджанцев.

В самом деле, одним из определяющих факторов, образующих поле общей идентичности азербайджанцев в Калуге, служит давление внешней среды и общий опыт миграции в городах России, стимулирующей формирование единой идентичности рассеяния. Принимающее население скорее негативно оценивает присутствие азербайджанцев в городе и предпочитает вариант сепарации данной этнической группы. Иногда это выглядит достаточно парадоксально, поскольку большинство опрошенных коренных калужан полагает, что азербайджанцы вносят очень весомый вклад в развитие региона, и затрудняется сформулировать причины своего неприязненного отношения, ограничиваясь замечаниями об «оккупации территории», «криминальности бизнеса», а главное — о характере поведения азербайджанцев.

Основанием для напряженности на бытовом уровне чаще всего служит заметное различие в образе жизни представителей азербайджанской общины и русского населения. Едва ли не самая большая проблема взаимодействий с этническими общинами заключается в том, что азербайджанцы присутствуют в жизни принимающего населения только экономически, но никак не культурно. Практически вся имеющаяся информация сводится к сфере рыночной торговли, в то время как другие виды жизнедеятельности общины по-прежнему незнакомы большинству русских. Более того, многие

культурные особенности и мотивация поступков азербайджанцев остаются за кадром, а видимая часть поведения интерпретируется исходя из знаний собственной культуры и в ее рамках.

Такое положение вещей характерно не только для русского населения города, но и для самих азербайджанцев (кроме группы местных), которые часто имеют весьма слабое представление о том, почему русское население вполне определенным образом реагирует на тот или иной вид поведения азербайджанцев. Это образует значительный конфликтный потенциал, который время от времени проявляется на бытовом уровне.

В целом, следует констатировать существование видимой напряженности в отношениях азербайджанской общины и коренного населения. Причем большинство азербайджанцев достаточно четко осознают характер проблем, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни в Калуге. Эти проблемы не считаются непреодолимыми большинством респондентов, хотя и порождают дополнительный стресс. Значительная часть представителей этнической общины не стремится к явному ограничению контактов с русским населением города, предпочитая тесное взаимодействие. Исключения составляют довольно заметные на общем фоне азербайджанской общины челночные мигранты, которые производят впечатление более изолированной группы.

Суммируя вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что новые идентичности, с которыми многие азербайджанцы приезжают в Калугу, могут в зависимости от установки на дальнейшую миграцию сохраняться в течение длительного периода времени. Это связано с тем, что миграция идет не только из Азербайджана, но и из других городов России (в основном из Москвы), где идентичности мигрантов, трансформируясь под воздействием принимающего населения, приобретают достаточно универсальные формы, с опорой на базовую идентичность. По этой причине значи-

тельная часть азербайджанцев приезжает в город, обладая уже готовой идентичностью рассеяния (азербайджанцы диаспоры), сформированной на основе схожих базовых идентичностей различных групп мигрантов.

Инициативы поиска новой идентичности рассеяния формируются главным образом под влиянием мигрантов последних волн, когда все потенциальные члены общины «примеряют» на себя совершенно новый конструкт общинной идентичности, заметно отличающейся как от идентичности земляков, оставшихся в стране исхода, так и от идентичности, существовавшей до переезда на новое место. Примечательно, что даже хорошо интегрированные в принимающую среду мигранты или рожденные и прошедшие социализацию в новой культуре индивиды также могут постепенно склоняться к принятию новой общинной идентичности, в основе которой лежат элементы базовой. Эти процессы происходят сейчас во всех группах, с тенденцией к созданию достаточно широкой и универсальной общинной идентичности, позволяющей включать в число потенциальных членов всех представителей своей этнической группы. Вопрос лишь в том, как долго будут идти эти процессы? Действительно, существование фракций с разными идентичностями предполагает достаточно длительный период времени, необходимый для формирования новых единых признаков, характерных для всех членов этнической группы. Это сложный процесс, продолжительность которого зависит от многих факторов, например от притока новых представителей данной этнической группы или «смены состава» группы. Речь здесь идет о стабильности группы. Например, именно в силу нестабильности группы азербайджанцам труднее всего найти объединяющие признаки. Это приводит к тому, что одна фракция, по сути, избегает другую, что, в свою очередь, порождает высокую дискретность коммуникативных полей азербайджанских групп.

Следует подчеркнуть, что низкая плотность контактов между группами азербайджанцев не означает отсутствия коммуникативной сети, однако ее «качество» не позволяет говорить о едином коммуникативно-информационном поле общины. Налицо достаточно автономные коммуникативные пространства, весьма слабо связанные между собой. В таких условиях процесс конструирования единой общинной идентичности будет проходить медленнее, чем могло бы быть.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Во-первых, азербайджанская община преследует как минимум две основные задачи: приспособление к условиям новой культуры и создание успешно функционирующих сетей связей как внутри, так и вне общины. При этом очевидно, что вторая задача подчинена первой. Таким образом, конструирование членами этнической группы диаспорной общины является, по сути, вариантом групповой адаптации, которой сегодня предпочитают следовать большинство мигрантов.

Во-вторых, давление внешней среды и отсутствие четкой линии этнонациональной политики в регионе вынуждает азербайджанские группы инициировать процессы этнической консолидации, выстраивать эффективные сети коммуникаций и самим прилагать активные организованные усилия по продвижению своих интересов и успешной адаптации своих членов в новом обществе.

В-третьих, членами диаспорной общины делаются попытки выстраивания единой общинной идентичности на основе базовой этнической идентичности. Это позволяет каждому представителю той или иной фракции являться потенциальным участником сети диаспорных взаимодействий, делая границы диаспорной общины предельно подвижными. Особую актуальность приобретают процессы включения-исключения в(из) общину(ы), что обуславливается множественной идентичностью ее членов.

Календарь событий весны – лета 2007 года

Научно-исследовательский семинар
«Особенности российской модернизации»

22 марта 2007 года, г. Москва

Взаимоотношения модернизации и традиционализации в современной России

*Алексей Зудин, руководитель департамента Центра политических технологий,
доцент Государственного университета – Высшей школы экономики*

Научно-исследовательский семинар
«Особенности российской модернизации»

5 апреля 2007 года, г. Нижний Новгород

Модернизация: политические и управленческие ресурсы

«Политизация и деполитизация как две модернизационные стратегии власти»,
Андрей Макарычев, профессор Нижегородского лингвистического университета;

«Модернизация в рамках государственной стабильности и безопасности»,
Андрей Дахин, профессор Волго-Вятской академии государственной службы

Совместно с Нижегородским лингвистическим университетом
и Нижегородским отделением Российской ассоциации политической науки

Научно-исследовательский семинар
«Особенности российской модернизации»

22 мая 2007 года, г. Киев

Общее и особенное в развитии России и Украины

Эмиль Паин, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики

Совместно с Институтом социологии НАНУ
и киевским офисом Института Кеннана

Совет Товарищества

Журавлева Виктория Ивановна

*к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва*

Ланин Борис Александрович

*д.филол.н., заведующий лабораторией литературы
Институт содержания и методов обучения
Российской академии образования
г. Москва*

Макарычев Андрей Станиславович

*д.и.н., профессор
Нижегородский лингвистический университет
г. Нижний Новгород*

Паин Эмиль Абрамович

*председатель, д.политич.н., профессор
Институт социологии РАН
Государственный университет – Высшая школа экономики
г. Москва*

Первова Ирина Леонидовна

*д.социол.н., профессор, факультет социологии
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург*

Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность

21–22 февраля 2007 года в Москве в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) состоялась международная конференция «Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность», организованная кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ и Российско-американским учебно-научным центром РГГУ при поддержке Посольства США в Москве и Американских советов по международному образованию (Вашингтон, о. Колумбия). Конференция стала одной из первых в нашей стране в ряду юбилейных международных форумов, приуроченных к празднованию 200-летия установления дипломатических отношений между Россией и США.

Два века назад, в декабре 1807 года, в результате переписки между российским посланником в Великобритании М. Алопеусом и министром иностранных дел России А. Будбергом, с одной стороны, и американскими посланниками в Великобритании Дж. Монро и У. Пинкни, а также государственным секретарем США Дж. Мэдисоном, с другой, были установлены официальные отношения между двумя странами. Первым дипломатическим представителем России в заокеанской республике стал Андрей Яковлевич Дашков. В июне 1808 года он получил назначение на пост генерального консула в Филадельфии и временного поверенного в делах России в США и исполнял эти обязанности до июля 1811 года, после чего был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи. В октябре 1809 года в Санкт-Петербург прибыл первый официальный дипломатический посланник Соединенных Штатов Джон Квинси Адамс. Так начиналась история межгосударственных российско-американских отношений, знавших периоды сотрудничества и конфронтации, союз-

ничества и вражды, «оттепелей» и «заморозков», история, изобилующая мифами, отмеченная взаимными надеждами и разочарованиями.

Однако русские начали открывать для себя Америку, а американцы Россию задолго до установления дипломатических отношений, и этот непростой, зачастую неоднозначный процесс взаимного узнавания продолжается в начале века XXI. Пристальный интерес народов двух стран друг к другу, поиски сходств и различий в национальном развитии, традициях и менталитете, попытки осмыслить себя посредством противопоставления «Другому» определяли в прошлом и продолжают определять в настоящем картину взаимовосприятия. Изучение имагологии российско-американских отношений наряду с исследованием различных аспектов истории межгосударственного взаимодействия и международных контактов актуализируется в условиях формирования на рубеже XX–XXI веков нового миропорядка, в рамках которого переопределяется место Соединенных Штатов и России. Именно этим вызван возросший интерес к переосмыслению прошлого двусторон-

них отношений в обеих странах, свидетельством чему стала международная конференция, состоявшаяся в РГГУ.

Конференцию открывали ректор РГГУ, профессор Е. Пивовар и посол Соединенных Штатов Америки в Российской Федерации У. Бернс.

Е. Пивовар обратил внимание собравшихся на тот факт, что в юбилейный для истории взаимоотношений России и США год в РГГУ впервые проводится столь представительная международная конференция по американистике, организованная к тому же выпускницей Университета и участницей американских программ Фулбрайта и Института Кеннана¹. Ректор РГГУ подчеркнул значение подобных международных форумов для достижения лучшего взаимопонимания между представителями академических сообществ двух стран, без чего невозможна масштабная и полноценная реконструкция прошлого, столь необходимая для реалистической оценки современной ситуации.

У. Бернс призвал помнить не только о различиях традиций и менталитетов, о существовавших и продолжающих существовать противоречиях на межгосударственном уровне, но и о тех чертах сходства в развитии обществ двух стран, о тех одинаково важных для них проблемах по поддержанию стабильности и порядка в мире, которые позволяют заявить: «Между Россией и США много общего». Для российско-американских отношений, подчеркнул посол, всегда были характерны как элементы конфликта, соперничества, так и элементы сотрудничества. Однако, несмотря на наличие расхождений в позициях и подходах, в некоторых случаях чреватыми серьезными рисками, по мнению У. Бернса, важно осознание того, что американцы и русские пережили в прошлом достаточно холодных войн и до-

рогостоящих гонок вооружений и что значение совместных действий в интересах обоих народов и глобальной безопасности трудно переоценить.

С приветственными обращениями выступили директор Института Кеннана Б. Рубл, директор Программы Фулбрайта в России Э. Рослоф, директор Американского центра в Москве М. Фушил, региональный директор АСПРЯЛ-АКСЕЛС по Российской Федерации Д. Эриксон, профессор филологии Северо-западного университета (Иллинойс), почетный профессор РГГУ И. Уайль.

В международном форуме приняли участие исследователи из столичных и региональных вузов – РГГУ, МГИМО(У), МГУ, Волгоградского, Ивановского, Орловского, Удмуртского государственных университетов, а также из академических центров Российской академии наук – Института всеобщей истории (ИВИ), Института США и Канады (ИСКРАН), Института российской истории. С американской стороны с докладами выступили ученые из Университета Канзаса, Гарвардского университета, Университета Ратгерс (Нью-Джерси), Университета Коннектикута, Университета Лехай (Пенсильвания), Северо-западного университета (Иллинойс), Университета Юты.

Среди докладчиков были как маститые историки-американисты и русисты из России и Соединенных Штатов, так и начинающие исследователи, предложившие свое видение не только отдельных аспектов истории российско-американских отношений, но и их периодизации².

Хочется особо подчеркнуть участие в международном форуме представителей ведущей школы «Северная Америка и ее отношения с Россией», возглавляемой академиком Н. Болховитиновым, руководителем Центра североамерикан-

¹ Ответственный за организацию конференции – В. Журавлева.

² Научный сборник «Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность», включающий тексты приветственных обращений и исследовательские статьи, подготовленные участниками конференции на основе представленных докладов, вышел в издательстве РГГУ в октябре 2007 года. Ответственный редактор – Е. Пивовар, редактор-составитель – В. Журавлева.

ских исследований ИВИ РАН, автором многочисленных трудов по истории российско-американских отношений и Русской Америке.

С пленарными докладами выступили: заслуженный профессор истории Университета штата Нью-Йорк, автор монографии о жизни и деятельности Джона Квинси Адамса Л. Парсонс; профессор истории Университета Канзаса, автор четырех фундаментальных трудов, посвященных истории российско-американских отношений с 1763 по 1941 год, Н. Сол; профессор МГИМО (У), главный редактор журнала «Общественные науки и современность» В. Согрин; профессор ИСКРАН, главный редактор журнала «США и Канада: экономика, политика, культура» Э. Иванян; профессор РГГУ, директор Центра «Европа – США» Института Европы РАН, посол в отставке О. Гриневский.

В рамках конференции работало три секции: «Россия и США в XIX веке: дистанция дружбы», «Российско-американские отношения в первой половине XX века: конструирование образа “Другого”», «Советско-американские отношения в годы холодной войны: мифы и реальность». Завершал работу международного форума «круглый стол» «Россия и США на рубеже XX–XXI веков».

Представленные доклады, безусловно, не могли охватить всего спектра проблем, связанных с изучением российско-американских отношений, однако в ходе выступлений и дискуссий обозначился тот круг вопросов, который стоит перед современными исследователями данной проблематики³.

Н. Сол выделил в качестве приоритетных тематических направлений исследование экономических и культурных связей, учитывая тот факт, что политическая составляющая двусторонних от-

ношений изучена достаточно хорошо. Однако и здесь, по мнению историка, можно найти новые аспекты и ракурсы, связанные, например, с личным влиянием политических лидеров (И. Сталин и Америка; Ф. Рузвельт и Россия; У. Грант и Россия; М. Горбачев и Соединенные Штаты), с фактором межличностных отношений глав государств (Т. Рузвельт и Николай II; Дж. Буш и В. Путин). По справедливому замечанию Н. Сола, остается малоизученной роль таких организаций, как Молодежная христианская ассоциация (YMCA – Young Men’s Christian Association) и Интурист, деятельность Американской администрации помощи (АРА) в различных регионах России в период голода 1920-х годов. Кроме того, американский исследователь выразил обеспокоенность возрастающей политической предвзятостью, а также состоянием архивов и сокращением финансирования, что может затруднить исследовательскую работу по обе стороны Атлантики.

Доклад Э. Иваняна стал прекрасной иллюстрацией тезиса Н. Сола о приоритетных тематических направлениях в области реконструкции исторического прошлого российско-американских отношений и продемонстрировал потенциал изучения двусторонних культурных связей. Выступление, основанное на материалах одной из глав обобщающей монографии Э. Иваняна, акцентировало внимание на расширении культурного сотрудничества между Россией и США в конце 1950-х годов, в чем руководители обоих государств видели действенный механизм нормализации взаимоотношений в период холодной войны.

В. Согрин представил обзор современного состояния отечественной американистики, одним из активно развиваю-

³ Последнее время дискуссии на эту тему активно ведутся среди российских историков в связи с обсуждением общего состояния американистики в постсоветской России. См., например: Итоги и перспективы отечественной американистики. «Круглый стол» в Центре североамериканских исследований ИВИ РАН (публикация подготовлена В. Журавлевой) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 180–185; Печатнов В. «Любовь-горечь» к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 30–40; Журавлева В., Курилла И. Проблемы развития американистики в постсоветской России // Американский ежегодник, 2005. М., 2007.

щихся направлений которой по-прежнему остается исследование российско-американских отношений. Историк призвал к сбалансированной оценке наследия советской американистики, в то же время подчеркнул ее недостатки, связанные с методологией исследования, и обозначил новые теоретические подходы и тематические приоритеты в области изучения истории Соединенных Штатов.

Среди докладов, нацеленных на актуализацию общих проблем в исследовании двусторонних отношений, можно назвать презентацию *К. Миньяр-Белоручева*. Будучи специалистом по внутренней и внешней политике США 1830–1840-х годов он выступил с предложением по поводу новой периодизации истории российско-американских отношений XIX–XX веков. Историк вполне правомерно выделил период холодной войны (1945–1989 годы), что давно уже стало традиционным в историографии и не вызывает сомнений. Вместе с тем предпринятое им объединение истории российско-американских отношений с 1776 по 1941 год в единый период, на мой взгляд, является откровенно дискуссионным. Как представляется, в качестве первого переломного момента следует обозначить не 1941–1945 годы, а рубеж XIX–XX веков, т.к. именно в это время произошел первый кризис на межгосударственном уровне; был организован первый «крестовый поход» американцев за демократизацию России, в результате чего она превращалась в объект глобальной миссии Америки; в двусторонних отношениях обозначился идеологический фактор, значение которого будет нарастать на протяжении всего XX века; началась массовая эмиграция из Российской империи за океан, ставшая важнейшей составляющей «новой иммиграции» в Соединенные Штаты; происходило новое «открытие» России американцами и Америки русскими; закладывались основы для долгосрочных мифов и стереотипов восприятия по обе стороны Ат-

лантики, а также менялась роль «Другого» в конструировании Я-концепций. Эти изменения вписывались в общие подвиги в системе международных отношений, в начавшийся процесс формирования нового мировидения в США и переопределения внешнеполитических приоритетов Российской империи. Кстати, первый «медовый месяц» в российско-американских отношениях приходится на период Первой мировой войны. И вообще, истоки международных процессов XX столетия во многом закладывались на рубеже веков. В этом смысле 1917 год не является «точкой перелома», как верно заметил К. Миньяр-Белоручев. Однако подтверждение этой, отнюдь не новой для исследовательского дискурса идеи имеет смысл искать в событиях рубежа XIX–XX веков. В то же время следует отдать должное выступлению молодого историка, обратившего внимание на актуальность проблемы периодизации и необходимость ее дальнейшего обсуждения.

История дипломатических отношений нашла свое отражение прежде всего в докладах, посвященных деятельности Джона Квинси Адамса.

Автор его известной биографии *Л. Парсонс* представил первого официального посланника США в России как искусного дипломата, республиканские взгляды которого не помешали выполнению возложенных на него обязанностей при дворе Александра I и налаживанию личных контактов с российским императором. По мнению американского историка, деятельность Дж. Адамса на посту государственного секретаря, а позже президента Соединенных Штатов свидетельствовала о его приверженности умеренному республиканизму и закладывала основы для формирования будущей Доктрины Монро.

Логическим продолжением выступления *Л. Парсонса* стали доклад *Н. Сучуговой* о миссии Дж. Адамса в Россию и презентация *М. Трояновской* о конгрессовском периоде в политической карьере Дж. Адамса, когда он выступил лиде-

ром антирабовладельческого движения и решительным противником войны США с Мексикой, расценивая ее как попытку распространить рабство на всю территорию Северной Америки, что вело к подрыву основ гражданских и моральных ценностей американцев.

Тематика заявленных докладов и состоявшиеся дискуссии акцентировали внимание на изучении имагологии российско-американских отношений, на роли религиозного фактора в формировании российского вектора внешней политики Соединенных Штатов, на реконструкции образов России в Америке и США в России, а также образа «Другого», значимого для выстраивания нарратива-Я. Именно в рамках данного историографического направления наметилось плодотворное использование междисциплинарного подхода и расширения источниковой базы исследований за счет привлечения визуальных текстов, художественной литературы, поэзии и драматургии.

И. Курилла посвятил свое выступление характеристике русофильского дискурса в США, в рамках которого на протяжении XIX–XX веков формировался позитивный образ России, не лишенный, тем не менее, противоречий и не свободный от мифологем. Исследователь проанализировал «русские впечатления» Бейярда Тейлора и его деятельность по распространению знаний о Российской империи в американском обществе, вписав их в процесс конструирования коллективной идентичности в США накануне и в ходе Гражданской войны. Интересным для понимания последующей эволюции образа русского «Другого» представляется вывод о том, что в 1850-е годы для американских репрезентаций России была характерна амбивалентность. Российская империя и оказывалась похожа на США, и одновременно являлась воплощением всего неамериканского в Европе, в том числе социализма, понимаемого как государственный патернализм.

В своем докладе *О. Казакова* обратилась к рассмотрению представлений

русских об Америке, запечатленных в поэзии 1850–1860-х годов. Поэтический текст, как известно, подразумевает не просто особую организацию материала, но и максимальную для текстовых источников концентрацию образов. В данном случае речь шла об использовании образа американского «Другого», о восстановлении в ходе имагологического анализа образно-символического значения американских примет пореформенной эпохи в России.

Презентация *Г. Элиасберг* стала продолжением «литературно-художественной темы», поднятой участниками конференции. Докладчицу интересовали репрезентации России и Америки в драматургии русско-еврейских эмигрантов, которые стали носителями негативного образа покинутой ими страны. Анализ пьес и опубликованных рецензий позволил Г. Элиасберг определить драматургию эмигрантов как важный механизм влияния на восприятие не только русской культуры и российских реалий развития в США, но и американской культуры в России.

В. Журавлева выстроила свой доклад на основе анализа американской политической карикатуры как исторического источника. Впервые в историографии была предпринята попытка реконструкции образа Русской революции в карикатуристике с целью обнаружения долгосрочных коммуникативных стратегий, использованных для кодирования общественного мнения в США и визуализации долгосрочных американских мифов о России. Исследование графических текстов позволило историку обратить внимание на те своеобразные циклы «надежд и разочарований», которые американцы переживали на протяжении XX века в связи с перспективами модернизации России, на смысл ее «демонического» и «романтического» образов, формировавшихся по другую сторону Атлантики, на превращение России в объект глобальной миссии Америки и конституирующего «Другого».

Выдвинутые В. Журавлевой положения получили дальнейшее развитие в выступлении Д. Фоглесонга, также широко использовавшего для подтверждения своих тезисов политические карикатуры. Он акцентировал внимание на выявлении роли религиозного фактора в американских репрезентациях России на протяжении всего XX века. По мнению исследователя, религиозные воззрения американцев, с одной стороны, способствовали поддержанию их мессианских настроений и веры в то, что им под силу оказать реальную помощь в решении российских проблем (мессианская составляющая образа), а с другой – оказывали влияние на формирование представлений о России как о демоническом «Другом» и «Империи Тьмы», а также о русских, взирающих на Америку как на источник Света (демонизация образа).

Доклад У. Шейда также был посвящен роли религиозного фактора в российско-американских отношениях. Историк обратился к анализу религиозной риторики Рональда Рейгана в его речи об «Империи Зла», произнесенной перед Национальной ассоциацией евангелистов в марте 1983 года, и рассмотрел ее в качестве примера того, как республиканцы в США, апеллируя к ценностям евангелизма фундаменталистского толка, манипулируют сознанием американского общества.

Выступавшие на конференции исследователи неоднократно обращали внимание на долгосрочный характер американских мифов о России и бытование стойких «русских стереотипов» восприятия в Соединенных Штатах как на официальном, так и на общественном уровне, что стало предметом оживленных дебатов во время работы различных секций.

В частности, В. Мальков в продолжение дискуссии, начатой в связи с докладами В. Журавлевой и Д. Фоглесонга, проследил влияние сочинения маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» на американских дипломатов, работавших

в Советском Союзе в XX веке, – У. Буллита, У. Смита, Ф. Колера и Дж. Кеннана. Все они, по мнению исследователя, разделяли «пафос отрицания» французского аристократа, книга которого для Дж. Кеннана вообще стала своеобразным путеводителем по России и русскому национальному характеру. Не случайно, именно в ней он находил подтверждение своему главному тезису, представленному в «Длинной телеграмме» 1946 года, о пренебрежении советского руководства к принятым в «цивилизованных» странах нормам поведения на международной арене. Параллельно В. Мальков показал отличие взглядов маркиза де Кюстина и Кеннана, сохранявшего веру в будущее русского либерализма и в присущий русскому народу демократизм.

Выступление начинающей американской исследовательницы Д. Фэйлберг, основанное на анализе воспоминаний американских журналистов, находившихся в СССР в конце 1970-х – 1980-е годы, также вписывалось в обсуждение долгосрочного характера стереотипов восприятия России в США. В докладе проводилась мысль о том, что взгляды журналистов, основанные на их американском опыте, зачастую предопределяли понимание советской действительности. В итоге, репрезентации русских, присутствовавшие в воспоминаниях, не только закрепляли бытовавшие в американском обществе представления о Советской России, но и способствовали формированию новых более негативных стереотипов восприятия.

Доклад В. Познякова вывел участников конференции на обсуждение проблемы восприятия США в Советской России. Историк исследовал механизмы влияния информации, полученной через дипломатические и разведывательные каналы, на формирование представлений советского политического и военного руководства о Соединенных Штатах. В. Позняков проследил эволюцию образа США в 1917–1941 годы от враждебного Советской России

регионального лидера и активного участника антисоветской интервенции к «неожиданному и ненадежному союзнику», выделив меняющуюся и идеологизированную геополитическую составляющую и основанную на трезвом анализе сложившейся ситуации и практически не меняющуюся с течением времени прагматическую составляющую.

А. Безбородов обратился к выявлению особенностей менталитета советских людей в годы холодной войны. Он ввел понятие «оборонный тип сознания» как исторически и политически устойчивый сегмент общественного сознания, формирующий мировоззренческие, поведенческие стереотипы и мифы в условиях естественных и искусственно созданных угроз человеческой жизни. По мнению историка, идеология «осажденной крепости», культивировавшаяся в СССР с предвоенного периода, позволяла успешно превращать недавних союзников по антигитлеровской коалиции, и прежде всего США, во врагов и конструировать их демонический образ.

Участники конференции уделили особое внимание проблеме взаимовосприятия народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки друг друга.

Б. Шпотов сосредоточил внимание на характеристике впечатлений советских инженеров и рабочих, изучавших в конце 1920-х – начале 1930-х годов промышленные достижения в США, а также американских специалистов и рабочих, прибывших в СССР для участия в стройках пятилетки. Исследователь убедительно показал значение подобных контактов не только для модернизации советской промышленности, но и для активизации процесса взаимного узнавания.

И. Быстрову интересовало, каким образом в условиях холодной войны, длительного военного и идеологического противостояния СССР и США достаточно быстро происходило превращение «союзника» во «врага номер 1» и на первое место выходили стереотипы враждебности, страха и недоверия, хотя

память о сотрудничестве в годы Второй мировой войны не исчезла окончательно, укоренившись в глубинах сознания простых людей в СССР и США. При этом исследовательница акцентировала внимание на американских оценках советского военного потенциала и намерений.

Аспирантка Гарвардского университета *Д. Браун* предложила вниманию участников конференции особый ракурс изучения имагологии советско-американских отношений в период холодной войны: визуализации национальных образов в танце на примере гастролей балета Большого театра в Нью-Йорке и нью-йоркской балетной труппы в Москве в период Кубинского ракетного кризиса. Опираясь на материалы прессы, воспоминания участников культурного обмена и анализ хореографии, исследовательница приходит к выводу о том, что в 1962 году американский балет, у истоков которого стояли эмигранты из России, перестал быть русским, а сам язык танца, как и замысел режиссера-постановщика, подчеркивал национальные различия, разводя по разные стороны баррикады «Нас» и «Их».

Выступления участников конференции высветили сюжетное разнообразие в изучении истории российско-американских отношений, подтверждая тезис о том, что не существует закрытых тем и полностью изученных периодов, что привлечение новых источников и использование новых исследовательских практик приводит к расширению и проблематизации тематики исследований.

Примером реализации компаративистского подхода стал доклад *И. Суполицкой*. Исследовательница сравнила опыт обживания Сибири и Запада во второй половине XIX века, понимая под колонизацией не завоевание земель, а их освоение. По ее мнению, за внешними чертами сходства колонизации скрывалось качественно иное содержание, т.к. она осуществлялась представителями типологически различных об-

ществ при различной политике государства. Именно это стало причиной столь непохожих результатов: американцы победили пространство, а русские были побеждены им.

Тема, поднятая И. Супоницкой, интересна, с одной стороны, потому, что для американцев и русских Сибирь и Запад были значимыми национальными символами, а с другой – в силу того, что эти концепты играли важную роль в американском дискурсе о России и русском дискурсе о США. Причем они могли обретать как позитивные, так и негативные коннотации в зависимости от того, с какой целью использовались – для актуализации схождений в развитии двух стран или артикуляции принципиальных различий. Не случайно на рубеже XX–XXI веков возросло внимание к изучению данной проблематики по обе стороны Атлантики и появилась целая серия публикаций, подготовленных на основе компаративистского подхода. В конце 1990-х годов сенатор от штата Аляска Т. Стивенс и директор Библиотеки Конгресса Дж. Биллингтон инициировали создание мультимедийного проекта «Встреча на границах» («Meeting of Frontiers»), к которому подключились Российская государственная библиотека (Москва) и Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Сайт был открыт в декабре 1999 года. К настоящему моменту коллекция цифровой библиотеки содержит тысячи документов, карт, фотографий, звукозаписей, связанных с историей освоения и заселения Запада в США и Востока в России⁴.

О. Будницкий обратился к вопросу, не имеющему до сих пор однозначного ответа. Исследователь рассказал о том, каким образом посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев, сохранявший свой статус до июня 1922 года, распорядился остатками американских кредитов, различным имуществом гражданского и военного на-

значения, заготовленного, но так и не отправленного в Россию после большевистского переворота, средствами, вырученными в результате «золотого займа» колчаковского правительства, а также некоторыми другими суммами «российского происхождения», составившими в общей сложности около 30 млн долл. Изучение истории «русских денег» в Америке и «финансовой политики» российского посольства в Вашингтоне позволило историку высветить различные аспекты американской политики в отношении России в период Гражданской войны и приблизиться к пониманию деятельности русской «дипломатии в изгнании».

Ф. Костиглиола посвятил свое выступление характеристике политики Кремля по изоляции иностранцев от личного и даже профессионального контакта с советскими гражданами в период холодной войны. Эта политика основывалась на страхах подрыва лояльности к советскому режиму, шпионской деятельности и тлетворного сексуального влияния. По мнению историка, возведение «невидимой стены» оказывало крайне негативное влияние на американских и британских наблюдателей различного ранга, посещавших Москву. Испытав на личном опыте действие репрессивной системы, они убеждали свои правительства и сограждан в невозможности сотрудничества с Советами.

А. Киличенков продолжил обсуждение историографического аспекта советско-американских отношений, который, безусловно, требует изучения и переосмысления как важнейшая составляющая истории холодной войны, т.к. историки двух стран, определяя тематические приоритеты и исследовательские практики, выполняли своеобразный идеологический заказ по формированию образа врага. Ученый проследил влияние фактора советской военно-морской угрозы на становление самостоятельного направления в амери-

⁴ Подробнее об этом проекте см. сайт «Meeting of Frontiers» // [http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfhome.html].

канской «советологии» второй половины 1960-х – начала 1970-х годов, предметом изучения которого стало развитие морской мощи СССР. В ответ на возникновение нового вызова традиционному морскому господству Америки буквально за десять лет в США были выпущены сотни публикаций и выработана методика исследований истории советского флота.

Доклад *Т. Венедиктовой* вывел дискуссию на уровень микроистории. Исследовательница обратилась к совершенно неожиданному, но крайне интересному сюжету, связанному с культурной рецепцией. Выступление было посвящено истории переводов и публикации в советской и постсоветской России лирических стихотворений американки Эмили Дикинсон (1835–1886), ставших глубоко личным посланием миру. По наблюдению Т. Венедиктовой, «обживание» Дикинсон российско-советского культурного пространства в каждом отдельном случае (будь то переводчик, критик или читатель) помогало «частному человеку» обрести свой собственный голос.

В ходе работы итогового «круглого стола» шло обсуждение современного состояния российско-американских отношений.

Открывая дискуссию, *Т. Шаклеина* обратила внимание участников конференции на тот факт, что очередной «кризис» в двусторонних отношениях – это не просто сложности во взаимодействии России и США, но и отражение общей довольно кризисной ситуации в международных отношениях. Выход из нее видится политологу в отказе от военно-силового метода гегемонистского мирорегулирования, предложенного Соединенными Штатами, и оформлении «нового международного концерта», куда наряду с США и Европой вошли бы Российская Федерация, КНР, Индия, Бразилия, Аргентина, а также Япония; в осознании того, что мир не моноцентричен и США не могут и не должны в одиночку заниматься миро-

строительством; в расширении использования «мягкой» силы при решении современных международных проблем.

О. Гриневский рассуждал о сложностях взаимопонимания между Россией и США. По его мнению, несмотря на угрозу исламского экстремизма и терроризма, обе страны по-прежнему обеспокоены «теньями прошлого», вместо того чтобы консолидировать свои усилия, т.к. на рубеже XX–XXI веков безопасность не может быть обеспечена вне глобального и регионального контекстов. О. Гриневский представил комплексный анализ ситуации на Большом Ближнем Востоке, чреватой общей дестабилизацией международного пространства, и обозначил глобальную стратегию устранения причин, порождающих исламский экстремизм и терроризм, в выработке которой должны принять участие ученые и эксперты России и США, поскольку на государственном уровне достичь договоренностей не удастся.

В свою очередь *О. Игнаткин* говорил об идеях либерального равенства в американской политической теории конца XX века, связав этот анализ с проблемой создания демократических институтов в России. По его мнению, политическая философия с ее политико-идеологическими конструкциями должна способствовать решению демократических задач по формированию полноценного свободного общества и индивида. Эта проблема по-прежнему актуальна на постсоветском пространстве.

Участники «круглого стола» затронули еще один принципиально значимый аспект развития российско-американских отношений на рубеже XX–XXI веков: расширение знания о России и Соединенных Штатах в студенческой среде по обе стороны Атлантики, т.к. именно молодому поколению – мобильному, интернационализованному, глобально мыслящему – предстоит играть важную роль в установлении диалога между странами, преодолевая ста-

рые стереотипы взаимовосприятия. Одним из механизмов решения проблемы может стать реализация совместных межкультурных российско-американских учебных проектов, возможные варианты которых были представлены О. Анцыферовой и И. Морозовой.

О. Анцыферова рассказала о серии межуниверситетских сетевых проектов, проводимых с 2002 года по настоящий момент под ее руководством на базе Ивановского государственного университета при частичной поддержке «Project Harmony Inc.». В итоге реализации первого из них – «Евразийская киберпараллель: американская культура через Интернет» – было создано работающее интернет-сообщество из студентов, аспирантов и преподавателей университетов России и ближнего зарубежья для сотрудничества в изучении американской культуры. Вторым телекоммуникационный проект – «Иваново – Висконсин: культурные встречи в киберпространстве» – нацелен на изучение проблем гендерной асимметрии в кинематографе, литературе, языке и рекламе и получил название «Women Studies Across Cultures».

И. Морозова представила данные, полученные в ходе реализации совместного межкультурного проекта, организованного в феврале 2004 года Американским центром Удмуртского государственного университета (Россия) в сотрудничестве с Johnson County Community College (США) и при участии Глазовского пединститута (Россия). В рамках проекта, нацеленного на изучение американских и русских стереотипов восприятия, был проведен опрос 80 русских и 80 американских студентов в возрасте от 18 до 29 лет, с тем чтобы выяснить, насколько живучи культурно-исторические стереотипы в студенческой среде России и США, и понять, существует ли среди молодежи интерес к развитию российско-американского сотрудничества.

Продолжая «педагогическую тему», Э. Элиот проанализировала мифы о русском языке, наиболее распространенные в американском университете среди студентов и преподавателей. По мнению докладчицы, утверждения об излишней сложности русского языка, его труднодостижимости должны быть осмыслены ее американскими коллегами, т.к. эти мифы противоречат данным лингвистических исследований и могут перерасти в представление о культуре России в целом, учитывая логическую взаимосвязь между языком и культурой.

И. Уайль, развивая тему изучения русской словесности в США, призвал собравшихся прежде всего вглядываться в человеческое, творческое лицо и Америки, и России. Именно в этом профессор Северо-западного университета, знающий Россию и русских не понаслышке, усматривает гарантию гармонизации взаимоотношений двух стран. Несколько лет назад он выступил инициатором создания Российско-американского учебно-научного центра в РГГУ и оказал его работе самую широкую поддержку. Во время церемонии открытия конференции И. Уайлю было присвоено звание почетного профессора РГГУ.

Международный форум завершала презентация книги В. Липовецкого «Ковчег детей»⁵. Ее автор, журналист и моряк, в течение 25 лет собирал в различных странах информацию о том, как в 1918–1920 годах 800 детей, вывезенных из голодного Петрограда на Урал, оказались отрезаны Гражданской войной от своих родителей и, добираясь домой, совершили по воле обстоятельств кругосветное путешествие, переплыв два океана, побывав в Китае, Японии, Америке и Европе. Это странствие не смогло бы окончиться благополучно без активной помощи со стороны сотрудников Сибирской миссии Американского Красного Креста, взявших под свою

⁵ Липовецкий В. Ковчег детей, или невероятная одиссея. Санкт-Петербург, 2006.

опеку детей Советской России. Книга В. Липовецкого – это не научная монография, а художественно-документальный роман, в котором на основе воспоминаний, архивных материалов, публикаций в прессе, интервью рассказана удивительная история, имеющая самое непосредственное отношение к тому, что принято называть гуманитарным измерением российско-американских отношений.

В ходе конференции осуществлялся поиск новых тематических приоритетов и исследовательских практик с целью создания более многомерного представления о прошлом российско-американских отношений, более трезвого понимания их настоящего и более четкого прогнозирования их будущего. Второе и третье, как известно, невозможно без отказа от старых мифологем и стереотипов восприятия, излишней эмоциональности в оценках деятельности друг друга и нежелания учитывать уроки истории.

Конференция, прошедшая в РГГУ, продемонстрировала готовность российских и американских исследователей к открытому диалогу и сотрудничеству в рамках совместных научных и учебных проектов. А это немаловажно, учитывая вхождение межгосударственных отношений в очередную фазу «охлаждения», т.к. только свободный обмен мнениями и научная дискуссия позволят исправить ошибки взаимовосприятия и хоть немного продвинуться на пути создания нового миропорядка.

Перспективным совместным проектом ученых двух стран могло бы стать написание обобщающей коллективной монографии по истории взаимоотношений России и США с конца XVIII по начало XXI века, а также подготовка одновременно на двух языках комплексного

учебного пособия, состоящего из учебника, хрестоматии (ридера) и компакт-диска. На мой взгляд, празднование таких дат, как 200-летие установления дипломатических отношений, должно настраивать на реализацию пусть и достаточно амбициозных, но в то же время многообещающих проектов. Как подчеркнул *Б. Рубл* в своем приветственном обращении, юбилеи, подобные этому, – прекрасный повод для академической саморефлексии, для того, чтобы всерьез задуматься о создании комплексной истории взаимоотношений столь похожих и одновременно столь разных народов, какими были и остаются русские и американцы, истории о том, как они воевали, осваивали необжитые пространства и двигались к побережью Тихого океана, вдохновлялись друг другом и друг в друге разочаровывались, как осознавали национальную идентичность, позиционируя себя по отношению к Европе и используя европейский язык и европейские теории для описания совсем неевропейских явлений, и, наконец, о том, как европейские народы воспринимали этих «варваров», «казаков» и «ковбоев» у своих границ. И эта история, по справедливому замечанию директора Института Кеннана, будет шире истории дипломатических отношений, но она есть неотъемлемая часть нашего общего исторического прошлого, без осознания которого вряд ли возможно выстраивание нашего общего будущего.

Виктория Журавлева,

кандидат исторических наук, координатор программы по американистике, доцент кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ, former Kennan Institute Short Term Scholar

200 лет российско-американских отношений (заметки с конференции)

Главным событием празднования юбилея дипломатических отношений между Россией и США стала научная конференция «200 лет российско-американских отношений», которая состоялась 8–9 ноября 2007 года в Москве. Этот крупнейший международный форум был организован Институтом всеобщей истории РАН, Институтом Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона и Государственным университетом гуманитарных наук при содействии Российской академии наук, Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию, Министерства иностранных дел РФ и Посольства США в Москве.

Внушительных размеров зал Президиума РАН с трудом вместил многочисленных участников конференции, собравшихся на Пленарное заседание, – российских и американских ученых, дипломатов, представителей сферы высшего образования, руководителей фондов и программ, занимающихся международными обменов. Во вступительных речах и обращениях, направленных в адрес конференции, подчеркивалось, что сотрудничество российских и американских ученых имеет существенное значение для развития взаимоотношений двух стран. Возникающее между ними недопонимание можно и должно преодолевать с помощью расширения научных и образовательных контактов.

По мнению посла США в России У. Бернса, этот юбилей – хороший повод для размышлений. Россия и США по-прежнему важны друг для друга, как и для всего мира. Однако взаимные разочарования зачастую скрывают взаимные цели, и мы слишком поглощены рассмотрением ошибок друг друга, чтобы добиваться реального прогресса в наших отношениях. Необходимо искать путь повышения их эффективности, поскольку обе страны играют ключевую роль

в разрешении многих проблем, стоящих перед мировым сообществом. Посол выделил пять областей, в которых Россия и США могут добиться большего совместными усилиями: (1) глобальная безопасность (борьба с терроризмом, ядерной угрозой и т.д.); (2) экономическое сотрудничество (особенно развитие инвестиций в экономики обеих стран); (3) сотрудничество в разрешении региональных конфликтов; (4) глобальные проблемы, такие как распространение ВИЧ/СПИДа, глобальное потепление и исследование космоса; (5) расширение общественных связей (в том числе обменов).

Обратившись к теме будущего России, У. Бернс отметил, что ключевым фактором ее стабильности будет построение устойчивых институтов. Сегодня в России вызывает особый интерес фигура Франклина Делано Рузвельта. Однако он оказался столь значимым персонажем американской истории не потому, что пребывал на посту президента Соединенных Штатов четыре срока (что позволяла Конституция США), а потому, что реформировал общественные институты.

В заключение У. Бернс выразил убеждение в том, что российско-американ-

ские отношения более не являются игрой с нулевой суммой, а потому мы не должны позволить различиям между нашими странами заслонить реальные возможности взаимодействия.

Директор Института всеобщей истории РАН, академик А. Чубарьян рассмотрел задачи и перспективы отечественной американистики. Важным достижением конференции он назвал то, что на нее были приглашены представители большинства региональных университетов, занимающихся американскими исследованиями. Несмотря на то, что их тематика достаточно разнообразна, сегодня отмечается неравномерное распределение работ, посвященных разным периодам истории США. По-прежнему велик интерес к таким темам, как Русская Америка и внешняя политика США. По мнению А. Чубарьяна, необходимо возродить интерес к внутренней истории Соединенных Штатов, чей опыт может оказаться полезным для современной России. Особенно важными докладчик считает следующие темы: (1) формирование американской федеративной системы; (2) специфика истории американского бизнеса (в особенности среднего и малого); (3) межнациональные отношения; (4) проблема функционирования институтов гражданского общества; (5) партийная система США; (6) внешняя политика (история американского изоляционизма и современного американского глобализма); (7) соприкосновение России и США в других регионах мира; (8) взаимные представления друг о друге.

Профессор Гарвардского университета Р. Пайнс разделил российско-американские отношения на две фазы: хорошие отношения в XIX веке и плохие – в XX. Что же предвещает нам XXI столетие? По мнению историка, прочные отношения между нашими странами возможны только в том случае, если нам удастся освободиться от иллюзий. США прежде всего необходимо прекратить «параноидальные» поиски врага,

а России – наконец понять, что она не является более супердержавой.

Размышления об истории и перспективах российско-американских отношений продолжил директор Института США и Канады РАН С. Рогов. Он предложил следующую их периодизацию: (1) первые 150 лет, когда страны действовали в рамках многополярной системы; (2) биполярная система, существовавшая в течение 40 лет; (3) период после окончания холодной войны, когда была сделана попытка установления однополярного мира, и (4) переход к новому многополярному миру. По мысли Рогова, сегодняшняя многополярность отличается от той, что существовала на первом этапе. Это мультикультурная многополярность.

Докладчик подчеркнул, что на современном этапе российско-американские отношения находятся на распутье. Возможна новая холодная война. Происходит консолидация конфронтационной модели, когда момент сотрудничества заменяется соперничеством; разрушается режим контроля над вооружениями; начинается новая гонка вооружений, а самое главное – появляются разговоры о несовместимости наших ценностей. Мир будет погружаться в многополярный хаос, если США и России не удастся договориться.

Д. Нордландер из Библиотеки Конгресса США посвятил свое выступление успешному примеру российско-американского сотрудничества – интернет-проекту «Встреча на границах», который является двуязычной (англо-русской) цифровой библиотекой, представленной разными средствами информации. Ее материалы повествуют об освоении и заселении американского Запада, о происходившем параллельно освоении и заселении Сибири и российского Дальнего Востока, а также о встрече русских и американцев на Аляске и на северо-западном побережье Америки.

Профессор МГИМО В. Согрин рассмотрел уроки «нового курса» Ф.Д. Рузвельта для современной России. Кремлевский идеолог В. Сурков

и политтехнолог Г. Павловский называют В. Путина Рузвельтом наших дней. Однако, по мнению докладчика, невозможно трансплантировать в России подходы, применявшиеся в другом историческом контексте и в другом обществе. Российская и американская политические культуры различны. Ф.Д. Рузвельт – чисто американский феномен, который не может быть перенесен на российскую почву. Безусловно, необходимо изучать ту роль, которую он сыграл в американской истории, однако из этого не следует извлекать ложные уроки.

По мнению профессора Колумбийского университета *Р. Леввольда*, сегодня, несмотря на изменившиеся условия, вновь проявляются следы холодной войны. Главное, отметил докладчик, состоит в том, что в российско-американских отношениях так и не был решен вопрос об основных ценностях. Холодная война была столкновением разных идеологических систем и разных ценностей. Столкновения больше нет, однако если мы не начнем признавать общность наших интересов, мы снова придем к конфликту ценностей. Обе страны имеют возможность сделать свой выбор.

Дальнейшая программа конференции была чрезвычайно разнообразна. Она позволила рассмотреть различные этапы и направления развития российско-американских отношений. Работа велась в рамках пяти секций: «История внешнеполитических отношений России/СССР и США», «История США и развитие российско-американских отношений», «История Русской Америки», «Российско-американские отношения в системе высшего образования», «Российско-американские культурные связи».

Во второй день работы конференции состоялась встреча послов СССР/России в США и США в СССР/России. Ю. Воронцов, А. Бессмертных, В. Комплектов, Ю. Дубинин, В. Лукин, Дж. Коллинз, Т. Пикеринг и Дж. Мэтлок дали свою оценку российско-амери-

канским отношениям на различных этапах их развития.

На приеме в Спасо-Хаусе, резиденции посла США, с участниками конференции своим видением динамики российско-американских отношений и их перспектив поделился выдающийся дипломат и эксперт в области международных отношений, бывший госсекретарь США Г. Киссинджер.

Крайне сложно суммировать результаты столь насыщенного информацией и разностороннего мероприятия. Это попытался сделать директор Института Кеннана *Б. Рубл* на церемонии закрытия конференции. По его мнению, она, прежде всего, продемонстрировала, что дело изучения российско-американских отношений живет и процветает. Множество ученых по обе стороны океана занимаются исследованием серьезных проблем. Поиски новых подходов к исследованиям стали возможны благодаря открывшемуся доступу к новым источникам информации, таким как архивы и данные различных социологических обзоров. Появились новые темы исследований, например проблема толерантности. Целому ряду направлений присущ особый динамизм. История холодной войны очень быстро приобрела статус солидного академического проекта. По результатам конференции видно, насколько хорошо сформировалась область исследований по Русской Америке. В отношении внутренней истории Соединенных Штатов в России имеются различные точки зрения, о чем свидетельствует дискуссия о Ф.Д. Рузвельте, показавшая, что кроме очевидных истин возникает целый ряд побочных проблем, в частности о природе институционализации реформ. И, наконец, конференция показала, что американистика в России существует во многом благодаря усилиям региональных ученых, чьим мнением невозможно пренебрегать.

Екатерина Алексеева,
ответственный секретарь
редколлекции «Вестника»

Россия и Европейский союз: дискуссия в Нижнем Новгороде

В последнее время в отношениях между Европой и Россией наблюдается некоторый парадокс: чем ближе одна из сторон пытается подойти к другой, тем напряженнее становятся их отношения. Именно об этом шел разговор 14–15 октября 2007 года в Нижнем Новгороде на международной конференции «Россия и ЕС: пространства, свободы, идентичности». Она проводилась сразу в трех нижегородских вузах (Лингвистическом университете, Волго-Вятской академии государственной службы и Педагогическом университете) под эгидой европейской программы ИНТАС и Института Кеннана. Из числа кеннановских выпускников в ней участвовали, помимо автора этого обзора, Б. Ланин (Российская академия образования) и Н. Иванова (Высшая школа экономики).

Конференция в Нижнем Новгороде собралась буквально накануне лиссабонского саммита ЕС, на котором лидеры 27 государств Старого Света наконец-то сделали важный шаг на пути к своему организационному единству: скоро у ЕС должен появиться свой президент, а система сменяющих друг друга полугодных председательств разных стран уйдет в прошлое. Евросоюз действительно переживает весьма динамичный и противоречивый период в своем развитии. Если «новые» члены ЕС в основном озабочены отношениями с Россией, то «старые» – преимущественно сконцентрированы на своих внутренних проблемах. Особенно сильные дебаты развернулись в Великобритании, которая выторговала себе специфические условия, касающиеся законодательства о сотрудничестве в области обеспечения правопорядка и внутренней безопасности, включая вопросы миграции и визового режима.

На этом фоне необычайную значимость приобретает аргумент о том, что Европа отличается от других государств тем, что главную роль в ее внешней политике приобретает принципиальная приверженность нормам. Например,

главным критерием готовности Хорватии вступить в ЕС многие специалисты называют полномасштабное сотрудничество ее руководства с Международным трибуналом по бывшей Югославии. Другими словами, если США в основном принуждают (преимущественно при помощи военной силы), то ЕС убеждает (в том числе силой собственного примера).

Большая часть дискуссий, развернувшихся на конференции в Нижнем Новгороде, исходила из существования обширной зоны взаимоотношений между Россией и Европейским союзом, которые, используя терминологию школы социального конструктивизма, можно назвать межсубъектными. Речь идет о таком способе коммуникации между двумя мировыми субъектами, в рамках которой принципиальное значение имеют возможности взаимного влияния, диалога. В радикальном варианте этот ключевой конструктивистский тезис можно интерпретировать как указание на невозможность односторонних – в строгом смысле этого слова – действий одного субъекта в отношении другого: в любую политическую линию

списана контрреакция, любой тип поведения в отношении других участников международных отношений содержит в себе возможность обратного влияния со стороны «объекта» воздействия. Например, Россия, сознательно позиционирующая себя как страна с собственными культурными традициями, указывает своей особостью пределы концепции европеизации, которая используется Евросоюзом в качестве инструмента воздействия на близлежащие страны. Россия, которая перестает соответствовать европейским ожиданиям в отношении стандартов демократии, реактуализирует проблему смысловых и культурных разрывов по линии Восток – Запад и обостряет вопросы идентичности.

Именно сквозь призму такого подхода можно объяснить многие проблемы, касающиеся концепции четырех общих пространств. Структура российско-европейских отношений сегодня, к сожалению, такова, что практически каждый шаг вызывает негативную реакцию другой стороны, что провоцирует рост отчуждения и взаимного недоверия. Вот несколько наиболее характерных примеров. Политика европейского соседства (ENP), разработанная Брюсселем, была фактически бойкотирована Москвой, что привело не к планировавшемуся сближению, а наоборот – к усугублению трений между Россией и Евросоюзом. «Технический», казалось бы, вопрос о месте расположения памятника времен Второй мировой войны в Таллине вызвал глубокие дискуссии о коллективной исторической памяти, которые опять-таки развели Россию и ее западных соседей по разные стороны. Санкции, наложенные правительством России в отношении польской мясной продукции, спровоцировали долгие дебаты о соотношении политических и экономических инструментов, используемых нашей страной для защиты своих интересов. Расследование «дела А. Литвиненко» переросло в полномасштабный кризис отношений между Москвой и Лондоном,

в ходе которого вскрылась принципиальная разница между двумя странами в понимании безопасности.

В результате получается, что ни одна сфера двусторонних отношений не работает эффективно: вопросы экономики и социокультурной идентичности оказываются «зараженными» политическими привнесениями, а повестка дня в области безопасности скорее отражает столкновение узких и плохо совместимых друг с другом национальных подходов, чем содержит в себе интегрирующий потенциал.

На эту запутанную ситуацию можно взглянуть глазами Жака Лакана, который когда-то утверждал, что «послание всегда доходит до своего адресата». Такой, на первый взгляд, парадоксальный подход может быть востребован, если мы увидим в российско-европейских отношениях обмен «речевыми актами». В этом смысле можно предположить, что Россия часто возвращает Европе – правда, в существенно видоизмененном виде – те «послания», с которыми сама Европа когда-то пыталась обращаться к России. Например, Европа потратила массу усилий на то, чтобы убедить сначала Советский Союз, а потом и Россию в важности рыночной экономики – так Москва и говорит сейчас на «рыночном» языке, приводя все платежи за энергоносители в соответствие с мировыми ценами. Европа твердит об общих ценностях и правах человека – но именно к этим «фигурам речи» и апеллирует Россия, критикуя Балтийские страны за попытки пересмотра общего антифашистского наследия послевоенной Европы и за несоблюдение прав русскоязычных меньшинств. Европа привержена «глобальной войне с терроризмом» – вот Россия и требует, ссылаясь на это, выдать ей А. Закаева и ряд других фигур, обвиняемых в организации терактов. Наконец, Европа позиционирует себя как источник демократии – Россия тоже использует похожий лексикон, говоря о «суверенной демократии» и «демократической многополярности».

Конференция в Нижнем стала приметным событием, поскольку ее участники попытались составить своего рода реестр глубинных проблем, которые разделяют Россию и Европейский союз. Таких проблем набралось, по крайней мере, четыре.

Во-первых, суть многих дебатов касается интерпретации того, что такое политика и производные от нее термины. Словесная игра состоит в том, что Россия регулярно отрицает политическую обусловленность своего поведения в отношении таких стран, как Эстония или Польша, а ЕС столь же регулярно пытается выявить скрытые политические интенции Кремля в отношении соседей. Вероятно, выход из этой тушиковой ситуации может состоять в признании того, что не любая власть является по своей природе политической. Энергетические ресурсы действительно составляют важнейший властный инструмент в руках России, но инструмент не столько политический, сколько экономический.

Во-вторых, предметом глубинных разногласий является проведение грани, отделяющей внутреннюю политику от внешней. Многие европейские страны сознательно или непреднамеренно смешивают различные аргументы, в результате чего через СМИ в массовое общественное сознание транслируются нелогичные по своей природе сентенции о том, что российская энергетическая политика плоха, потому что в Москве убивают журналистов.

В-третьих, в основе многих дискуссий между Москвой и Брюсселем лежит вопрос о нормах и девиациях. Проблема здесь состоит в том, согласится ли в стратегическом плане Россия на то, чтобы признать Евросоюз – чего он активно добивается – в качестве источника нормативного драйва на всем постсоветском пространстве, или же Россия готова выступить со своим нормативным проектом? Второе кажется более вероятным, из чего можно сделать вывод о том, что Россия готова поставить в центр своей внешней политики скорее

концепт идентичности, чем национальных интересов – правда, он понимается несколько иначе, чем в Европе.

В-четвертых, многие дискуссии между Россией и Евросоюзом уходят своими корнями в проблему соотношения универсального и партикулярного. Мы наблюдаем, по сути, столкновение двух версий универсализма, европейского (нормативного) и российского (более технологического и деполитизированного). Для России универсализм – это продажа энергетических ресурсов по равным ценам или нахождение такого решения проблемы Косово, которое могло бы быть воспроизведено во всех других аналогичных ситуациях. В отличие от 1990-х годов, Россия не готова признавать легитимность каких бы то ни было исключений из общих норм, видя в этом угрозу своему универсалистскому проекту.

Но важно увидеть не только то, как Европа и Россия взаимно конституируют друг друга этими дискурсивными диссонансами и разрывами. Не менее существенно то, что в результате и Россия, и ЕС оказываются политическими субъектами с разорванной, внутренне конфликтной идентичностью. Так, Россия внутренне расколота желанием одновременного использования экономических и нормативных аргументов в общении с Европой. Раскол ЕС связан, с одной стороны, с желанием сохранить в неприкосновенности саму нормативную базу, на которой образован Союз, а с другой – со стремлением в каждом конфликте встать на сторону оппонентов России (будь то Украина, Эстония, Польша, Великобритания, Грузия, Молдова), вне зависимости от природы проблемы и от того, в какой степени позиция России может быть признана справедливой.

Андрей Макарычев,
*доктор исторических наук, профессор
Нижегородского лингвистического
университета,
Former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Американская мозаика

В феврале 2007 года я летела в Вашингтон с хорошо продуманным планом действий. Поскольку это был уже не первый мой визит в Институт Кеннана (в 2002 году я была там месяц по краткосрочному гранту и собрала чудесный материал), меня уже было не удивить видами столицы мировой державы и контрастами огромного здания Международного торгового центра имени Рональда Рейгана, где в боковом крыле на 8-м этаже и находится этот небольшой институт. Я знала, чего мне ждать, и, как мне казалось, была готова четко и без особых приключений выполнить свой план. Он состоял из двух пунктов: во-первых, углубленно исследовать новое направление в американской историографии России, которое получило свое развитие в конце 90-х годов под маркой «новой политической истории», и, во-вторых, дополнить свою монографию, уже сданную в издательство «Наука», последними новинками, поступившими в Библиотеку Конгресса и недоступными в Москве. Где-то на заднем плане маячило неопределенное слово «контекст», которое не давало мне покоя в последние месяцы. Я отдавала себе отчет, что для адекватного понимания трудов американских историков нужно не только вписать их в историографический курс эпохи, но и знать какие-то реалии, «фон» и «дух времени», те условия, в каких делалась и делается американская историческая русистика.

Обилие свалившегося на меня материала полностью спутало все ориентиры. Я не знала, куда кидаться. С книжных полок институтской библиотеки

Ольга Владимировна Большакова,
кандидат исторических наук, стар-
ший научный сотрудник
Института научной информации по
общественным наукам РАН,
Former Fulbright-Kennan Scholar

завывно смотрели корешки с захватывающими названиями. Вот, пожалуйста, совсем недавно изданные воспоминания Адама Улама – знаменитого «буржуазного фальсификатора», «ястреба холодной войны», многократно заклеянного советскими историками. Стоило только потянуть за одну ниточку, и материалы по холодной войне, которая долгое время определяла конфигурацию русских исследований в США, буквально посыпались на меня. Богатейшие электронные ресурсы библиотеки предлагали и то, и это, и еще вот это... Однако пришлось взять себя в руки и обратиться к более близким по времени сюжетам.

Особенно привлекательными были полки со свежими номерами исторических журналов. Далеко не все из них выписываются российскими библиотеками, другие поступят туда только через два-три года. Обложившись стопками, я погружалась в мир сегодняшних дискуссий о русской истории, выявляя новые имена, пытаясь определить приоритетные темы и направления исследований. Большую помощь в этом оказала мне Джессика Джексон, мой интерн (к каждому исследователю в Институте Кеннана и Центре Вудро Вильсона прикреплен личный помощник, студент университета). Джессика проводила поиск по электронным базам данных, собирала рецензии, статьи, помогала обрабатывать многостраничные данные о ежегодных собраниях Американской ассоциации содействия славянским исследованиям. Существенно облегчало дело и постоянное содействие персонала библиотеки: Джанет Спайкс, с ее потрясающей эрудицией и умением ориентироваться в море библиографии, Мишель и Данье, всегда готовых прийти на помощь и неизменно доставлявших стопки нужных книг из Библиотеки Конгресса.

По мере накопления материала становилось ясно, что нельзя ограничиваться исследованием какого-то одного направления в американской историогра-

фии, что и само направление «новой политической истории» следует рассматривать в «контексте». Современная американская русистика настолько интересна и богата, что заслуживает отдельного монографического исследования. Нужно было не упускать столь блестящей возможности и собирать, собирать все, что только идет в руки.

В результате передо мной оказался пазл, состоявший из тысячи кусочков, который требовалось сложить в связную (и желательно красивую) картину современного состояния американской русистики. Отдельные сюжеты этого мозаичного полотна стали вырисовываться довольно быстро. Я начала собирать воедино все, что относилось к направлению «новой политической истории», и на первый план выступило слово «модерность». Надо сказать, что новый подход к изучению феномена современного общества (условно названный мною «модернизация в эпоху постмодерна»), привлек мое внимание еще в Москве. В Америке он приобрел иное измерение.

Суть этого подхода заключается в том, что молодое поколение американских историков-русистов изучает не процесс «модернизации», трактуемый обычно как гонка «отстающих» стран за «передовыми» западными державами с целью построения либеральной демократии, а сам феномен современного общества – «модерность» и ее сущностные черты. Молодые историки исходят из того, что мы живем уже в новую эпоху постмодерна, когда так называемый «проект Просвещения», связанный с верой в Науку и Прогресс и осуществлением утопий (или антиутопий) завершил свое существование. Реализовался проект или нет и каковы результаты его реализации – отдельный большой вопрос. Важно, что из исторического процесса изымается идеология и цель, и оказывается, что парламентская демократия – отнюдь не единственный путь к построению современного общества. Модерность многолика, и для разных истори-

ков она означает разные вещи. С этой многоликостью я сразу же начала стелкаться.

Надо сказать, что помимо традиционного библиотечного поиска и сбора материалов Институт Кеннана предлагал и другие возможности для исследователя. Вскоре после моего приезда состоялось собеседование с руководством института, на котором Блэр Рубл и Маргарет Пэксон сразу же назвали мне имена тех историков, с которыми я могу встретиться в Вашингтоне. Мэгги помогла мне связаться с Эриком Лором, который вел так называемый «kruzhok» по русской истории в Джорджтаунском университете. А вскоре в Институт Кеннана приехал выступить Питер Холквист, один из главных «героев» моего проекта. Я уже реферировала его книгу о Первой мировой войне и русской революции, и его взгляды на формирование русской модерности в общеевропейском контексте показались мне крайне интересными.

Доклад Питера в Институте был захватывающим, не менее ярко он выступал и на «кружке» в Джорджтауне. Особенно поразила меня компетентность и увлеченность американских историков-русистов. Никакой формальности, никакой «обязаловки», и после доклада, на традиционном ужине в ресторанчике, обсуждение продолжается с неменьшей горячностью. Забавно было видеть, как над индийскими яствами американцы взахлеб спорят о дефиниции гражданского общества и применении этого концепта к анализу России. Таким образом, всячески пропагандируемый Маргарет Пэксон антропологический подход оказался применим и в моем проекте. «Полевые исследования» я проводила в Джорджтаунском университете, на улицах Вашингтона, в кафе и коридорах Центра Вудро Вильсона – везде, где можно было поговорить с американскими историками и другими специалистами из разных уголков мира.

Если же говорить о тех, кто работал со мной бок о бок в Институте Кеннана,

то ближе всего к моей теме были проекты Кейт Браун (Университет Мэриленда) и Скотта Кенворти (Университет Майами, Огайо). Книга Кейт, посвященная изучению истории бывшего «западного пограничья» Российской империи, которое в XX веке находилось на территории Польши и СССР, окрашена индивидуальностью автора. Ее антропологический подход к исследованию этого поликультурного региона предлагает свое прочтение модерности: для нее это в первую очередь постепенная унификация и стирание культурных различий, исчезновение прежде богатого национального и языкового разнообразия.

Изучение православной религии и церкви – направление, которого я старалась избегать в силу его крайней политизированности. Однако проекты Скотта Кенворти и Ирины Папковой, посвященные истории и современному состоянию русской православной церкви, обсуждения и встречи, которые проводились в Институте Кеннана, заставили меня изменить свое отношение. Изучение русского православия и вообще религиозности в России и СССР активизировалось в США в 90-е годы, и результаты выглядят крайне интересными. Для Скотта, который также делал доклад на «кружке» в Джорджтауне, бурное развитие монастырей в Российской империи на рубеже XIX–XX веков, а затем в постсоветское время представлялось главным проявлением типично русских «антимодернистских» тенденций. Однако похоже, что после всех обсуждений он несколько изменил вектор своего исследования и уже иначе начинает трактовать этот сюжет.

Ирина Папкова, родом из Сан-Франциско, из семьи православного священника, исследовала политический аспект религиозности, а именно отношения Русской православной церкви и государства и перспективы демократии в России. Как я смогла заметить, пребывание в здании на Вудро Вильсон Плаза также серьезно повлияло на ее рабочие

планы, значительно расширив спектр изучаемых сюжетов.

Необычайно широким получился охват исследования у Александра Петрова (Владивосток), который обнаружил в Национальном архиве ранее неизвестные материалы по Дальневосточному региону и перевел свое сравнительноисторическое изучение китайских диаспор в России и США в плоскость международных отношений. Сильно изменил содержание своего проекта и Руслан Гарипов (Казань). Вместо сухого сопоставления американского и российского законодательства о коренных народах обеих стран он обратился к антропологическому изучению американских индейцев. Общение стало для Руслана важнейшим аспектом выполнения его проекта.

Это неизбежный результат нахождения в совершенно особой международной среде, где каждый рад поговорить на самые неожиданные темы. Кругозор неумолимо расширяется, границы исчезают, идеологические оковы – если они были – падают. Привычный штамп «дух международного сотрудничества» на практике выглядит действительно здорово. Например, в поездке в поместье Джорджа Вашингтона Маунт-Вернон, организованной для участников Программы Фулбрайт, не только начинаешь многое понимать об исторической подкладке американской демократии, но и окунаешься в атмосферу всеобщего дружелюбия и открытости, где каждый – член большого международного братства.

Не менее важным оказалось общение и для меня, особенно в том, что касалось понимания американского образа жизни. Я снимала комнату на северо-западе Вашингтона, у Джерри Шварца, который уже несколько лет сдает ее русским участникам Программы Фулбрайт-Кеннан (и называет соответственно – Russian room). Типичный либерал-«шестидесятник», Джерри преподает английский иностранцам, приехавшим в США завоевывать новый континент.

Сам он также был когда-то стипендиатом Фулбрайта, а сразу после окончания университета несколько лет жил и работал в Африке в рамках программы помощи развивающимся странам. Перед входом в его потрясающий, похожий на музей дом на Джоселин-стрит вас встречает лозунг против войны в Ираке: «War is not the answer!», а затем два дружелюбных пса радостно приветствуют гостя. Дома общение продолжается постоянно, обсуждаются всевозможные темы – от тонкостей американского английского (вот она, практика языка!) до текущей политики. Многочисленные друзья Джерри приходят на ужины, а важнейшим событием на Джоселин-стрит являются соседские обеды, которые даются два раза в год. Этой весной наш дом отвечал за десерт, и поздно вечером веселая толпа расположилась на задней веранде, которая была последним пунктом в маршруте от закусок и главного блюда к нам, в дом № 3615.

Среди соседей Джерри оказалась супружеская пара, побывавшая в Узбекистане и Москве также в рамках Программы Фулбрайт. Журналист и телекомментатор, преподаватель политологии Ларри Джарвик и его жена Нэнси собирались в Санкт-Петербург по программе обмена преподавателями и всячески старались «освежить свой русский». Они пригласили меня принять участие в собраниях «Russian conversation group», которая состоит главным образом из жен дипломатов, побывавших когда-то в России. Раз в месяц они собираются у кого-нибудь дома поговорить по-русски, а потом читают вслух «Героя нашего времени» Лермонтова и переводят его на английский. Расспросив о моем проекте, Ларри принес оттиски своих статей о современной ситуации в России и заинтересовавшую его книгу Стивена Маркса. Так мы снова возвращаемся к модерности. Книга «Как Россия формировала новый мир: от искусства до антисемитизма, от балета до большевизма» – еще один кусочек

пазла, который, хотя и не укладывался в общую концепцию, живо оттенял ее. Стивен Маркс настаивал, что все «анти-модернистское», направленное на разрушение модерности в мире, исходило из России: революционный терроризм, антисемитизм, большевизм, не говоря уже о таком явлении, как современное искусство авангарда. Трактовка более чем спорная, но, как говорится, «провокационная» и «стимулирующая». Она простимулировала меня посмотреть выставку в Corcoran Gallery под названием «Модернизм: построение нового мира, 1914–1939». По силе эмоционального воздействия я не могу припомнить за последние годы ничего подобного.

На достаточно ограниченном выставочном пространстве было показано, как радикально менялся мир между двумя мировыми войнами. Менялся на уровне не только «высокого» искусства, но на самом низовом, на уровне повседневной жизни. Человечество вступало в эпоху массовой культуры, массового производства и потребления, публичной политики, коллективизма, одержимости спортом и здоровым образом жизни. Это был тот феномен «межвоенной» модерности, который описал американский историк Стивен Коткин на материале СССР. Выставка наглядно подтверждала его выводы. Во всех разделах – кино, скульптура, музыка, графика, архитектура – лидировала Россия, далее шли Германия и Италия, Румыния, Франция, Англия, и в том, что касается технологий, – США. Больше всего поразило то, сколько внимания авангардисты 20–30-х годов уделяли повседневности и быту. И то, что их утопии были реализованы. Я увидела макет квартала пятиэтажек в Черемушках, где я живу. Он был спроектирован ЛеКорбюзье в 20-е годы. Тогда же в городе Франкфурте была изобретена встроенная кухня, рассчитанная на пресловутые шесть с половиной квадратных метров. Самый яркий авангардизм 20-х годов реализовался в советское убожество 60-х.

Причем без особых изменений. Выставка «Модернизм» стала, пожалуй, самым мощным «контекстуальным» подкреплением моего проекта. Но были и другие крупницы «контекста», ничуть не менее важные.

Был седер (ритуальная трапеза на еврейскую пасху) у друзей в Нью-Йорке и знаменитый мюзикл «Скрипач на крыше» по «Тевье-молочнику», параллельно с чтением книги Юрия Слезкина «The Jewish Century», органически связанной с сюжетами из Шолом-Алейхема. Бывший москвич, а теперь профессор в Университете Беркли, Слезкин утверждает, что феномен модерности немислим без того вклада, который привнесли в мир евреи. Модерность, по Слезкину, – это апофеоз присущего древнему народу мобильного образа жизни и исповедуемых диаспорой ценностей. В американском контексте трактовка Слезкина выглядела вполне органично, и вместе с большим корпусом рецензий (которые также составляют обрамляющий «контекст») она была помещена на соответствующее место в моем пазле.

Еще была поездка в штат Орегон, где в глуши на берегу реки Эпплгейт стоит дом известного историка-русиста Теренса Эммонса (всю жизнь проработавший в Стэнфордском университете, он является также почетным академиком РАН и почетным профессором МГУ). Несколько дней я провела, осматривая местные достопримечательности, в разговорах и обсуждениях, слушая воспоминания о забавных и печальных эпизодах в жизни научного сообщества американских русистов. Это была совсем другая Америка, во многом патриархальная, резко отличавшаяся от того разнообразия, с которым сталкиваешься в Вашингтоне и особенно в Нью-Йорке. Но интересно, что даже там, в американской глубинке, постоянно возникали какие-то ассоциации с Россией. У кого-то были русские корни, кто-то женат на русской, кто-то увлекается историей Второй мировой войны и начал учить

русский язык в связи с той ролью, которую сыграл в победе над фашизмом Советский Союз. Конечно, в Вашингтоне родную речь слышишь постоянно – в метро, в магазине, на улице. Но когда в банке ко мне подошел чернокожий юноша-менеджер и приветствовал меня на чистейшем русском языке, я уже не знала, что думать. «У меня мама русская. Из Москвы», – скромно добавил он. Пожалуй, вот это ощущение общности и взаимосвязанности всего мира

и было главным во время моего пребывания в Америке. Стараясь не расплескать его, я с увлечением складываю свой пазл. Возникающая картина современного состояния американской русистики богата красками и оттенками. И из кажущегося «творческого беспорядка» вырастает образ России, которая никогда не была изгоем, плетушимся на обочине европейской цивилизации, а всегда страной – равноправной участницей общемирового исторического процесса.

ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРАЗИЙСКИЕ КРАТКОСРОЧНЫЕ ГРАНТЫ

Обращаем внимание выпускников Института Кеннана на то, что выделены дополнительные средства на развитие Программы Центрально-Евразийских краткосрочных грантов в 2007–2008 году.

Центрально-Евразийские краткосрочные гранты предоставляются российским и украинским выпускникам различных программ Института Кеннана (Фулбрайт-Кеннан, Стипендия имени Галины Старовойтовой, Краткосрочные гранты, Программа по региональному обмену исследователями, «Актуальные вопросы современности») на поездки в тот или иной пункт на территории новых независимых государств для работы в библиотеках, архивах или использования других специализированных ресурсов. Гранты выделяются на покрытие транспортных расходов, а также расходов, непосредственно связанных с исследованием. Запрашиваемая сумма – от 50 до 1000 долл. США.

Ежегодно проводится два конкурса. Форма написания заявки произвольная.

Соискателям нужно представить небольшое описание исследования (700–800 слов), краткую автобиографию, подробный бюджет, включающий все предполагаемые расходы по проекту, а также два рекомендательных письма в его поддержку. Все документы предоставляются на английском языке. Крайние сроки подачи документов – *1 декабря* и *1 июня*. Заявки рассматриваются членами Консультативного совета Института Кеннана. Соискатели получают уведомление о решении Совета примерно через десять недель после крайнего срока подачи документов. По завершении проекта необходимо сдать письменный отчет о проделанной работе и приложить к нему оригиналы чеков и квитанций об оплате расходов во время проведения исследования.

Заявки следует присылать по адресу:

РОО «Кеннан»:

123001, Москва, Россия, а/я 90

Тел./факс: (495) 232-3496/97

E-mail: kennan@kennan.ru

Ислам в России, ислам для России

Проблема ислама как особого, отличного от европейских моделей социокультурного типа в последние годы приобретает необычайную остроту. Это, в частности, связано с усилением давления Запада на мусульманские страны – в первую очередь, с военным присутствием международных сил, возглавляемых США, в Ираке и Афганистане, – но не только с этим. Не меньшее, а возможно, и большее значение имеет и активизация общин мусульманских эмигрантов в странах Запада, крайним проявлением которой стал так называемый «исламский терроризм», на совести которого кровопролитные акции в Нью-Йорке в 2001 и в Лондоне в 2005 году.

Россия активно вовлечена в процессы, происходящие в мире, которые проявляются здесь, однако, в особой, характерной только для российского пространства форме. С одной стороны, ислам не является целиком «внешним» для России – заметная часть коренного населения страны исповедует эту религию или относится к порожденным ею культурным типам; это отличает российскую исламскую общину от пришлых эмигрантов-арабов во Франции, пакистанцев в Англии, турок в Германии и т.д. С другой стороны, подобно странам Запада, Россия столкнулась на собственной территории с кровопролитными акциями сепаратистов, декларирующих свою исламскую идентичность, а немусульманское население России озабочено наплывом рабочей миграции из мусульманских республик СНГ, воспринимаемой как «внешнее» вторжение ислама. Эти обстоятельства, в частности,

А.В. Малашенко. Ислам для России.
М.: Росспэн, 2007. 192 стр. с илл.

предопределяют специфику России в ее взаимоотношениях с исламом, делая эти взаимоотношения более сложными и неоднозначными, чем в странах Запада.

Новая книга известного исследователя, политолога, эксперта А. Малашенко дает пеструю и многоуровневую картину современных культурных и политических процессов, связанных с российским исламом. Книга охватывает, пожалуй, все возможные аспекты «исламской проблемы». Автор выделяет четыре измерения ислама в России: (1) российские мусульманские общины, (2) образ ислама в сознании немусульман, (3) российское государство и российский ислам, (4) зарубежный ислам и внешняя политика России. Каждая из этих объемных тем развивается в отдельной главе.

В первой главе «Ислам в России каков он есть» (с. 10–51) подробно обсуждаются

ся институциональные параметры мусульманских общин в Российской Федерации. В этой чрезвычайно богатой фактическим материалом и статистикой главе читатель найдет информацию о численности, этническом составе и расселении мусульман России, включая эмигрантов, прибывших в страну в последние годы. Выделяется два крупных этнокультурных ареала – Центральная Россия и Северный Кавказ. Точных сведений о том, сколько мусульман проживает в нашей стране, не существует, и автор, приведя несколько наиболее правдоподобных данных, оценивает их численность примерно в 20 млн. А. Малашенко обсуждает эволюцию мусульманских институтов после распада СССР и нынешнее административное деление (муфтияты, Центральное духовное управление мусульман, Совет муфтиев России, Координационный центр мусульман Северного Кавказа), становление системы мусульманского среднего и высшего образования. В главе затрагивается проблема мусульманской идентичности, в которой различается два базовых типа – мусульманство как сугубо религиозная идентичность и мусульманство как скорее этнокультурная идентичность, а также сложное, часто запутанное соотношение между ними. Особое внимание уделяется процессу «реисламизации» культурного и бытового пространства на территориях, населенных мусульманскими народами, – дается яркая картина примет «реисламизации» от еды халал до «исламских» конкурсов красоты.

Далее рассматривается «исламизация» политической жизни. Роль ислама как политической силы была заметна в 1990-х годах, однако его политические организации всегда характеризовались идеологической и структурной аморфностью и мало влияли на политическую жизнь страны. Как отмечает автор, существовало много просто «липовых» организаций. С конца 1990-х роль мусульманских организаций пошла на убыль и вряд ли следует ждать, что

в ближайшие годы значение политического ислама сколько-нибудь возрастет. Вместе с тем отмечается положительная сторона исламского политического движения – оно «пробуждало у мусульман вкус к социальной деятельности, стимулируя их гражданскую активность» (с. 27). Однако нельзя думать, что ислам отсутствует на российском политическом поле – интересы мусульман защищают как представители власти в «мусульманских» субъектах Российской Федерации, так и функционеры мусульманских духовных структур.

Особо животрепещущая тема, затрагиваемая в этой главе, – оппозиционный радикальный ислам. Как отмечает автор, радикальный ислам распространен весьма широко в России, охватывая практически весь ее «мусульманский» ареал. Однако у нас нет данных о численности радикалов. Хотя адепты радикальных движений явно в большей степени ощущают единство, перекрывая тем самым изначальное структурное и этнокультурное разделение между мусульманами в срединной России и на Северном Кавказе, тем не менее вряд ли можно говорить о существовании некой единой организации радикалов, раскинувшей свою сеть на всю страну. Скорее всего, радикальный ислам представляет собой конгломерат локальных групп, в малой степени координирующих свои действия друг с другом. Усиление оппозиционных настроений заметно в последнее время и в среде суфийского ислама на Северном Кавказе, прежде последовательно противостоявшего радикалам.

Пока слаба в российском исламе модернизаторская тенденция, в которой автор усматривает попытку приспособления исламской «идеологии», которая должна была бы «давать обновленческие рациональные интерпретации общественному развитию» (с. 40).

Глава 2 «Каким нам видится ислам» (с. 52–91) содержит весьма свежий анализ современной российской ментальности в ее отношении к исламу. Автор

по большей части описывает видение ислама российскими немусульманами. В их глазах ислам чаще предстает религией примитивной и агрессивной, стереотип мусульманина негативен – это либо боевик, либо жуликоватый делец, либо не вызывающий уважения гастарбайтер. «Подавляющая часть россиян судит об исламе по действиям религиозных экстремистов, ... по радикальным заявлениям мусульманских политиков», – отмечает автор (с. 53). В главе широко используются данные статистических исследований, демонстрирующие отношение россиян в разных регионах страны к мусульманам и исламу, как местному российскому, так и зарубежному. Весьма интересен анализ продуктов массовой культуры – телебоевиков и особенно современной литературы. Пожалуй, это один из самых ярких, глубоких и тематически новых разделов исследования. Стереотип мусульманина в сознании образованных прослоек общества предстает в весьма нелицеприятном свете. Не менее интересен анализ мнений «среднестатистических» пользователей Интернета на различных сетевых форумах. Автор делает довольно неутешительный вывод: «негативную тенденцию в восприятии ислама в России вряд ли удастся в ближайшем будущем переломить»; при этом вина за этот негативизм лежит отчасти и на самих мусульманах, позволяющих себе рискованные заявления (с. 87). Глава написана чрезвычайно живо, собранный материал и его анализ зачастую поражают своей неожиданностью.

Третья глава «Государство и ислам» (с. 92–134) открывается кратким очерком отношения государства к исламу с XVI века по сегодняшний день. Современная российская верховная власть в отношении к исламу многое унаследовала от своих царских и коммунистических предшественников. Стремясь установить как можно более полный контроль над исламскими общинами, государство осуществляет надзор над всеми исламскими организациями полити-

ческого, религиозного, культурного характера, в меру своих возможностей отслеживает их зарубежные контакты с целью предотвратить нежелательные влияния извне. Именно государство сконфигурировало нынешнее институциональное пространство ислама, элементами которого ему удается успешно манипулировать. Автор рисует убедительную и детальную картину политики центральных и местных властей по отношению к мусульманам и исламским организациям. Первоначальная идея создать что-то вроде «Русской исламской церкви» наподобие православия была забыта, и к 2000 году власть остановилась на «полицентрическом» исламе, представленном «синклитом» глав Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман и Координационного центра мусульман Северного Кавказа. В отличие от СССР с его Советом по делам религий ныне не существует единого контролирующего органа общегосударственного масштаба, который бы надзирал над исламом. Хотя такие органы имеются в ряде субъектов федерации. Особое внимание автор уделяет взаимодействию местных властей в «мусульманских» субъектах федерации, в том числе корреляции административного аппарата с исламской традицией, доходящей зачастую до весьма глубокого вовлечения светских политиков в религиозную жизнь. Последнее делает их в какой-то мере религиозными авторитетами, что на самом деле, как отмечает автор, находится в противоречии с Конституцией, согласно которой религия отделена от государства. Другая важная проблема – неизбежная исламизация быта в «мусульманских» субъектах федерации – ставит перед властью вопрос о создании шариатского правового поля на этих территориях и, следовательно, значительной модификации федеральной правовой системы. Однако вопрос об исламизации юридической системы находится лишь на стадии обсуждения и не подвергался серьезной экспертной проработке.

Подробно обсуждается в главе острая проблема взаимоотношения государства и исламских радикалов. Можно согласиться с мнением автора, что нельзя приравнивать всех без разбора исламских радикалов к террористам. С полным основанием он призывает отказаться от упрощенного и даже примитивного подхода к исламу иначе, попытаться разобраться в причинах возникновения и мотивах этих движений. Очень часто власть сама провоцирует рост оппозиционности в среде мусульман и вместе с тем вполне сознательно эксплуатирует страхи в обществе перед «ваххабитами» для укрепления собственных позиций и манипуляции населением.

Весьма интересен и краткий очерк взаимоотношений между православной церковью и исламскими структурами. Московская патриархия, будучи много ближе к власти, нежели ислам, не видит в нем полноценного соперника. Позиции православия и мусульманства в части критики Запада совпадают. В отличие от некоторых православных общественных деятелей, позволяющих себе негативные оценки ислама как религии и этической системы, официальные представители Московской патриархии, напротив, подчеркивают свою терпимость и благоволение к исламу. Однако, как справедливо замечает автор, согласие между православием и исламом может быстро нарушиться, если в православной церкви возобладают националистические настроения или же если государство существенно ущемит права мусульман в пользу православия (как это едва не получилось с планами введения «Основ православной культуры» в школах).

Наконец, четвертая глава «Ислам и внешняя политика» (с. 135–176) повествует о перипетиях российской политики по отношению к зарубежному исламу, и в первую очередь к исламу радикальному, к мусульманским террористам. После 11 сентября 2001 года Россия объявила о своем вступлении

в антитеррористическую коалицию. Продолжая играть на антизападных настроениях мусульман, Россия пытается взять на себя роль посредника между Западом и мусульманским миром. Цель России заключается скорее в приобретении политического имиджа единственно приемлемого в этой ситуации переговорщика и в использовании «российско-исламского» шантажа в собственных отношениях с Западом. Декларируя борьбу против исламского экстремизма у себя дома, она недвусмысленно поддерживает зарубежные исламские движения, обнаруживающие экстремистские тенденции. В первую очередь автор имеет в виду отношения с ХАМАСом, а также позицию России по отношению к иранской ядерной программе. Хотя, конечно, Москва не в состоянии превратиться в отношениях между Западом и мусульманским миром в третьего полноценного игрока: равно как Москва использует мусульман для давления на Запад, так и для мусульман Россия – лишь один из инструментов в дипломатическом противостоянии с Западом. Для мусульманских стран бесспорно приоритетными являются их отношения с богатым и предсказуемым Западом, а не с бедной и не всегда предсказуемой Россией; недоверие к ней в мусульманском мире усугубляется и чеченскими войнами. В том же ключе надо рассматривать и стремление России в Организацию «Исламская конференция», в которой она получила статус наблюдателя в июне 2005 года. Несмотря на взаимное недоверие, Россия и мусульманские страны нуждаются друг в друге как «тактические» союзники в создании противовеса мощи Запада. Конечно, политический интерес России в мусульманском мире подкрепляется и выгодами экономического плана – это, в первую очередь, торговля энергоресурсами (нефть, газ) и оружием. Однако все же отношение России к мусульманскому миру определяется не столько экономикой, сколько политикой (с. 172).

В «Заключении» (с. 177–179) дается прогноз дальнейшего развития отмечавшихся в монографии тенденций на ближайшие 5–10 лет. Религиозный компонент в самоидентификации российских мусульман будет усиливаться, его отношение с гражданской идентичностью зависит от уровня ксенофобии в среде немусульман, которая, к сожалению, также будет нарастать. Наличные противоречия в мусульманских обществах (политические, этнические, субконфессиональные) вряд ли будут преодолены скоро, и мусульманское сообщество останется в высокой степени фрагментированным. Мощь исламского экстремизма напрямую зависит от политики властей, которая могла бы смягчить радикализм через решение социальных проблем, а также от активности зарубежного мусульманского терроризма, успехи которого могут спровоцировать активность его собратьев в России. На Северном Кавказе политизация традиционного ислама будет усиливаться, что может привести к большей консолидации местных обществ и усилению напряжения между ними и федеральной властью. Государство и далее будет заигрывать с исламом на словах, сохраняя «скептически-настороженное» к нему отношение. Контроль государства над исламскими организациями сохранится, а перехода к политике диалога с оппозиционным исламом не предвидится. Автор завершает книгу утверждением, что в обозримом будущем нет никакой реальной угрозы «исламизации» России, о возможности или даже неизбежности которой так много говорят журналисты, публицисты и даже аналитики.

Рассуждения и выводы А. Малашенко, как правило, убедительны и зиждутся на глубоком знании предмета, на искусном применении современного аналитического инструментария. Читатель найдет в книге взвешенные, спокойные оценки академического ученого, далекие от спекуляций, от какой-либо политической ангажированности. В воззрениях автора нет ни чрезмерного уми-

ления российским исламом, ни каких-либо следов исламофобии. Книга написана весьма доступным языком, стиль ее легок и увлекателен, зачастую сложные перипетии мусульманской жизни излагаются ясно, ярко, доходчиво. Словом, рецензируемая книга – весьма отрадное событие, в особенности на фоне наплыва недоброкачественных публикаций на темы ислама.

Книга снабжена библиографическим списком использованных исследовательских работ, а также публикаций в средствах массовой информации. Что представляется весьма полезным и пока непривычным для научных работ – в конце книги читатель найдет и довольно подробный список ресурсов Интернета, дающих фактическую информацию о проблемах мусульманства в России, а также отражающих умонастроения немусульман.

В качестве «придирки рецензента» можно было бы сделать следующие пожелания автору. Мне как читателю несколько не хватило более акцентированной интерпретационной составной, углубленного анализа исламской духовности сегодня, а также введения российского ислама в более широкий пространственный контекст мирового ислама, а возможно, и в контекст исторического измерения. Более смелые сопоставления и параллели, которые можно было бы провести между современным российским исламом и состоянием ислама в Европе и Азии, более систематизированные и осмысленные отсылки к прошлому этой религии помогли бы объяснить многое в современности. Так, например, интерпретация автором модернизаторских тенденций в исламе, в частности российском, представляется несколько упрощенной. Он видит в них приспособление, скорее внешнее, к современным европейским реалиям. Вместе с тем модернизаторская тенденция, хоть она и охватывает весьма ограниченное число мусульман, будучи уделом почти исключительно мусульман-интеллектуалов, на самом деле чрезвычай-

но важна. И дело не только в приспособлении, как полагает автор (с. 39–40). Модернизаторы стремятся переосмыслить сами фундаментальные основы ислама, реинтерпретировав их в свете современного точного и гуманитарного знания, общечеловеческой морали, вклад в развитие которых на протяжении веков вносили и сами мусульмане. Такого рода обновленческие всплески происходили не единожды на протяжении исламской истории. В этом смысле наша эпоха не является исключением. На мой взгляд, именно модернизаторские, обновленческие тенденции в исламе являются единственно действенным противовесом исламскому радикализму. Исламский радикализм не остановить внешней силой (усилиями одного государства или всего мирового сообщества), это стало очевидным в последние годы; его можно изжить лишь изнутри самой мусульманской общины, и в этом роль исламских обновленцев трудно переоценить.

Другой пример. Автор оправданно избегает называть радикальных мусульман «ваххабитами» (распространенная ошибка, тиражируемая средствами массовой информации и официальными лицами). Как кажется, однако, столь же неудачно для радикального ислама и именование «исланизм», широко используемое в книге (с. 31 и далее). На наш взгляд, в данном контексте «исланизм» – слишком неопределенное понятие и вряд ли семантически несет какой-либо оттенок радикальности или какую-либо другую узнаваемую отсылку к особенностям воззрений исламских радикалов. Если окинуть взором мусульманские коннотационные поля тер-

мина «ислам» и точного арабского эквивалента исламизма «исламиийат» (что, несомненно, приведет к размышлениям об историко-культурном измерении этих понятий), то неприменимость «исламизма» для обозначения какого бы то ни было радикализма становится очевидной для любого профессионального востоковеда. Более оправданы другие определения, которые сам автор хорошо знает и упоминает, – «салафиты» или «неосалафиты» (с. 30). Эти определения еще не прижились в повседневном употреблении, поэтому в текстах, предназначенных для широкой публики, я бы предпочел использовать описательные конструкторы, такие как «радикальный ислам», «мусульманский радикализм», «мусульманский экстремизм». Термины «ваххабит» и «исламист» в применении к радикальным мусульманам употреблять не стоит: первый – просто ошибочный, а второй – слишком расплывчатый и даже вводящий в заблуждение (давая повод думать, что радикализм «исламизма» присущ исламу как таковому). В этом случае, как и в первом, автора подвела некоторая узость его исследовательского фокуса.

Однако эти замечания никак не умаляют достоинства книги, ее высокий профессиональный уровень, исключительную информативность и полезность как для ученых (политологов, социологов, культурологов), так и для широкого круга интересующихся современным исламом в России.

Рустам Шукуров,
кандидат исторических наук,
доцент Московского государственного
университета

Summaries

Yuri Baturin

Rivalry and Cooperation in Space

One fourth of the 200-year history of Russian-American relations unfolded in an atmosphere of intense space rivalry that gradually turned to cooperation. The author finds it interesting to look at relations between the two countries from an unexpected angle: whereas political events are usually regarded as the major component of international relations, in this case they form the backdrop, allowing one to view the whole picture from a greater distance and to realize how the pendulum swings from Cold War to personal "friendship" between presidents and back again. In any case, space exploration has served if not as a model, then at least as an instructive example of partnership.

Nikita Pokrovsky

Hot Breathing of Globalization

The meaning of globalization, its nature and its importance are far from straightforward issues. There are, in fact, many (or at least several) "globalizations" hidden beneath one and the same term. This article looks at the conceptual diversity of approaches to globalization, and isolates the general features of globalization models from the point of view of the social constructions-matrixes inherent in them. Special attention is paid to the virtualization of social space, which is one aspect of globalization. As far as the globalization scenario for Russia is concerned, the author believes that we are dealing in this case not with delayed adaptation to changes in the world, but, on the contrary, due to a significant weakening of the social structure of Russian society we are witnessing the active realization of the majority of globalistic tendencies in their striking, "hybrid" form.

Harley Balzer

Russia and China in the Global Economy

The character of integration with the international economy explains why China and not Russia is becoming a commercial and industrial power, and has profound implications for their future development trajectories. According to the author both countries need greater societal involvement in political life to address daunting problems. By generating diverse economic interests that affect policy, China's thick international integration has created the potential for continued influence. Russia's thinner integration places fewer constraints on leaders who appear to be "dizzy with petroleum."

Aleksei Zudin

The Spread of Neo-Traditionalism and Acceleration of Political Innovations: Formulation of a Problem

Analysis of data and evaluations of the current state of mass political consciousness in Russia allow the author to state that it would be a major over-simplification to describe the situation in terms of neo-traditionalism and "revenge" for the Soviet past. It is not just that Russian neo-traditionalism appears to be an internally contradictory, degrading and unstable formation, incapable of providing for the cultural integration of society. The present stage of evolution of Russian mass consciousness is characterized not only by the spread of traditionalism, but also by the emergence of new phenomena. The "traditionalizing" that has been observed lately may to some extent be regarded as the initial stage of implanting new values, concepts, and institutions that were imported during the first half of the 1990s.

Leokadia Drobizheva, Alla Chirikova

Power Vertical and the State of Russian Federalism in Appraisals of Regional Elites

The authors of the article discuss the reaction of regional elites to federal initiatives aimed at re-centralization, and how these initiatives are perceived by representatives of power both in resource regions that actively participate in market relations, and in recipient regions. Analysis of such estimations helps to lift the veil of the future and form an idea of whether Putin's deeds will continue after the expiration of his second presidential term.

Tatyana Sokhranyaeva

Development of Corporate Education as an Aspect of Russian Modernization

The article analyzes the development of corporate education in Russia as a consequence of reforms in the socio-economic sphere and as a factor in the "modernization" of human resources. Corporate education helps increase the intellectual potential of corporations and their market value; helps eliminate disparities in the labor market and stimulate greater dynamism in the socio-economic development of certain regions; forms the social capital of a corporation, and, to some extent, of society as a whole; facilitates the integration of Russia into world economics and culture; promotes dialogue between business, state and education; and, finally, provides the innovation impulses necessary for development of the state education sector.

Yaroslav Pylynskyi

Migration Processes in the Contemporary World: Lessons for Ukraine

The emergence of an independent Ukrainian state has highlighted a problem never before faced by Ukrainian society: hundreds of thousands of its citizens have moved outside of the national borders, while at the same time the territory of Ukraine itself, once sealed off by the "iron curtain", has seen an influx of groups of peoples whose origins are distant from it both geographically and culturally. In order to better understand these processes and to work out a more efficient model for immigration policy, it is extremely important to study global migration trends and the experience of other countries. The political debates on how open to immigration a state should be are endless. In the author's opinion, one must carefully weigh up all the risks and advantages of an open society, minimizing the risks in order to make full use of the advantages.

Lyudmila Andrichenko

State and Legal Regulation of Migration in Russia Within the Context of National Security Provision

The author examines the topical issues of state regulation of migration and the shaping of adequate legislation to overcome the negative consequences of migration and ensure the security of the state. The author stresses that migration regulation carried out in the interests of national security and the protection of migrants' rights are interdependent and not mutually exclusive. The interests of migrants should coincide with those of a state's national security; only then can one speak of the emergence of an efficient state strategy in this field.

Vyacheslav Popkov

Specifics of Azerbaijanis' Identity in Russian Provincial Cities (Kaluga)

The author sets out the theoretical prerequisites of diaspora identity analysis, and this facilitates analysis of the materials of a field study carried out in Kaluga. The author's goal is to study the full spectrum of various identities within ethnic groups (including the basic one); to reveal the processes involved in constructing a unifying identity, as well as ways to maintain it and make it functional; and, finally, to study the mechanisms of alienation of an entire ethnic group from the indigenous population of the city and methods for creating ethnic borders.

ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

*Предполагаемые темы тринадцатого выпуска «Вестника»
(весна 2008):*

- ***Электоральное поведение и механизмы взаимодействия
власти и общества***
- ***Особенности российской модернизации***
- ***Меняющаяся идентичность россиян***
- ***Проблемы адаптации мигрантов и принимающего общества***

*Редакция будет признательна авторам,
которые пришлют статьи по этой проблематике
до 1 марта 2008 года.*

По этим темам принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку
и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 1 2 / 2 0 0 7

Адрес редакции: Москва, ул. Волхонка 14, комн. 527,
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными
в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции: 123001, Москва, а/я 90
Тел./факс: (495) 232-34-96 Электронный адрес: kennan@kennan.ru

Сдано в набор ... Подписано в печать ... Формат ... Объем ... п.л.
Тираж 750 экз. Печать ... Заказ № ...
Отпечатано в типографии «Инсайт Полиграфик»
Мичуринский проспект 1, офис 104-Б
Эл. почта: info@insight.ru